

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Российская Академия Наук
Институт философии

Н.В.Клягин

Происхождение цивилизации (социально-философский аспект)

Москва
1996

ББК 15.51
К 52

Ответственный редактор
доктор философских наук *Л.П.Будев*

Рецензенты:
доктора философских наук: *В.М.Мажуев, Ю.В.Олейников*; доктор исторических наук *Э.В.Саймо*

К 52 КЛЯГИН Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). — М., 1996. — 252 с.

В монографии обосновывается представление о том, что между степенями сложности технологий, практикуемых социумами в истории, и демографическим состоянием этих социумов издавна существовало определенное количественное соответствие. Подобная демографо-технологическая зависимость позволяет объяснить закономерную корреляцию плавнейших технологических революций с демографическими взрывами. Один из них — неолитический — послужил причиной возникновения производящего хозяйства. Дальнейшее демографическое развитие ближневосточных обществ по демографо-статистическим причинам создало основу для общественного разделения труда. Этот разрушительный для целостности социума процесс был нейтрализован путем заключения социума в матрицу городской цивилизации, понимаемой как предметная форма структуры общества разделенного труда. Предложены оригинальные объяснения генезиса ведущих форм духовной жизни ранней цивилизации.

Для научных работников, всех, интересующихся проблемами генезиса цивилизации и культуры.

ISBN 5-201-01894-7 Н.В.Клягин, 1996
ИФРАН, 1996

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. 3

Глава I. Предыстория цивилизации

Российская Академия Наук
Институт философии

Н.В.Клягин

**Происхождение
цивилизации
(социально–философский аспект)**

Москва
1996

**ББК 15.51
К 52**

Ответственный редактор
доктор философских наук *Л.П.Будева*

Рецензенты:

доктора философских наук: *В.М.Межуев, Ю.В.Олейников;*

доктор исторических наук *Э.В.Сайко*

К 52 КЛЯГИН Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). — М., 1996. — 252 с.

В монографии обосновывается представление о том, что между степенями сложности технологий, практикуемых социумами в истории, и демографическим состоянием этих социумов издавна существовало определенное количественное соответствие. Подобная демографо-технологическая зависимость позволяет объяснить закономерную корреляцию главнейших технологических революций с демографическими взрывами. Один из них —

неолитический — послужил причиной возникновения производящего хозяйства. Дальнейшее демографическое развитие ближневосточных обществ по демографо-статистическим причинам создало основу для общественного разделения труда. Этот разрушительный для целостности социума процесс был нейтрализован путем заключения социума в матрицу городской цивилизации, понимаемой как предметная форма структуры общества разделенного труда. Предложены оригинальные объяснения генезиса ведущих форм духовной жизни ранней цивилизации.

Для научных работников, всех, интересующихся проблемами генезиса цивилизации и культуры.

ISBN 5-201-01894-7 Н.В.Клягин, 1996
ИФРАН, 1996

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. 3

Глава I. Предыстория цивилизации

1. Доисторические реалии... 8
2. Материальная культура. 23
3. Духовная культура. 40

Глава II. Ранняя цивилизация

1. Накануне цивилизации. 62
2. Природа ранней цивилизации. 77
3. Динамика ранней цивилизации. 95

Глава III. Духовная культура ранней цивилизации

1. Духовное развитие 111
2. Осмысление истории 129

3. Становление науки148

Заключение 168

Приложение 191

Палеолитическое искусство191

Таблица 1. Статистика сюжетов
палеолитического искусства219

Таблица 2. Местонахождения мобильного
искусства нижнего и среднего палеолита
Евразии223

Таблица 3. Местонахождения франко-
кантабрийского наскального искусства227

Таблица 4. Хронология кайнозойских
оледенений239

Таблица 5. Классические археологические
культуры палеолита243

Введение

Термин “цивилизация” появился в западно-европейской литературе середины XVIII в. (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.; Фергюсон, 1759 г.) [\[1\]](#). Термин довольно быстро получил распространение и употреблялся в значении, подразумевающим культурное состояние общества, противопоставляемое варварству. Различные авторы XVIII в. вкладывали в понятие цивилизации смысл, близкий понятию наивысшего развития духовной, но также и материальной культуры. По современным представлениям, такое понимание цивилизации кажется

довольно расплывчатым и интуитивным. Оно отвечает, в сущности, понятию духовной и, в гораздо меньшей мере, материальной культуры цивилизованного общества, пришедшего на смену варварскому состоянию. В настоящее время можно указать не менее трех основных значений термина “цивилизация”, с двумя из которых он связывается достаточно широко.

Во-первых, понятие цивилизации может отождествляться с понятием культуры, в том числе и первобытной. Например, первый том французского коллективного труда “Французская предыстория”,

посвященный вполне первобытному обществу, имеет симптоматический подзаголовок “Палеолитические и мезолитические цивилизации Франции” [\[2\]](#). Отдельные параграфы этого труда, посвященные региональным археологическим культурам, озаглавлены по единообразной схеме, как то: “Цивилизации нижнего палеолита в Провансе” (А. де Люмле, с. 819–851) или “Цивилизации верхнего палеолита в Нормандии” (Ф.Биго, с. 1339–1343) и т.п. Аналогичное применение термина “цивилизация” находим в монографии М.Габори “Цивилизации среднего палеолита

между Альпами и Уралом” [\[3\]](#) и в других работах. Очевидно, в данном случае имеет место полное отождествление “цивилизаций” с первобытными археологическими культурами, что лишает термин “цивилизация” какой-либо самостоятельности.

Во-вторых, понятие цивилизации может отвечать наивысшей стадии общественного развития, которая, согласно известному труду Л.Г.Моргана “Древнее общество” [\[4\]](#), следует за первобытными стадиями дикости и варварства. Исторически такое воззрение на цивилизацию представляется правомерным, однако

не раскрывает причин, по которым высшая стадия общественного развития реализовалась именно в феномене городской культуры, с которой термин “цивилизация” связан этимологически: лат. *civis* “гражданин”, *civitas* (синоним *urbs*) [5] “город” и т.п. По этой причине корреляция цивилизации с городской культурой представляется органичной и находит отражение в литературе [6].

Для объяснения исторической связи феномена цивилизации с городской культурой мы вводим третий вариант понимания термина “цивилизация” и определяем его как предметную

форму структуры общества
разделенного труда,
материализованную из социально-
интегративных интересов в форме
города (см. гл. II, 2). Социально—
интегративный заряд материальной
цивилизации городского типа оказал
радикальное воздействие и на
духовную сферу, что позволяет дать
целостный анализ различных сторон
жизни цивилизованного общества.
При указанном понимании термина
“цивилизация” удастся показать
исторически закономерный ход
возникновения цивилизованного
общества как очередного этапа
социальной интеграции.

Наконец, в социально–философской литературе встречаются и другие понимания феномена цивилизации [7], однако их эффективность для исследования генезиса городской культуры относительно прежде всего потому, что феномен цивилизации не ставится во взаимно однозначную корреляцию с феноменом городской культуры.

Зарождение начал урбанистической культуры и, следовательно, генезис цивилизации, в нашем понимании, коррелирует с неолитической технологической революцией. Поэтому история развития

технологии приобретает
первостепенное значение для
понимания происхождения
цивилизации. Мы обосновываем
предположительную причинно—
следственную зависимость между
демографическим состоянием
общества и степенью сложности
практикуемой им технологии, что
позволяет объяснить корреляцию
основных демографических и
технологических революций в
человеческой истории. Технология
при этом понимается следующим
образом. Технология — это набор
стереотипных приемов производства,
воспроизведение которого

гарантирует получение стандартного конечного продукта. Технологию могут составлять наборы технических операций, а также стандартные наборы операций, применяемых в любой сфере общественного производства: не только в технике изготовления орудий труда и их применения, но и в охотничье–собираТЕЛЬСКИХ промыслах, сельском хозяйстве, ремесленном производстве различной природы, зодчестве, горном деле и т.д. Во всех сферах общественного производства существуют стандартные алгоритмы образа действия, которые в

настоящей работе для краткости объединены в понятие технологии. По закону организационного соответствия степени сложности технологий различных отраслей производства в конкретном обществе имеют нередко близкие значения, что позволяет с известной условностью говорить о степени сложности технологии, присущей конкретному обществу в целом (простая первобытная технология неразделенного труда; сложная отраслевая технология социума общественно-разделенного труда до промышленной эпохи; очень сложная технология промышленного

общества, в котором разделение труда, в отличие от предыдущего варианта, опускается до уровня отдельных производственных операций).

Особую социально-философскую проблему составляют взаимоотношения понятий цивилизации и культуры. Мы понимаем под культурой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных. Так, вторичные общественные структуры служили в генезисе целям социализации свободного активного времени

гоминид, что позволяло им сохранять целостность своих сообществ, необходимую для поддержания нормального производственного потребления гоминидами экосреды как предмета труда. В конечном счете это служило целям поддержания жизнедеятельности гоминид, т.е. удовлетворения их естественных потребностей. Таким образом, изложенное понимание культуры применимо как к материальной, так и к духовной сфере жизни человека и его предков всех эпох социальной жизни. Понимая цивилизацию как предметную форму структуры

общества разделенного труда, мы тем самым вкладываем в термины цивилизации и культуры понятия несравнимой степени общности: культура универсальна и извечна для социальной истории человечества; цивилизация по происхождению ограничивается сферой материальной культуры, отражается более узким понятием и существует лишь на урбанистическом отрезке человеческой истории. Цивилизация несет специфическую социально-интегративную функцию в эпоху общества разделенного труда. В этом отношении цивилизация — более узкое понятие, чем культура;

вероятно, дочернее по отношению к последнему: культура является универсальным средством социальной интеграции любой формы общества (материальная и духовная культура), а цивилизация выступает средством социальной интеграции общества разделенного труда (материальная урбанистическая культура по преимуществу). Рассмотрение предыстории и истории генезиса социально-интегративных свойств цивилизации (материальной урбанистической культуры) и составляет основную задачу настоящей работы.

ГЛАВА I

ПРЕДЫСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. ДОИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

По современным представлениям, наиболее отдаленными предками человека были двуногие приматы (гоминиды типа австралопитека афарского), имевшие относительно длинные (питекоидные, обезьяньи) руки, объем мозга как у современных высших приматов и поначалу не изготавлившие орудий. Проблема возникновения самых ранних гоминидных предков человека, таким

образом, сводится к проблеме генезиса двуногого млекопитающего с человеческим шагающим способом передвижения, отличным от прыгающего способа передвижения у современных двуногих сумчатых, насекомоядных и грызунов.

Шагающий (или бегающий) способ передвижения человеческого типа достоверно известен у млекопитающего *Leptictidium nasutum* (Мессель, Гессен, Германия, ранний средний эоцен, 50–48 млн. лет назад) [\[8\]](#), а также у разнообразных двуногих мезозойских текодонтов и динозавров [\[9\]](#). С биоэнергетической точки зрения,

двуногий человеческий способ передвижения энергетически выгоден, но сопровождается потерей в скорости и радиусе передвижения. Четвероногая локомоция (способ передвижения), напротив, более энергоемка, но обеспечивает большие скорости и радиусы передвижения. С экологической точки зрения это означает следующее. Когда биопродуктивность среды высока и пища (растительность и питающиеся ей травоядные) сконцентрирована в пространстве, животным эволюционно выгоднее экономить энергию на передвижении,

поскольку концентрация пищи в пространстве не требует от них быстрого освоения больших территорий. В этих условиях эволюционно выгодно быть двуногим. Напротив, когда биопродуктивность среды падает и пища реже распространена в пространстве, животным становится выгоднее быть более подвижными, поскольку пищу приходится собирать с больших территорий, хотя это сопровождается большим расходом энергии на передвижение. В таких условиях эволюционно выгодно быть четвероногим. Высокая биопродуктивность среды

коррелирует с теплым и влажным глобальным климатом, когда оледенений нет. Напротив, снижение биопродуктивности среды вызывается похолоданием и сухостью глобального климата, связанными с наступлением ледникового периода. Упрощенно говоря, во время оледенений выгоднее быть четвероногим, а во время межледниковий — двуногим. Следует добавить, что способ использования животными пищи также может отражать их приуроченность к эпохам высокой или относительно низкой биопродуктивности среды (особенно

у хищных). Так, развитая дифференцированная зубная система (разнозубость, когда отдельные классы зубов отчетливо различаются по своим функциям при переработке пищи) может свидетельствовать о том, что пища в экосреде разрежена и требует своей тщательной утилизации, а неразвитая зубная система (равнозубость, когда зубы отдельных классов функционально различаются мало) свидетельствует о том, что пищи в экосреде много и ее тщательная утилизация не обязательна.

В среде наземных животных складывается такая картина (хотя

можно привести факты и по водной фауне: головоногим, рыбообразным). В конце пермо–карбонового оледенения (низкая биопродуктивность среды) в пермском периоде, 285–230 млн. (в конце этого периода), на суше господствовали весьма прогрессивные зверообразные пресмыкающиеся, четвероногие, разнозубые и, возможно, теплокровные, зверозубые представители которых породили млекопитающих. Однако, несмотря на свои прогрессивные черты, эти животные с концом пермо–карбонового оледенения приходят в

упадок, и господство на суше в теплом триасовом периоде, 230–195 млн., переходит к более примитивным рептилиям — архозаврам, представленным текодонтами и их родственниками динозаврами. Текодонты и первые динозавры были двуноги и равнозубы, что хорошо отвечает высокой биопродуктивности триасовой экосреды. Однако в юрском периоде, 195–137 млн., произошло микрооледенение (засвидетельствованное в Антарктиде юрскими тиллитами, отложениями ледникового происхождения), закономерно

вызвавшее расцвет четвероногих форм — в частности, крупнейших в истории Земли четвероногих зауропод, произошедших от закономерно двуногих триасовых прозауропод. Следующий теплый меловой период, 137–67 млн., отмечен, наряду с сохранением четвероногих форм, максимальным расцветом равнозубых двуногих динозавров (тиранозаврид и др.). Вся эта фауна с падением биопродуктивности среды в позднем меловом периоде (перестройка растительности в пользу современных покрытосеменных) вымирает к началу кайнозойской

эры, после чего господство надолго (по сей день) переходит к четвероногим разнозубым млекопитающим, хорошо приспособленным к низкой биопродуктивности среды кайнозоя. Однако в теплом эоцене, 53,5–37,5 млн., в среде млекопитающих появляется вышеупомянутая двуногая форма. Наконец, в теплом раннем позднем миоцене, 10–7 млн., обнаруживаются первые признаки существования равнозубых двуногих гоминид, которые по этим признакам представляются эволюционными конвергентами (внешними

подобиями) двуногих равнозубых динозавров.

Современный человек, а также его ископаемые предки и родственные им существа принадлежат, с биологической точки зрения, к семейству гоминид подотряда антропоидов отряда приматов. К семейству гоминид с уверенностью можно отнести два биологических рода (австралопитеки и люди) и семь биологических видов: австралопитек афарский, австралопитек африканский, австралопитек массивный, австралопитек бойсов, австралопитек умелый (он же “человек умелый”), человек

прямоходящий и человек разумный (включающий такие подвиды, как человек разумный неандертальский, человек разумный разумный — современный подвид и ряд других). Родственные связи (филогенетические отношения) этих гоминид сложны и образуют не менее 6 вариантов для стадии австралопитеков [\[10\]](#) и, вероятно, не меньше для стадии следующего рода (человек). Благодаря открытию “Олдувайского гоминида 62” выяснилось, что строение тела (пропорции конечностей, в частности, питекоидные длинные руки) у “человека умелого” было в

точности таким же, как у австралопитека афарского, что заставляет рассматривать “человека умелого” как австралопитека, а датировка “параавстралопитека эфиопского” (ранний австралопитек бойсов) в 2,5 млн. лет показала, что эволюция австралопитека афарского в другие виды австралопитеков началась ранее этой даты. Указанные обстоятельства позволили Д.К.Джохансону предложить филогенетическое древо австралопитеков, у основания которого находится австралопитек афарский, и которое между 3 и 2,5 млн. лет разделяется на три ветви:

австралопитек африканский и
австралопитек массивный, затем
австралопитек бойсов и, наконец,
австралопитек умелый, человек
прямоходящий и человек разумный.

Согласно В.М.Саричу [\[11\]](#),
эволюционное разделение гоминид и
понгид (современные высшие
человекообразные обезьяны)
произошло, по молекулярно—
генетическим данным, ок. 4—5 млн.
лет назад. Эта датировка не вполне
согласуется с
палеоантропологическими данными.
Австралопитек афарский датируется
ок. 5—2,7 млн. лет (древнейшее
местонахождение — Табарин,

Баринго, Кения, 4,9 млн.), однако в некоторых африканских местонахождениях остатки гоминид датируются более древними временами: Лотагам, Туркана, Кения (фрагмент нижней челюсти с коренным зубом и несколько фрагментов черепа австралопитека, 5,5–5 млн.), Лукейно, Кения (коренной зуб гоминида, 6,5–6 млн.) и Баринго, формация Нгорора, Кения (верхний коренной зуб гоминида, 9 млн. лет или 9–12) [\[12\]](#). Причина расхождения молекулярно-генетической датировки возникновения гоминид с палеоантропологической может

заклучаться в одном своеобразном обстоятельстве. Молекулярная эволюция, в частности, и эволюция вообще у гоминид, возможно, заторможена примерно в 3,8 раза (это всего лишь порядок величин), что связано с аномально высоким удельным метаболизмом (уровень обмена веществ в течение жизни) у современного человека и, вероятно, у его прямых предков (чем выше уровень прижизненного обмена веществ, тем медленнее онтогенез, филогенез и темпы эволюирования) [\[13\]](#).

Около 2,7–2,5 млн. лет назад австралопитек афарский дал начало

линиям австралопитека
африканского — австралопитека
массивного, австралопитека бойсова
и австралопитека умелого. По
времени это событие отвечает
теплому и влажному интерстадиалу
(межледниковью) Бибер I/II, 3–2,6
млн. лет. Примерно миллион лет
спустя австралопитек умелый
трансформировался в человека
прямоходящего в интервале 1,8–1,6
млн. лет назад. Древнейший точно
датированный человек прямоходящий
известен в Нариокотоме III, Туркана,
Кения, 1,6 млн. лет. Это
эволюционное событие отвечает
теплому и влажному интерстадиалу

Донау II/III, 1,79–1,6 млн. лет. Причины связи эволюционных событий в семействе гоминид с периодами глобальных потеплений заключены в том, что для двуногих гоминид теплые эпизоды были экологически наиболее оптимальны (см. выше).

Вероятная причина, по которой именно приматы породили двуногие формы гоминидного типа, отнюдь не аттестует гоминид как неких исключительных существ. Преимущественные эволюционные перспективы имеют не прогрессивные специализированные формы, а примитивные и

малоспециализированные [\[14\]](#). При перестройке экосреды от менее биопродуктивной к более продуктивной и обратно специализированные формы с трудом могут быстро перестроиться (например, упоминавшиеся четвероногие зауроподы произошли от не очень совершенных двуногих прозауропод, а более развитые двуногие целурозавры четвероногих форм не дали). Приматы из-за древесного образа жизни рожают мало детенышей, которые вдобавок медленно развиваются. Этот фактор затормозил эволюцию приматов (сейчас самыми процветающими

млекопитающими являются быстро размножающиеся грызуны). Можно думать, что какая-то отсталая (по указанным критериям) ветвь приматов оказалась после оледенения 13–10 млн. лет назад в эволюционно выгодном положении во время потепления 10–7 млн. лет назад и дала линию полуназемных понгид (высшие человекообразные обезьяны типа шимпанзе) и линию наземных равнозубых двуногих гоминид, которые представляли собой оптимальный вариант эволюционной реакции на начавшийся подъем

биопродуктивности среды после похолодания 13–10 млн. лет назад.

Другой возможной эволюционной реакцией гоминид на рост биопродуктивности среды мог быть подъем их удельного метаболизма (количество пищевой энергии, потребляемой в течение жизни на единицу веса), который у современного человека в 3,8 раза превосходит уровень удельного метаболизма всех прочих высших млекопитающих, т.е. их постоянную Рубнера, отражающую уровень прижизненного обмена веществ [\[15\]](#). Прямо датировать эту мутацию у предков человека пока не

представляется возможным, однако по некоторым косвенным признакам она относится к эпохе австралопитеков. Дело в том, что по срокам прорезывания зубов у детей человека и детенышей ранних гоминид можно определить продолжительность их детского возраста, а продолжительность детства (онтогенез) прямо зависит от уровня удельного метаболизма. Поскольку сроки прорезывания зубов у австралопитеков близки срокам у современного человека [\[16\]](#), появляется основание предполагать, что уровень метаболизма у австралопитеков мог быть близок

метаболизму человека. Лицевой скелет австралопитеков более укорочен, чем у шимпанзе, а такое укорочение челюстей объясняется неотенией, связанной с высоким уровнем метаболизма. В эволюционном отношении современный человек представляется результатом неотении, т.е. такой формы эволюции, когда инфантильные черты ребенка сохраняются до взрослого состояния (у человека это — обезволошенность тела, округлая форма черепа, маленькие челюсти, что в совокупности обуславливает непропорциональное развитие

мозгового скелета по сравнению с лицевым) [\[17\]](#). Неотения же (замедленность онтогенеза), несомненно, является следствием высокого уровня удельного метаболизма, тормозящего онтогенез. Торможение онтогенеза вследствие высокого уровня удельного метаболизма имеет довольно простое эволюционно-экологическое объяснение. Человек и, возможно, его предки способны потреблять в течение жизни в 3,8 раза больше пищи, чем равновеликие им млекопитающие. Чтобы сохранить равновесие с экосредой, гоминиды были вынуждены

примерно в 3,8 раза растянуть этот процесс. В результате в каждый конкретный момент времени они потребляли столько же пищи, сколько и равновеликие им млекопитающие, но при этом жили примерно в 3,8 раза дольше, что и вызвало торможение всего их жизненного цикла, т.е. онтогенеза.

Повышение уровня обмена веществ у ранних гоминид (если, конечно, оно имело место) рассчитано на стабильное потребление относительно богатой пищей экосреды. Двуногость, равнозубость и высокий метаболизм указывают на то, что гоминиды эволюционно

закономерно возникли в теплый интервал 10–7 млн. перед эпохой антарктического оледенения Тэйлор 5 (7–3,7 млн. с двумя интерстадиалами).

Высокий метаболизм гоминид имел два важных последствия. Во–первых, весьма вероятно, из–за повышения уровня удельного метаболизма у гоминид замедлились темпы эволюции, что вытекает из зависимости между обменом веществ, темпами онтогенеза, филогенеза и эволюирования (все замедляется по мере роста метаболизма). Это обстоятельство наводит на мысль, что результаты

молекулярно–генетических определений эволюционного возраста семейства гоминид вообще и современного человека, в частности, (В.Сарич, А.Вилсон и др.), показывают заниженные даты, плохо согласующиеся с палеонтологической летописью.

А.К.Вилсон, Р.Л.Канн и М.Стоункинг [\[18\]](#) исследовали молекулярно-генетическую изменчивость митохондриальной дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) в популяциях современных людей. Митохондриальная ДНК, находящаяся в митохондриях клеток (клеточные органеллы, снабжающие

клетку энергией), в отличие от ядерной ДНК, наследуется только по женской линии, что позволило А.К.Вилсону и др. выдвинуть гипотезу о некогда существовавшей женщине (“Еве” популярной литературы), являющейся общим предком для всего современного человечества. Поскольку максимальное разнообразие митохондриальной ДНК наблюдается в негроидных популяциях (показатель древности), сделан вывод о том, что “Ева” была близка к предкам негроидов и обитала в Африке.

Возраст этой женщины оценен менее чем в $1/25$ от возраста расхождения гоминид и понгид. По В.Саричу, это 5 млн. лет, что датирует “Еву” менее чем в 200000 лет (начало ледниковой стадии Рисс III, 204000–134000). Если исходить из палеонтологического возраста гоминид (9 млн. лет), то “Еву” надо датировать менее чем 360000 лет (теплый период Миндель/Рисс I, 362000–ок.350000 лет).

Европейские палеоантропологические находки склоняют к большему из двух возможных возрастов “Евы”. В

карьере Барнфилд Пит (Сванскомб, Кент, Великобритания, нижняя часть нижнего среднего гравия, средний ашель [IV], Миндель/Рисс II, ок. 340000–330000) обнаружена довольно прогрессивная форма раннего человека разумного (“пресapiенса”), сближаемая с человеком разумным штайнхаймским из карьера Сигриста (Штайнхайм–ан–дер–Мурр, Баден–Вюртемберг, Германия, Миндел/Рисс, 362000–310000, синхронен среднему ашелю соседнего карьера Саммет) [\[19\]](#), более прогрессивным, чем классические европейские неандертальцы. Однако еще важнее

находка в гроте де Фонтешевад (Оргдей, Шаранта, Франция, слой Е 1, культура эвано, Рисс II/III, 220000–204000), состоящая, правда, из одного фрагмента лобной кости, но по-современному тонкого и лишенного признаков надглазничного валика (образец Фонтешевад I). Выше залегающий образец Фонтешевад II (осколок лобной и 2 теменные кости) гораздо примитивнее.

Эти находки ныне обычно относят (например, Б.Вандермерш) к неандертальской линии гоминид, однако общеметодологические основания для этого, на наш взгляд,

сомнительны. Процесс сапиентации заключается в инфантилизации формы черепа (неотения). Следовательно, надо предположить, что от относительно мало неотеничного человека прямоходящего произошли более неотеничные Сванскомб и Фонтешевад I, а затем от них произошли опять мало неотеничные классические неандертальцы (ситуация, близкая парадоксу прогрессивных и классических неандертальцев). Такой порядок вещей противоречит закону Долло о необратимости эволюции.

Несколько позже появляются настоящие представители современного подвида человека. Они известны в Африке и на Ближнем Востоке. Это гоминиды из Класиес Ривер Маут (Капская провинция, Южная Африка, культура питерсбург (средний каменный век), Рисс III или Рисс/Вюрм I/II, 120000 — более 90000), протобушмены из Бордер Кейв (граница Свазиленда — Южной Африки, культура питерсбург, Рисс III, 200000 или Вюрм II A, 75000, Вюрм II Дюрnten, 60000), гоминидные остатки (три коренных зуба) из грота Мумба (Танзания, Рисс/Вюрм, 130000–109000 по

урану), гоминид Омо I (Омо, формация Кибиш, Эфиопия, Рисс III или Рисс/Вюрм, 130000 по урану), гоминид из Мугарет-эль-Зуттие (Вади Амуд, Кинерет, Израиль, нижний слой, финальный ашель ябрудской фации, Рисс III, 148000 по торий/урану), протокроманьонцы из Джебель Кафзех (Вади Эль-Хай, Изреэль, Израиль, слой Л, леваллуа-мустье, Вюрм I Брёруп, 100000–90000) и Мугарет-эс-Схул (Вади Эль-Мугара, Хадера, Израиль, слой Б, леваллуа-мустье, Вюрм I В, 100000). В Европе человек современного типа появляется позже: пещера Бачо-Киро, Дряново,

Габрово, Болгария слой 11, ориньяк 1 (ольшев) типа Ишталлошко (нижний слой), Вюрм II Мурсхофд, 50000 +9000, -4000 (1 сигма) или более 43000 (2 сигмы) ¹⁴ С, куэва де Ла Кариуэла, Пиньяр, Гранада, Испания, слои 3-2, типичное мустье с ориньякским влиянием, Вюрм II/III Хенгело (39000-37500), навес Староселье, Бахчисарай, Крым, Украина, восточно-европейский микок, Вюрм II Мурсхофд (51000-46500), 41000 (вне навеса, ¹⁴ С), Ахштырская пещера, Адлер, Сочи, Краснодар, Россия, слои 8-7, зубчатое мустье (культура хоста), Вюрм II/III, 37000 (коллаген), Вюрм

II/III Ле Котте, 350002000 (торий/уран), но гомогенная хостинская культура зубчатого мустье начинается в этой пещере, вероятно, с Вюрма II Дюрнтен, более 58000 (коллаген).

Человек прямоходящий просуществовал до 300000 лет назад, например, в Европе в Бильцингслебене (Артерн, Эрфурт, Тюрингия, Германия, древний тейяк, Миндель/Рисс III, 350000–300000, торий/уран). Трансформация же его в тип примитивного человека разумного началась определенно много ранее, о чем свидетельствуют такие находки, как архаичный человек разумный из Бодо–д'Ар,

Аваш, Эфиопия, 500000–300000, и образцы пренеандертальцев из Петралони, Фессалоники, Халхидика, Греция, слой 11, прототейяк, ок. 700000, из Вертешсёллёша, Татабанья, Комаром, Венгрия, культура буда (прототейяк), Миндель I/II (459000–383000), и из Кон–де–л'Араго, Тотавель, Восточные Пиренеи, Франция, ансамбль 3 Г, Ф, Рисс I (?), более 400000, 320000 (Г), 220000 (Ф) уран, рацемизация аминокислот. Архаичный человек разумный появляется в Восточной Азии несколько позднее в Дали (Дуанжия, Шаанси, Китай, Рисс III, ок. 200000).

Таким образом, человек разумный появляется не позже Миндель/Рисса (362000–310000) и какое-то время сосуществует с человеком прямоходящим.

Во-вторых, высокий метаболизм гоминид был чреват для них прогрессирующим демографическим ростом. Из-за высокого метаболизма продолжительность жизни и онтогенез у гоминид оказались растянутыми по сравнению с другими равновеликими им млекопитающими. По этой причине эволюционно-экологические реакции гоминид на перемены в экосреде были заторможены.

Стандартные млекопитающие реагируют на временный подъем биопродуктивности экосреды (речь идет о кратковременных экологических изменениях) немедленным увеличением своего поголовья, что с исчерпанием природных ресурсов влечет за собой сокращение численности животных. Этот процесс, называемый популяционными волнами, обеспечивает в общем стабильную численность животных в биоме (если не считать ее периодических пиков и спадов). Гоминиды в силу указанных причин (заторможенность эволюционно—экологических

реакций) не могли участвовать в популяционных волнах наравне с другими млекопитающими. Неучастие же в популяционных волнах создавало для гоминид тенденцию к медленному, но непрерывному демографическому росту. Для сохранения равновесия со средой гоминиды должны были выработать средства “искусственного” поддержания численности своих локальных популяций на стабильном уровне с расселением излишков населения.

На наш взгляд, беспрецедентная демографическая история гоминид начинается в эпоху их ранних

представителей по вышеописанным причинам. Конечно, демография австралопитеков малоизвестна, однако можно предполагать, что ок. 2,2 млн. лет назад их демографический рост обозначился (предположительно, речь идет в основном об орудийном австралопитеке умелом). Уже заселив Восточную и Южную Африку (даты дискуссионны), гоминиды освоили Евразию, достигнув Франции ок. 2,2 млн. (Сен-Валье) и примерно в то же время Алтая (Улалинка, Горно-Алтайск, Алтай, Россия, галечная культура, средний виллафранк, 2,3–

1,8 млн., более 1,5 млн. по термолюминесценции) [\[20\]](#). Следующее значительное географическое распространение гоминид связано с появлением первого представителя рода “человек” — человека прямоходящего (генезис в Восточной Африке между 1,8 — 1,6 млн.). Очень скоро человек прямоходящий проник в Европу (Шандалья 1, Хорватия, 1,6 млн.; Вента Мисена, Испания, 1,36–1,27 млн.) и в Восточную Азию (Моджокерто, Ява, Индонезия, менее 1,90,4 млн.; этот гоминид, однако, иногда сближается с австралопитеком умелым). Ранний

человек прямоходящий использовал в Африке культуры развитого олдовая, раннего ашеля, индустрию карари (Кооби–Фора, Туркана, Кения, 1,65–1,25 млн.) и др. Однако в Европу он принес еще преашельскую индустрию (Эль Акуладеро, Испания, 1,43–1,36 млн.), синхронную раннему ашелю Восточной Африки. Следовательно, едва появившись (Нариокотоме III, Кения, 1,6 млн.), человек прямоходящий стремительно распространился за пределы Африки, что напоминает демографический взрыв.

В Гюнц/Минделе, возможно, африканская древнеашельская

индустрия достигла Италии (0,736–0,718 млн.) и Франции (Аббевиль, 0,654 млн.). Очень вероятно, что африканский верхний ашель (начало 0,5–0,4 млн.) в интерстадиале Миндель I/II был принесен в Европу (Торре–ин–Пьетра, Италия, ок. 0,43 млн.). Это тем более вероятно, что в это время в Европе все еще существовал древний ашель (Терра Амата, Франция, 0,38 млн.). Следующее вторжение африканских популяций в Европу может быть связано с миндель/рисским средним ашелем человека разумного штайнхаймского, имеющего некоторые южные

антропологические признаки (см. выше).

Первый (верхнепалеолитический) демографический взрыв современного человека начался в интерстадиале Мурсхофд Вюрма II. Он отмечен появлением ориньякского человека в Бачо—Киро (50000; и, возможно, синхронным появлением человека современного типа в Староселье). В интерстадиале Вюрм II/III этот демографический взрыв обозначился распространением ориньякского человека до Франции на западе и представителей австралоидной расы современного человека до

Индонезии на востоке (Ниах грейт кейв, Гунунг Субис, Саравак, Калимантан, Малайзия, галечная культура, более 41500 ± 100 ¹⁴ С). Второй (неолитический) демографический взрыв связан уже с рубежом плейстоцена/голоцена (см. гл. II, 1).

Приведенные факты показывают, что значимые био-демографические события гоминид все связаны с теплыми периодами (интергляциалами и интерстадиалами). Так, появление первых гоминид относится к интергляциалу пре-Тэйлор 5 (10–7 млн.), появление австралопитека

афарского — к интергляциалу Эпоха
5 — ранний Гильберт (6–4,7 млн.),
разделение австралопитека
афарского на виды австралопитек
африканский, бойсов и,
предположительно, умелый
(присутствие орудийных гоминид в
Када Гона, Эфиопия, более $2,63 \pm 0,5$
млн.) — к интерстадиалу Бибер I/II
(3–2,6 млн.), экспансия орудийных
гоминид в Евразию — к
интергляциалу Бибер/Донау (2,3–2
млн.), возникновение человека
прямоходящего и его экспансия в
Евразию — к интерстадиалу Донау
II/III (1,79–1,6 млн.), экспансия
древних ашельцев — к теплоту

Гюнц/Минделю II (736000–718000 в Италии), экспансия поздних ашельцев — к интерстадиалу Миндель I/II (459000–383000), экспансия раннего человека разумного со среднеашельской индустрией — к Миндель/Риссу (362000–310000). Экспансия человека современного типа принадлежит к интерстадиалу Мурсхофд (51000–46500) и интерстадиалу Вюрм II/III (39000–34000), наконец, экспансия носителей производящих неолитических культур — к интергляциалу голоцен.

Связь экспансии новых видов гоминид и их новых археологических

культур с теплыми периодами высокой биопродуктивности среды хорошо объясняется нашей гипотезой относительно того, что гоминиды были двуногими конвергентами существ типа двуногих динозавров, чья эволюционная природа была рассчитана на условия высокобиопродуктивной среды. Напротив, в холодные эпохи популяции гоминид должны были сокращаться, что, с эволюционно-генетической точки зрения, должно было благоприятствовать видообразованию в их среде. Новый вид возникает в предельно малой популяции [\[21\]](#), но шансы найти

следы такой популяции в палеонтологической летописи ничтожны.

Таким образом, имеются основания считать, что основным биологическим отличием гоминид от других млекопитающих были высокий уровень удельного метаболизма и его вероятные эколого—демографические следствия. Эволюционно запрограммированные на демографический рост гоминиды в интересах поддержания своего баланса с экосредой должны были обзавестись каким—то средством контроля своей численности,

несвойственным
млекопитающим.

другим

2. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Помимо высокого уровня удельного метаболизма, человек и его предки имеют еще одно важное отличие от высших животных, а именно: все орудийные гоминиды располагали средствами коллективного производственного потребления (коллективными орудиями), которых у животных нет. У животных, по-видимому, независимо от уровня развития (беспозвоночные, позвоночные), орудия как таковые

представлены хорошо [\[22\]](#). У них есть средства индивидуального производительного потребления, т.е. орудия, используемые производительно, но индивидуально (одиночные осы, дятловые вьюрки, калифорнийские каланы, павианы, шимпанзе и др.). У животных есть также и средства коллективного непроизводительного потребления: главным образом коллективные жилища (термиты, муравьи, осы, пчелы и др.) или средства их благоустройства (гидро—технические сооружения бобров). В отличие от других орудийных животных, гоминиды освоили средства

коллективного и одновременно
производительного потребления:
орудия, изготавливаемые согласно
коллективной традиции и
используемые в коллективных
промыслах. Судя по наклонностям
высших приматов, избегающих
трупоядения, и по признакам
загонной массовой охоты у людей
разумных и прямоходящих,
непосредственный предок последних
— первый орудийный австралопитек
("человек умелый") также, вероятно,
был коллективным охотником, тем
более, что коллективная, но
безорудийная охота хорошо известна
у его ближайшего родича —

шимпанзе (мы не разделяем гипотезу о некрофагии у гоминид [\[23\]](#)).

Таким образом, сама по себе орудийная деятельность гоминид (производительное потребление орудий) не вызывает удивления (охота, разделка мяса, обработка дерева и др. материалов). Отличительной особенностью гоминид как орудийных существ было то обстоятельство, что их производительные орудия носили коллективный характер. Именно поэтому попытки функционально раскрыть загадку генезиса гоминидовой культуры представляются наивными:

загадочно не то, для чего применялись орудия (охота, обработка пищи, самооборона и т.д. — все это есть и у животных), а то, почему производительные орудия употреблялись гоминидами коллективно. Это резонный вопрос, поскольку индивидуальные орудия, гармонируя с носителем, обычно эффективнее тех же орудий при коллективном применении, когда способности носителя усредняются. Поэтому не удивительно, что эволюция не снабдила обычных животных коллективными производительными орудиями, поскольку те менее эффективны, чем

индивидуальные. (Происхождение эффективности человеческих коллективных орудий — это особый вопрос, см. далее).

Элементарные методологические соображения (обычно игнорируемые в антропогенетической литературе) побуждают причинно—следственно связать оба исключительных достояния гоминид: высокий уровень удельного метаболизма и средства коллективного производительного потребления. Конечно, связь здесь не может быть непосредственной. Высокий удельный метаболизм вызвал эколого—демографические проблемы гоминид, что в свою

очередь обусловило нужду в
небиологических средствах
демографического самоконтроля
гоминидами состояния своих
сообществ. Здесь и могла
понадобиться нашим предкам
коллективность их средств
производительного потребления,
поскольку можно показать, что
между демографическим состоянием
конкретного микросоциума и
степенью сложности практикуемой
им коллективной технологии
имеется общее количественное
соответствие. Для обоснования этой
демографо–технологической
зависимости нам придется отвлечься

в несколько неожиданную область количественной теории информации К.Э.Шеннона [\[24\]](#), точнее некоторых ее приложений.

Суть интересующих нас выводов из концепции К.Э.Шеннона состоит в следующем. Представим человека, собирающегося совершить какой-то поступок и имеющего при этом два варианта поведения в ходе совершения этого поступка, но последствия обоих вариантов ему не ясны. Здесь человек попадает в ситуацию неопределенности выбора образа действия из двух альтернатив. Положим, человек получает сведения, позволяющие предпочесть

один вариант другому. Это означает, что он получил сообщение, снижающее для него неопределенность выбора образа действия на одну единицу (из двух исходных вариантов поведения). Такое сообщение для человека (или машины) содержит, по терминологии К.Э.Шеннона, количество информации размером в один бит. Если выборов образа действия больше, чем два, количества информации, необходимой для оптимального избрания какой-то одной линии поведения, потребуется больше, и сообщение, исключаящее только одну из трех линий

поведения, будет содержать количество информации, меньшее, чем один бит, однако, его при помощи математического аппарата теории вероятностей можно перевести в биты. Теперь представим, что человек, выбирающий из двух альтернатив и получивший тот бит информации, который нужен ему для предпочтения одной из них, получает второе, но аналогичное сообщение, которое уже никак не может повлиять на его выбор, так как он прояснен первым сообщением. Это второе сообщение будет содержать в подобной ситуации ноль

информации. Отсюда следует вывод, что положительное количество информации может заключаться только в сообщении, несущем новые сведения. Есть основания считать, что человеческий мозг, как и компьютер, оценивает количество информации, содержащейся в поступающих сведениях, именно таким образом.

Теперь представим, что человеку или древнему гоминиду надо изготовить два или больше одинаковых орудий (так называемый процесс репликации артефактов). С первым орудием информационных проблем не будет, но, изготавливая второе,

создатель столкнется с информационным затруднением, поскольку перестанет получать информацию (в количественном смысле, т.е. новые сведения) о ходе репликации второго артефакта, так как все сведения о нем он получил, создавая первый. Подчеркнем, что выявление этого информационного затруднения вытекает из весьма абстрактной математической теории и его крайне сложно представить в доступных аналогиях. Можно, например, сказать, что создание двух идеальных копий человеку в принципе недоступно. Можно объяснить из приведенных

соображений, почему таким изматывающим для человека является конвейерное производство, при котором как раз необходимо тиражировать одинаковые артефакты. Наконец, можно объяснить, с информационной точки зрения, почему отдыхом является смена родов деятельности (такая смена избавляет человека от информационных затруднений) и т.д.

В этой связи возникает вопрос: каким образом древним гоминидам и людям современного типа удавалось и удастся преодолеть информационные трудности при репликации одинаковых артефактов?

Возможным решением этой проблемы является предположение, что в процессе тиражирования однотипных артефактов их создатели постоянно допускали отклонения от стандартной технологии производства изделий, относящихся к одному и тому же классу орудий. Такие отклонения разнообразили стандартный процесс репликации и облегчали ее информационный контроль. Из этого предположения следует важный вывод, вполне поддающийся фактическому подкреплению. Суть этого вывода состоит в следующем. Раз для успешной репликации

однотипных изделий требовались какие-то отклонения в том или ином технологическом звене репликации подобных изделий, то такие технологические отклонения будут более заметны в простом, а не в сложном технологическом процессе по той простой причине, что, чем меньше технологических операций, необходимых для создания изделия, тем сильнее будет искажен его облик при отклонении от стандарта в какой-то операции. Напротив, если однотипные артефакты требуют многочисленных технологических операций для своего создания, то отклонение от стандарта в какой-то

одной из этих операций будет попросту малозаметно в общей массе результатов других технологических операций, выполненных стандартно. Отсюда следует небезынтересное заключение: чем больше степень сложности технологии, необходимой для производства орудий, тем более стандартными будут выглядеть эти орудия, и наоборот, чем проще технология, тем атипичнее (нестандартнее) будут выглядеть артефакты, полученные в результате ее применения. Этот вывод хорошо согласуется с археологическими фактами.

Олдовайская технология требовала порядка трех ударов для получения характерных отщепов и ядрища с двусторонним краем [\[25\]](#); технология получения других орудий (чопперов, протобифасов и др., многие из которых, возможно, являлись побочным продуктом производства отщепов) была не намного сложнее (3–10 ударов на орудие). Столь простая техника обеспечивала изготовление довольно грубого инвентаря, в котором М.Д.Лики различила всего 9 типов [\[26\]](#). Руководящее ископаемое африканского нижнего ашеля (ручное рубило) требовало 8–10 операций

для своего изготовления [\[27\]](#), а древнеашельское рубило аббевильской техники — 25 операций [\[28\]](#) (норма нижнего ашеля — 8–30 ударов на орудие). Для получения средне-верхнеашельских рубил применялось порядка 65 ударов (по орудиям до 100 ударов). Мустьерский нож со спинкой нуждался в 111 (по орудиям до более 200), а ориньякский - в 251 ударе. Таким образом, рост степени сложности технологии от типичного олдовая до ориньяка вполне очевиден. Одновременно с усложнением технологии росла и стандартизация орудий: низкая в

типичном оловяном и раннем африканском ашеле она становится значительной в среднем–верхнем ашеле, мустье и ориньяке. Казалось бы, усложнение технологии должно было затруднять изготовление похожих орудий в различных местонахождениях одной культуры, однако в действительности все обстояло наоборот. Этот феномен традиционно объясняется ростом интеллекта и мастерства гоминид, однако остается непонятным, что лежало в основе роста мастерства. На наш взгляд, первопричина стандартизации орудий по мере усложнения

технологии их производства состояла в том, что необходимые ошибки их репликации менее заметны на более сложно изготовленных орудиях. Рост мастерства и состоял в способности затушевывать отклонения репликации в массе стандартных операций. На основе такой практики могли сложиться и начала индивидуального мастерства гоминид, т.е. способности утрировать уже сложившиеся на практике методы массового производства стандартных артефактов. В самом деле, из вышеописанных приложений теории информации видно, что особые трудности составляет не творческая,

а репродуктивная деятельность,

требующая для своего осуществления известного мастерства.

Детальные показатели степеней сложности палеолитических технологий еще ожидают разработок, учитывающих комбинацию из номенклатуры орудий (число их типов) и количества ударов, сгруппированных в операции, необходимые для их производства. По М.Д.Лики, Дж.Д.Кларку, Ф.Борду, количество типов орудий достигает в типичном олдовае — 9, в развитом олдовае А — 11, в развитом олдовае В — 13, в развитом олдовае С — 13, в нижнем ашеле — 12, в среднем-верхнем ашеле — более 20, в мустье

— более 60, в верхнем палеолите — более 90. Эта номенклатура отражает рост технологий во времени. Попробуем высказать предположения о природе этого процесса.

Создание орудий является двояким процессом. С одной стороны, орудия обеспечивают соответствующую составляющую хозяйственной деятельности с определенным уровнем эффективности. С другой стороны, орудия должны сохранять свою принадлежность соответствующей культурной традиции, обеспечивающей уровень их эффективности. Но задача поддержания культурной традиции,

т.е. стереотипного воспроизведения набора артефактов во времени, сталкивается с информационными трудностями их репликации. Чтобы поддерживать идентичность культуры во времени, ее создатели должны находиться в одинаковых отношениях к ней и в каждый конкретный момент. С информационной точки зрения, сообщества, производящие индустрию определенной степени сложности, в процессе репликации своей технологии стоят перед выбором образа действия, кратным степени сложности технологии. Чтобы вся часть сообщества, занятая

производством индустрии
находилась в одинаковом положении
в производственном процессе,
оптимальное количество
непосредственных создателей
индустрии должно быть близко
количественному показателю
технологии. Если изготовителей
больше, определенное их число
начинает дублировать выборы образа
действия, уже разрешаемые
соплеменниками, что является
избыточным фактором репликации
культуры. Напротив, если
изготовителей меньше, на них
ложится двойная нагрузка в решении
информационных проблем

воспроизводства стандартной
индустрии. Если же количество
типов инвентаря и соответствующих
им технологических задач
равноценно количеству
производителей, последние
оказываются в среднем в совершенно
одинаковом положении при решении
технологических проблем и
связанных с ними информационных
трудностей. Такое состояние
наиболее оптимально для
поддержания общеупотребительного
состояния индустрии как в данный
момент, так и во времени. Эту
зависимость можно
переформулировать и в других

терминах. Когда степень сложности технологии эквивалентна численности своих создателей, на каждого из них, условно говоря, приходится определенный процент от общей степени сложности технологии, что выражает среднюю оптимальную эффективность ее воспроизводства. Если по какой-то причине сообщество вырастает, то, с одной стороны, в продуктах труда начинают накапливаться нестандартные изделия, совершенно избыточные для информационного оживления процесса репликации, поскольку они начинают дублировать друг друга; с другой стороны,

процент технологии, приходящийся на каждого производителя, падает, что эквивалентно снижению эффективности воспроизводства культуры. Очевидно, это не оптимальный вариант. В противоположном случае, когда численность сообщества снижается, с одной стороны, возрастает трудоемкость репликации культуры, а с другой — появляется биологически неприемлемый момент деградации демографического состояния сообщества. Очевидно, из трех возможных вариантов отношения степени сложности технологии к

демографическому состоянию сообщества оптимальным является промежуточный, когда демографические и технологические показатели близки.

Между тем общая тенденция демографического роста человечества и популяций древних гоминид показывает, что в доистории, наверняка, бывали моменты, когда демографическое состояние тех или иных сообществ необратимо выходило за рамки баланса демографии и технологии. Последствием этого должно было стать одновременное снижение эффективности производства

культуры и появление в ней избыточно большого количества нестандартных артефактов. Возможным средством преодоления этого негативного состояния могло быть введение определенных нестандартных артефактов в номенклатуру типичного инвентаря данной культуры. Это избавляло культуру от информационно избыточного нестандартного инструментария, восстанавливало эффективность воспроизводства культуры и, конечно, превращало ее в новую культуру. Например, мустьерская культура, базирующаяся в основном на технологии отщепов,

постоянно порождала тот или иной процент пластин, которые явно не были основой мустьерской технологии. Во время верхнепалеолитического демографического взрыва пластины (мустьерский нестандарт) стали основой верхнепалеолитической технологии (шательперрон, ориньяк). Другой пример — судьба олдовайских протобифасов (типичный олдовай — 1,3%, развитой олдовай А — 2,3%), которые в типичном олдовае не были стандартны ни по фактуре, ни по частоте в инвентаре. В конце типично олдовайской эпохи,

синхронно развитому олдоваю А, началась территориальная экспансия человека прямоходящего, которая в конце концов привела к его демографическому подъему и созданию раннеашельской культуры. В раннем ашеле нестандартные олдовайские протобифасы были несколько стандартизированы в бифасы и вошли в основной набор инвентаря (53,2%); то же, но менее выражено, случилось и с синхронным развитым олдоваем В (6,3% бифасов). Примеры можно продолжить.

В самом общем виде наше предположение о количественной

связи демографии и технологии хорошо подкрепляется примерами, отчасти выходящими за рамки первобытности. Первый

(верхнепалеолитический)

демографический взрыв человечества сопровождался верхнепалеолитической технологической революцией.

Второй (плейстоцен/голоценовый) демографический взрыв вызвал неолитическую технологическую революцию. И, наконец, третий (современный, начавшийся в XI — середине XVI в. [\[29\]](#))

демографический взрыв вызвал в Западной Европе промышленную

технологическую революцию. Эти факты представляются весьма существенными.

Возможная связь демографии с технологией проливает новый свет на динамику развития производительных сил. Последние состоят из личного (субъективный фактор) и вещного (средства и предметы труда) элементов, причем саморазвитие производительных сил начинается с личного элемента [\[30\]](#). Эта схема представляется вполне правдоподобной, однако первоначальное изменение субъективного фактора производства нам видится не в

усовершенствовании производителя, а в изменении его демографического состояния, что влечет за собой, как обрисовано выше, технологическое изменение средств труда. На наш взгляд, количественная корреляция демографии с технологией выполняла двоякую функцию: поначалу преимущественно демографическую, а затем и социальную. Для понимания генезиса демографо-технологической зависимости у наших предков необходимо обратиться к их истокам. Первые безорудийные гоминиды (австралопитек афарский и его пока

малоизвестные предки) происходили из среды высших обезьян и имели сходные с последними структуры сообществ. Об этом неопровержимо свидетельствует тот факт, что обнаруженные этнографами у доцивилизованных народов основные формы кровно-родственных отношений (промискуитет, эндогамия, экзогамия, матрилинейность, патрилинейность, известные в пережитках или в полноценной форме) находят аналогии в среде высших приматов. Согласно Дж.Круку [\[31\]](#), структуру сообщества высших коллективных

животных определяет уровень биопродуктивности среды обитания. Вследствие этого у высших приматов, живущих в условиях тропического леса (высокая биопродуктивность), складывается нежесткая структура сообщества (например, у шимпанзе), типологически напоминающая условия эндогамного промискуитета. В относительно менее биопродуктивных районах (например, в условиях саванной лесостепи у шимпанзе) наблюдается обмен самками, т.е. типологический аналог экзогамии. При этом преимущественное положение в сообществе наследуется по

материнской линии (такая матрилинейность весьма характерна для приматов). В подобном случае мы сталкиваемся с типологическим аналогом экзогамии с матрилинейностью, что вполне могло бы лежать у истоков дуально-родовой организации с матрилинейностью (“матриархатом”). Наконец, у приматов, живущих в пустынных биотопах, встречается патрилинейная гаремная организация, обнаруживающая сходство с прототипом отцовского рода. Природа этих ассоциаций у приматов объясняется эволюционно-

экологическими причинами. В малопродуктивных пустынных регионах количество доступной пищи ограничено, а потому в сообществах приматов сохраняется то минимальное количество самцов, которое необходимо для размножения, а прочие самцы изгоняются. Соответственно в сообществе, состоящем из самок с детенышами и небольшого числа самцов, устанавливается гаремная структура организации. В более продуктивных регионах (лесистая саванна и тропический лес) количество доступной пищи велико, и в сообществах приматов,

обитающих в этих условиях, самцы не изгоняются, а отношения полов более свободны.

В зависимости от биопродуктивности своего местообитания ранние гоминиды могли иметь тот или иной вариант структуры сообщества из числа вышеназванных и донести признаки похожих общественных структур до эпохи цивилизации. С наступлением цивилизованной эпохи судьба архаичных кровно-родственных общественных структур резко переменилась, причем в одном направлении: в цивилизованных социумах городского типа, несмотря

на некоторые пережитки (эндогамии в древнем Египте и Эламе, например), повсеместно устанавливается патриархальная иерархическая структура, генезис которой мог иметь древнюю эволюционную природу. Дело в том, что городской цивилизованный образ жизни с жесткой привязкой населения к месту и отчуждением значительной его части от самостоятельной добычи пищи должен был поставить нормального примата, каким был человек, в ограниченные условия существования. Определенный аналог этим условиям обезьяны

получают при содержании их в неволе, где они воспринимают ограничения своего доступа к пище (хотя ее достаточно) как обитание в малопродуктивном биотопе со скудными пищевыми ресурсами. Соответственно у обезьян в неволе складываются “пустынные” структуры отношений полов, т.е. гаремная патрилинейность. Весьма вероятно, что древние люди, обитая в стенах ранних цивилизаций (т.е. в известном смысле “в неволе”), реагировали на городской образ жизни аналогично, что объясняет повсеместное распространение в цивилизованной среде

иерархического патриархата. Конечно, кровно—родственные отношения у людей современного типа, известные этнографии, значительно сложнее, чем отношения полов у высших обезьян, однако фундаментальные принципы организации отношений полов (эндогамия и экзогамия, матрилинейность и патрилинейность) у людей все-таки находят несомненные аналогии в среде высших приматов, что не должно удивлять, поскольку биологическая составляющая, разумеется, накладывает значительный отпечаток на

социальную организацию отношений полов у людей. Природа очень длительного существования у гоминид архаичных кровно-родственных отношений, имеющих биологическое происхождение, может быть объяснена из особенностей доисторического развития гоминид.

Подобно своим ближайшим родственникам — шимпанзе, ранние гоминиды, вероятно, были растительноядными существами с небольшой долей животной пищи в рационе [\[32\]](#), которую добывали групповой охотой [\[33\]](#) без использования орудий. Однако, как и

шимпанзе [\[34\]](#), ранние гоминиды могли, должно быть, изготавливать и применять индивидуальные орудия, в том числе и в целях добычи пищи. Эти вполне вероятные особенности гоминид еще не выделяют их из рамок животного мира. Отличительная черта древних гоминид (и современных людей), помимо высокого метаболизма, состоит в обладании средствами коллективного производительного потребления.

Средства коллективного производительного потребления кардинально отличаются от орудий животных своей способностью к

самодвижению. В самом деле, средства коллективного непроизводительного потребления у животных не предназначены для движения (в данном случае — для производства), а потому не способны к самодвижению. Их создание является функцией коллективной этологии (поведения) носителей. Напротив, средства индивидуального производительного потребления у животных вполне пригодны для движения, однако природа последнего, являясь элементом индивидуальной этологии носителя, как и вся его индивидуальная этология, оказывается следствием

индивидуального естественного отбора, который исключает самостоятельное движение средств индивидуального производительного потребления. Средства коллективного производительного потребления рассчитаны на движение (производство) и одновременно из-за своей коллективной природы не поддаются действию индивидуального естественного отбора. Сочетание этих особенностей придает средствам коллективного производительного потребления способность к самодвижению, т.е. к саморазвитию. Эта способность

тесно связана с коллективной природой средств коллективного производительного потребления, и, как показано выше, технологическая степень сложности коллективных орудий находится в зависимости от демографического состояния их носителей, а пусковой механизм саморазвития коллективных производительных сил связан с изменением этого демографического состояния, являющегося первостепенным показателем субъективного (личного) элемента производительных сил. Складывается впечатление, что генезис коллективной природы

производительных орудий у гоминид связан с эволюцией демографического состояния последних.

Если ранние гоминиды уже обладали повышенным метаболизмом, то их трофические (пищевые) связи с экосредой должны были быть относительно напряженными, поскольку гоминиды мало подчинялись действию популяционных волн (гл. I, 1). С экологической точки зрения, популяции первозданных растительноядных гоминид имели невыгодные эволюционные перспективы, и, возможно, не

случайно, что почти все растительноядные гоминиды, т.е. все австралопитеки, за исключением австралопитека умелого, не пережили падения биопродуктивности среды в начале оледенения Гюнц I, 1,36–1,27 млн. (позднейший австралопитек бойсов из Пенинджа, Натрон, Танзания, датирован ок. 1,35 млн.; южноафриканские находки не выходят за пределы 1,5 млн., за исключением австралопитека африканского, гипотетически датированного в Таунге, Капская провинция, Южная Африка, ок. 1 млн. лет.). Формально рассуждая,

следовало бы предположить, что эволюционным выходом для растительноядного австралопитека афарского могло быть сокращение численности его локальных популяций обратно пропорционально превосходству его уровня удельного метаболизма по сравнению с другими млекопитающими. Метаболизм у него был в 3,8 раза выше стандарта млекопитающих, значит, его численность должна была сократиться вчетверо, что способно было перевести австралопитека афарского, очевидно, в лице его потомка — австралопитека умелого в

иную эконишу. В самом деле, усредненное отношение биомассы растений, растительноядных и хищных животных в экосреде близко отношению величин 15 (растения), 1,5 (растительноядные) и 0,3 (хищники) [\[35\]](#), т.е. биомасса растительноядных в 10 раз меньше биомассы растений, а биомасса хищников - в 5 раз меньше биомассы растительноядных. Поэтому, если численность какого-то растительноядного вида надо сократить вчетверо, ему лучше всего превратиться в хищника. Возможно, именно таким образом растительноядный австралопитек

афарский породил линию хищных гоминид (австралопитек умелый, человек прямоходящий). В силу вышеуказанных причин в популяциях этих хищных гоминид (точнее, всеядных со склонностью к хищничеству) должны были существовать демографические ограничения, и мы предполагаем, что в качестве первичного демографического ограничителя гоминиды усвоили материальную культуру коллективных производительных орудий (средства коллективного производительного потребления, стабильность которых

коррелировала с демографической стабильностью носителей).

Коллективную природу орудийной деятельности ранних гоминид, принадлежащей к технологии низкой степени сложности (уровень олдовайской культуры), мы объясняем корреляцией между низкой степенью сложности технологии и по возможности низкой плотностью населения первых хищных гоминид. Первостепенный интерес, конечно, представляет конкретный генезис демографически детерминированной технологии, однако факты на этот счет скудны. Типично олдовайская

технология (9 типов орудий и технологический процесс примерно той же степени сложности) по сложности близка к объему кратковременной памяти у человека, измеренному в структурных единицах и равному 72 [\[36\]](#). Если некоторые олдовайские орудия были побочным продуктом изготовления отщепов, то степень сложности олдовайской технологии могла не выходить за пределы 7 типов. В этом случае генезис объема кратковременной памяти у человека надо искать именно здесь. С информационной точки зрения, оптимальную производительность

технологии такой степени сложности обеспечивал примерно эквивалентный мужской коллектив производителей, что позволяет предполагать численность локального сообщества носителей типично олдовайской культуры в 28 особей. Палеодемографически численность сообществ ранних орудийных гоминид оценивают в 25–30 особей [\[37\]](#). Технологическая и палеодемографическая оценки, очевидно, совпадают.

Таким образом, мы предполагаем, что генезис коллективности средств производительного потребления у гоминид был вызван нуждами в

демографическом самоконтроле их популяций. Этот самоконтроль обеспечивался технологическими средствами соответственно вышеописанной демографо—технологической зависимости.

3. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Согласно демографо—технологической зависимости, изменение демографического состояния популяций древних гоминид сопровождалось усложнением практикуемой ими технологии. Более сложный инструментарий становится более специализированным и

производительным, так как соответствие формы и функции орудий растет со специализацией последних. Отсюда проистекает наблюдаемое в истории возрастание производительности средств труда вместе с ростом сложности порождающей их технологии.

Прямых сведений о росте производительности труда у ранних гоминид нет. Однако существуют данные, позволяющие составить общие представления на этот счет. Согласно К.Дж.Джолли [\[38\]](#), древние растительноядные безорудийные гоминиды, с точки зрения пищевой стратегии, были

близки ископаемым павианам симопитекам. У современных павианов бабуинов показатель эффективности сбора пищи составляет примерно единицу (это отношение времени, необходимого для добычи пищи, ко времени, связанному с ее потреблением). Аналогичный показатель, похоже, имеется и у горилл [\[39\]](#). Однако у таких охотников и собирателей, как современные африканские бушмены и хадза, а также австралийские аборигены, этот показатель может составлять 0,25, что в среднем означает один день добычи пищи на три дня ее потребления. У

примитивных земледельцев — папуасов Новой Гвинеи обсуждаемый показатель достигает уже 0,1 (т.е. день добычи пищи на девять дней ее употребления) [\[40\]](#). Следует добавить, что современные бушмены и австралийские аборигены (обычно) живут в условиях пустынной низкобиопродуктивной экосреды, так что древние гоминиды, населявшие более продуктивные биотопы, могли, по меньшей мере, не уступать им в эффективности добычи пищи. Не исключено, что ашельская “технологическая революция” могла сочетать рост степени сложности технологии с

повышением эффективности
связанного с ней хозяйства.

Рост производительности труда,
связанного с добычей пищи, у
первобытных гоминид
сопровождался высвобождением
части их активного времени от
хозяйственной деятельности, а это
ослабляло эффект сиюминутной
нужности производственных
отношений гоминид. Но сама
целостность сообществ гоминид к
моменту “ашельской революции”
уже миллион лет обеспечивалась
отношениями, связанными с
технологическим образом жизни, т.е.
древней формой производственных

отношений. Рост производительности труда, строго говоря, снижал впечатление нужности этих производственных отношений, поскольку в свободное время они не имели никакого практического воплощения. Производственная нужда гоминид друг в друге слабела, а их сообщества в принципе должны бы были распасться, утратить свою технологию и вернуть гоминид в животное состояние.

На наш взгляд, для предотвращения такой угрозы первобытный социум стихийно нашел средства социализировать свободное время

своих членов с целью поддержать свою нормальную целостность. Это сопровождалось развитием у ранних гоминид потребностей в общении непроизводственного характера. Общение подобного рода дополняло обычные производственные отношения, актуально функционирующие лишь часть активного времени гоминид (при производственных процессах). В целом все активное время гоминид могло быть заполнено различными формами коммуникаций: производственными (необходимыми для производства жизни и интеграции социума) и

непроизводительными
(необходимыми для интеграции
социума, а в конечном счете для
успешного производства жизни).

Развитие непроизводительных форм
общения, приведшее к
формированию вторичной
непроизводительной структуры
общества, не было результатом
каких-то “изобретений” и т.п. У
животных существуют некоторые
формы поведения, которые, если
предположить, что ими обладали и
гоминиды, могли развиться в
непроизводительные формы
общения. У животных этого не
происходит, поскольку их образ

жизни не порождает тех потребностей в непроизводственном общении, которые возникли у гоминид вследствие роста производительности их труда. Рассмотрим биологические предпосылки социальных форм поведения первобытных гоминид, которые легли в основу вторичных общественных структур и связанной с ними духовной культуры.

Многие животные имеют средства коммуникации, обнаруживающие сходство с элементарной формой человеческого языка [\[41\]](#). Эксперименты с шимпанзе, ближайшим родственником человека,

показали, что этот примат способен усваивать человеческий язык жестов — амслен, что послужило подкреплением гипотезы о жестовой форме первого языка гоминид [\[42\]](#), поскольку последние вполне могли иметь способности родственных им шимпанзе. Пережитки языка жестов широко представлены у современного человека (непроизвольная жестикуляция при разговоре), что может объясняться древней связью центров управления речью (зоны Брока и Вернике левого полушария головного мозга) с центром управления правой рукой в левом полушарии. Связь объясняется

тем, что первоначально речевые центры обслуживали жестовый язык, а затем приспособились к управлению устной речью. Поскольку речью и правой рукой у человека ведаёт левое полушарие (у правшей), признаки подобной функциональной асимметрии головного мозга (в частности, признаки праворукости) могли бы свидетельствовать о начале процесса возникновения (или даже нейрофизиологического закрепления у австралопитека умелого) языка жестов. Н.Тот, анализируя индустрию из Кооби-Фора, 1,9–1,4 млн. (в основном это индустрия карари,

1,65–1,25 млн., синхронная раннему человеку прямоходящему), обнаружил, что ее создатели были праворукими [\[43\]](#), что может быть древнейшим свидетельством существования языка жестов у гоминид. Начало процесса, впрочем, может восходить к финальному австралопитеку умелому, поскольку у гоминида KNM–ER 1470 (менее 1,820,04/1,60,05) отмечено развитое поле Брока. Причины и время перехода к устной речи у человека прямоходящего не ясны, однако, процесс завершился уже 0,73 млн. лет назад, о чем свидетельствует появление знакового

творчества, датированное этим временем (см. Приложение).

Конкретный ход генезиса языка жестов у гоминид пока не ясен. Из опытов с шимпанзе известно, что наилучшим образом они усваивают язык жестов, когда их пальцы просто складывают в нужный знак [\[44\]](#). Можно лишь гадать, не передавали ли древние гоминиды аналогичным образом технологические навыки, и не привела ли подобная практика к жестовому языку. Генезис звукового языка также проблематичен. Во всяком случае, его нельзя объяснять производственной необходимостью — например, охотничьей, поскольку

этологически близкие гоминидам-охотникам хищники охотятся молча (например, гиеновые собаки).

С социально–философской точки зрения, основную функцию языка можно видеть в его способности социализировать свободное время непроизводственным способом. Так, австралийские аборигены проводят свободное время в обыденных разговорах (сплетнях) [\[45\]](#), что, несмотря на внешнюю невыразительность подобного способа общения, позволяет заполнить свободное время социальными связями.

Весьма вероятно, что генезис языка имел отношение к первой известной форме религиозных представлений - мифологии. Как показал А.Леруа-Гуран статистическим методом [\[46\]](#) (современную статистику см. в Приложении), в верхнепалеолитическом франко-кантабрийском изобразительном искусстве (как в наскальном, так и в мобильном искусстве малых форм) существовало поразительное однообразие сюжетов. В течение 20000 лет (от ориньяка I до мадлена VI) западноевропейские кроманьонцы рисовали основную композицию, состоящую из фигур

лошади, бизона (или быка) и горного козла (или замещающих его оленей, мамонта), которую сопровождали некоторые другие (обычно крайне редкие) животные, а также редкие антропоморфы и весьма многочисленные знаки. Это сюжетное однообразие А.Леруа—Гуран совершенно справедливо объяснил крайней стабильностью стоящих за ним идеологических представлений, которым могли отвечать только мифологические. Мы показали (см. Приложение), что между франко—кантабрийским искусством верхнего палеолита и мобильным искусством среднего и

нижнего палеолита существует глубокое генетическое родство. Это позволяет датировать возникновение открытой А.Леруа–Гураном мифологии временем появления первых доверхнепалеолитических памятников мобильного искусства, древнейший из которых — Странска скала (Брно, Южная Моравия, Чехия, преашель, Гюнц/Миндель II, меньше или равно 0,73 млн.).

Верхнепалеолитические создатели мифологической живописи, несомненно, обладали вербальным языком, поскольку достоверный глоттохронологический возраст древнейшего известного праязыка —

ностратического составляет не менее 15000 лет (этот возраст эквивалентен примерной радиоуглеродной дате в 13000, что соответствует концу французского мадлена IV). Однако возраст праязыка современного человека, наверняка, близок возрасту его появления, т.е. не менее 200000 лет. Родство франко—кантабрийской мифологии, существование которой предполагает язык, с мифологией среднего—нижнего палеолита дает основание предполагать, что древность вербального языка не уступает возрасту нижнепалеолитического искусства — 0,73 млн. лет.

Более того, как показали А.Маршак и Б.А.Фролов [\[47\]](#), верхнепалеолитическое знаковое творчество, в том числе и франко-кантабрийское, отражает существование лунного календаря (А.Маршак) и арифметического счета (Б.А.Фролов). На наш взгляд, характерные для франко-кантабрийского искусства парные знаки (например, прямоугольник + ряд параллельных черт, и т.п., см. Приложение) выражали календарные пометки (лунный месяц + количественное пояснение к нему). Парные знаки франко-кантабрийского типа известны уже в

нижнем палеолите, что позволяет датировать возникновение лунного календаря и арифметического счета возрастом мобильного искусства — 0,73 млн. Связь мифологии с календарем не может удивлять, поскольку, например, у австралийских аборигенов мифологические ритуалы имеют календарную привязку [\[48\]](#).

Этологические предпосылки ритуальных форм поведения известны у шимпанзе. Дж. ван Лавик-Гудолл описала [\[49\]](#) так называемый “танец дождя” у шимпанзе, когда перед началом этого климатического события возбужденные шимпанзе

приплясывают, размахивая ветвями деревьев. Описан также так называемый “карнавал”, когда при встрече групп шимпанзе эти приматы возбужденно приветствуют друг друга шумными возгласами, а также обмениваются прототипами объятий, похлопываний по спине, поцелуев, рукопожатий (все эти формы поведения в аналогичной ситуации весьма характерны для современных людей, что выдает очень древнее происхождение подобных форм общения); шимпанзе пританцовывают, сотрясают ветви деревьев, издают “барабанную дробь” ударами ладоней и подошв по

стволам деревьев; как и у современных африканцев, “барабанная дробь” шимпанзе, разносящаяся на большие расстояния, служит для связи с другими группами шимпанзе (сигнализируя об обильных источниках пищи). Было бы только справедливо предположить, что развитие подобных поведенческих наклонностей могло иметь прямое отношение к возникновению ритуальных форм поведения у древних гоминид. В частности, “танец дождя” у шимпанзе теоретически мог бы находиться в отдаленном родстве с универсально

распространенным в примитивных человеческих обществах обрядом вызывания дождя [\[50\]](#), а “карнавал” шимпанзе находит определенные аналогии в австралийском обряде Кунапипи (встреча групп аборигенов в сезон изобилия еды, сопровождающаяся пением, танцем, шумом и пр.) [\[51\]](#).

С социально–философской точки зрения, ритуальное поведение, вошедшее в обычай, было призвано регламентировать (структурировать) и социализировать свободное время древних гоминид, систематически заполняя его традиционными ритуальными формами

непроизводственного общения. В свете нашей концепции происхождения вторичных (непроизводственных) общественных структур генезис ритуалов представляется вполне закономерным. Рост производительности труда и свободного времени вызвал нужду в развитии и институционализации внепроизводственных предпосылок ритуального поведения, имеющих у гоминид, вероятно, древнее (животное) происхождение. В рамках вторичной общественной структуры эти формы поведения приобрели самостоятельные социальные

функции, позволяющие им упорядочивать часть свободного времени гоминид. Древность появления ритуальных форм поведения у гоминид можно определить лишь по косвенным данным. Первобытные народы, отправляя свои обряды, раскрашивают тело и ритуальные предметы красной охрой — например, австралийские аборигены [\[52\]](#). Возможно, охра, находящаяся на палеолитических стоянках, имела именно такое назначение. Древнейшие находки красной охры известны на стоянке ВК II Олдувайского ущелья, Танзания

(верхняя часть слоя II, развитой оловяной В, ок. 1,2 млн., 2 куса красной охры).

Довольно загадочное происхождение раскраски тела у гоминид могло иметь охотничье происхождение. В качестве охотников ранние гоминиды вели себя как хищники, а характер раскраски тела у хищников зависит от их размеров (мелкие животные однотонны, средние узорчаты, а крупные вновь однотонны) [\[53\]](#). Масса тела у австралопитека умелого могла составлять 51,3–54,3 кг, что приближалось к массе гепарда (50–65 кг.). Вполне возможно, что австралопитек умелый

раскрашивался для охоты в мелкие пятна по всему телу, поскольку такой окраской маскируется гепард. У раннего человека прямоходящего вес мог быть на 10 кг больше (молодой индивид из Нариокотоме имел рост 1,6 м), и пятна для раскраски требовались несколько крупнее. Вполне возможно, что охотничья раскраска ранних гоминид была перенесена в ритуальное действо. Представляется также вероятным, что древние гоминиды, переселившись из теплой Африки в прохладную Европу, где они вынуждены были пользоваться одеждой, стали дублировать или

заменять нателъную раскраску нателъными украшениями, обильно представленными в верхнем палеолите, начиная с ориньяка I, но известными и в среднем палеолите. Не исключено, что некоторые из этих объектов могли быть также амулетами-фетишами, поскольку клык жеребца из Пролома II, Крым (слой 2 или 1, Вюрм II В 2, 54000–51000, или Вюрм II С, 46500–39000), могущий быть подвеской, нес на себе 5 продольных черт.

Генезис календарных представлений, с социально-философской точки зрения, весьма близок генезису ритуальных форм поведения,

поскольку календарные представления регламентировали жизненное время гоминид и, в частности, их свободное время. Мы не считаем возможным объяснять генезис календаря производственными нуждами, связанными с сезонной добычей пищи, поскольку все животные успешно решают сходные задачи, обходясь без календаря: точнее, они его имеют в виде разного рода биологических часов и т.п. Однако биологические часы, по-видимому, не имеют отношения к самостоятельно существующим календарным представлениям,

получившим особую предметную форму (знаковые памятники мобильного искусства палеолита). Как отмечалось, предметная форма лунного календаря и связанного с ним арифметического счета датируется 0,73 млн. лет назад (см. Приложение).

Общественная природа возникшей палеолитической мифологии, на наш взгляд, также была социально-интегративной, поскольку, независимо от конкретного содержания этой мифологии, она образовывала семантическое поле, общее для всех членов палеолитического социума. Речь

идет о круге общих представлений, передаваемых из поколения в поколение, от одних членов группы — к другим, что создавало между носителями мифологических представлений еще один вид социальной связи непроизводственного характера, призванной заполнить свободное время гоминид общением, способствующим поддержанию целостности сообщества. У австралийских аборигенов миф может рассматриваться как “рассказанный или пропетый обряд” [\[54\]](#), что сближает социальные функции мифологии и ритуала.

В качестве одной из ритуальных форм поведения, по-видимому, надо рассматривать погребальный ритуал. Его биологические предпосылки, возможно, имеются у орангутанов и горилл, которые покрывают труп сородича грудой листьев и засыпают землей [\[55\]](#). Погребения появляются у неандертальцев, по меньшей мере, в Рисс/Вюрме (слой 6 грота Киик–Коба, Тау–Кипчак, Симферополь, Крым, Украина, зубчатое мустье, Рисс/Вюрм, 111000, коллаген).

Ритуализация общественной жизни гоминид, очевидно, означала появление определенных нормативов

социальных коммуникаций. Способность гоминид к усвоению подобных нормативов, по-видимому, не ограничивалась религиозными традициями и обрядами. В самом деле, наша концепция вторичных общественных структур подсказывает, что все непроизводственное активное время гоминид должно было быть регламентировано в интересах поддержания целостности социума. Здесь у гоминид появились существенные поведенческие перспективы. С биологической точки зрения, поведение животных и гоминид можно подразделить на два

основных типа: эгоистическое и альтруистическое поведение в буквальном смысле этих терминов. Эгоистическое поведение предписывает особи стратегию поступков, обеспечивающую особи максимальную выживаемость даже в ущерб другим особям. Такого рода поведение вырабатывается у животных благодаря индивидуальному естественному отбору. Альтруистическое поведение предполагает в стратегии поступков особи определенную составляющую таких поступков, которые прямо не способствуют выживанию особи, но помогают выжить ее генетическим

родственникам [\[56\]](#). Эта линия поведения поддерживается групповым отбором, который благоприятствует выживанию сходного генотипа, представленного у близких родственников. Подобный групповой отбор является, в сущности, вариантом индивидуального естественного отбора, поскольку единицей приложения индивидуального отбора является единичный генотип, представленный у единичной особи, а единицей приложения группового отбора оказывается тот же единичный генотип,

тиражированный у нескольких
родственных особей.

В популяциях животных
биологический эгоизм и альтруизм
сбалансированы. Гоминиды с ростом
производительности труда должны
были попасть в ситуацию, когда
баланс эгоизма и альтруизма у них
нарушился. В самом деле, у гоминид
появилось активное время,
свободное от добычи пищи.
Материальные жизненные факторы,
способные питать эгоистичное
поведение, в сфере свободного
времени были представлены слабо,
и, следовательно, в этой сфере
поведенческий баланс должен был

измениться в пользу альтруистичного поведения, поскольку, в отличие от эгоистичного поведения, альтруистическое поведение предполагает позитивные связи между индивидами, а раннее общество как раз и нуждалось в таких связях для социализации своего свободного времени непроизводственным путем. Именно этим обстоятельством мы объясняем широкую распространенность в человеческих социумах альтруистических форм поведения. Что же касается древних гоминид, то они стали альтруистичнее своих животных предков не из высших

соображений, а потому, что альтруистичные формы общения (забота о слабых и старых, может быть, забота о покойных) понадобились им для заполнения свободного времени чем-то полезным, с точки зрения консолидации социума.

В первобытном обществе, где происходила регламентация свободного времени (например, ритуальным образом), количественно растущие формы альтруистичного поведения, естественно, так же должны были претерпеть институционализацию в рамках вторичной общественной

структуры. Нормированное альтруистичное поведение в человеческом обществе представлено нравственными формами поведения. Следовательно, можно предполагать, что нравственность возникла у гоминид с началом эпохи избыточной производительности труда. Первые признаки альтруистического поведения отмечены у человека прямоходящего более 1,5 млн. лет назад [\[57\]](#).

Языковые, ритуальные и нравственные формы коммуникаций у гоминид имели, как можно видеть, отчетливые биологические предпосылки. В отличие от

названных форм вторичных общественных структур, ранние религиозные формы общения у гоминид, по-видимому, не имели биологических предпосылок. (Здесь, отвлекаясь от известной концепции Дж.Дж.Фрэзера, мы не делаем различий между магией и религией.)

Ранние типы верований у гоминид (анималистическая мифология, магия, тотемизм, фетишизм, анимизм) связаны (за вычетом анимизма) с определенными предметными формами, классификационные свойства которых проливают свет на генезис указанных верований. Исходной

предметной формой общественного бытия гоминид были средства коллективного производительного потребления, технологические нормы изготовления и употребления которых позволяют определить их как предметы определенного активного класса. Исходя из нашей гипотезы, можно было бы ожидать, что ранний социум для заполнения своего свободного времени должен был инсценировать технологические формы поведения в это непроизводственное время. При этом развитие предметной формы технологии должно было идти вполне предсказуемым путем: путем

расширения и пассивизации ее класса. Расширение обуславливалось нуждой в заполнении свободного времени, а пассивизация — в заполнении этого времени непроизводительным путем.

Первая линия развития предметного бытия гоминид (путем расширения класса) должна была привести к возникновению предметов неопределенного активного класса, в которых угадываются инструменты магии. В самом деле, магию отличают “обряды, идея которых состоит в сверхъестественном воздействии человека, непосредственно или посредством

материальных предметов, слов или движений, на материальный же объект” [\[58\]](#), в чем состоит активное, наступательное начало магии [\[59\]](#). Предметной же формой магии является инструмент магии, в качестве которого могут выступать самые разнообразные объекты [\[60\]](#). Таким образом, магию в генезисе можно определить как непроизводственную инсценировку технологического способа поведения с применением предметов неопределенного активного класса (инструментов магии), что осуществлялось в интересах заполнения свободного времени с

целью его социализации общением
непроизводственного характера
(магическими обрядами).
Инструменты магии в этом
отношении восходили к средствам
труда. Древнейшие гипотетические
инструменты магии — это
неутилитарные призмы из кварца
(кристаллы кварца — типичный
инструмент магии в магических
обрядов, например, австралийских
аборигенов [\[61\]](#)), найденные на
стоянке синантропов в Нижней
пещере Чжоукоудянь, Китай (рубеж
Миндель I — Миндель I/II, 459000,
палеомагнитный возраст — 460000).

Другая линия развития предметного бытия гоминид (путем пассивизации класса) угадывается в появлении предметов определенного пассивного класса, которые можно отождествить с изобразительными предметными формами анималистической мифологии франко-кантабрийского типа. Эти предметные формы воплощали ограниченное число сюжетов и являлись объектом пассивного почитания, т.е. были предметами определенного пассивного класса. Предметные формы анималистической мифологии восходили к предметам труда (объектам охоты).

Анималистическая мифология датируется Рисс/Вюрмом, 134000 (поздний ашель Богутлу), но теоретически может быть синхронна самым началам изобразительной деятельности у гоминид 730000 лет назад (см. Приложение).

Развитие предметной формы анималистической мифологии (путем расширения класса) могло породить предметы неопределенного пассивного класса с анималистической составляющей, в которых следует видеть предметную форму тотемизма. Предметные формы тотемизма, как и мифологии, не были рассчитаны на активное

воздействие на действительность, а в качестве тотемов могли выступать животные, растения, луна, солнце, реки, камни, младенцы, духи, участки земли, священные предметы, жара, холод, болезни и др. явления природы [\[62\]](#)____. Следовательно, предметную форму тотемизма (тотемные эмблемы, в частности) можно определить как объекты неопределенного пассивного класса. Древнейшая гипотетическая зооморфная тотемная эмблема — целый слоновый череп (наряду с другими разбитыми) рядом с большими костями и бивнем, выстроенными в линию, —

обнаружена в Амброне (Сория, Испания, древний средний ашель, Миндель II, 383000–362000).

Далее, развитие предметной формы магии (путем пассивизации класса) также должно было вылиться в оформление предметов неопределенного пассивного класса с фактурой инструментов магии (камни, артефакты животного происхождения, орудия и т.д.). Это определение справедливо для предметной формы фетишизма, поскольку фетишами могли быть любые предметы [\[63\]](#), а сами фетиши являлись объектом пассивного почитания. Датировка

предметов фетишизма проблематична. Возможно, к этому кругу артефактов относится несколько фрагментов кварцита со следами полировки из карьера Писечни врх (Бечов, Мост, Чехия, разрез А, горизонт III/6, древний тейяк [протошарант], интер-Рисс, 262000–204000), хотя не исключена их связь с инструментами магии. Сюда же можно отнести нательные подвески (амулеты-фетиши?, начиная с грота дю Пеш-де-л'Азе II, Карсак, Дордонь, Франция, слой IV А, типичное мустье, Вюрм I Амерсфорт, 105000–104000, и т.п.).

С философской точки зрения, общим источником всех этих предметных форм представляются орудия древних гоминид. Набор этих орудий, особенно в ранних культурах, был узко ограничен, а сами орудия предназначались для активного воздействия на действительность. Следовательно, их предметную форму можно определить как объекты ограниченного активного класса. С расширением и пассивизацией своего класса эта предметная форма превращалась, как выше указано, в предметные формы ранних верований. Формальные признаки предметной формы

фетишизма (объекты неопределенного пассивного класса) близки признакам анимизма, если понимать их формально. Духовные существа (телесно опредмеченные души и бестелесные духи), являющиеся объектом анимистических верований, могут иметь самую разнообразную природу: от пантеистических духовных существ, населяющих и оживляющих всю природу, до небольшой группы антропоморфных духовных существ, представленных духами-хранителями [\[64\]](#). Следовательно, духовные существа анимизма отвечают субстанциям

неопределенного класса. Духовные существа могут не иметь материальной оболочки (от их вербального материального способа существования можно отвлечься, поскольку он отождествляется с формой общения с духовным существом). Следовательно, духовные существа не могут быть проводником какой-либо предметной активности верующих. В итоге духовных существ анимизма можно определить как субстанции беспредметного (нематериального) неопределенного пассивного класса. От предметной формы фетишизма духовные существа анимизма

отличаются, таким образом, только своей нематериальностью. Иными словами, анимистические духовные существа эквивалентны фетишам, лишенным предметной формы. С этой точки зрения, духовные существа анимизма могли происходить от фетишей в результате приобретения последними “потусторонней” формы существования. Э.Б.Тайлор предполагал обратный порядок вещей (анимизм первичен, фетишизм вторичен) [\[65\]](#)____, однако в методологическом отношении такое воззрение несостоятельно, поскольку предметные формы

духовной культуры в человеческой истории всегда древнее соответствующих идеальных форм, так как последние являются результатом абстрагирования от своей предметности.

Происхождение анимизма в свете его формальных признаков должно быть связано с приобретением духовными существами фетишизма способности к самостоятельному нематериальному существованию (речь идет, конечно, о представлениях носителей анимизма и ходе генезиса этих представлений). “Нематериальная”, “потусторонняя” форма существования могла быть

открыта первобытными людьми в ходе отправления погребального культа, поскольку предметные формы последнего были единственной реальной предметной формой потустороннего мира. Умершие и сопровождающие их предметы, оказавшись в погребении, приобретали в глазах соплеменников свойства потустороннего существования: погребенные люди становились “душами”, а погребенные фетиши — “духами”. Будучи открыта, потусторонняя форма существования духовных существ (анимизм) сообразно идеологическим потребностям

вторичных общественных структур к расширению должна была широко переноситься на субстанции за пределами собственно погребального культа.

В связи с построенной нами схемой генетических взаимоотношений мифологии, магии, тотемизма, фетишизма и анимизма встает вопрос об общем источнике генезиса духовных существ, которые обрели самостоятельное существование лишь на стадии анимизма, а в рамках более ранних форм верований были связаны с предметными формами последних.

Очевидно, древнейшие гоминиды не имели представлений о духовных существах. Однако при образовании вторичной общественной структуры появились религиозные формы общения, конкретный характер которых отразился на предметных формах ранней религии. Ценность этих предметных форм состояла в их роли в социализации популяций гоминид непроизводительным путем, что выражалось в общепринятости в каждом конкретном сообществе значения предметных форм религии. Эмоциональная реакция на эти предметные формы и связанные с ними религиозные формы общения

могла выразиться в развитии соответствующих религиозных чувств, субъективная сторона которых могла быть иллюзорной, однако объективная ценность этих чувств состояла в их работе на интегративные социальные связи.

Охотничьи сообщества человека прямоходящего могли социализировать свое свободное время ритуальными формами поведения, связанными с охотой. Вторичной мотивировкой соответствующих обрядов явилась мифология франко-кантабрийского типа, которая была опредмечена в бестиарии произведений искусства

(кремневая скульптура и т.д.). Эта предметная форма первой мифологии фиксировала живых существ — животных, так что первые духовные существа, неразрывно связанные с предметной формой мифологии, имели анималистическое происхождение. Мы предполагаем, что сам генезис одушевленности кремневой мифологической скульптуры был связан с тем обстоятельством, что эта скульптура изображала живых существ. Непроизводительное употребление объектов, опредмечивающих мифологию, возникло весьма логично.

Предметное бытие первобытного человека, зафиксированное в технологии, имело ограниченный и производительный характер (объекты определенного активного класса). При распространении этого предметного бытия в сферу непродуцированной вторичной общественной структуры (мифология) оно сохранило свой ограниченный характер, но закономерно утратило производительные свойства (объекты определенного пассивного класса, отражающие животные предметы труда, представленные скульптурой, гравюрой, а затем и живописью

мифологии франко-кантабрийского типа). Духовные существа (“души” животных) здесь неотделимы от своего предметного воплощения (анималистическое искусство).

По мере роста производительности труда первобытный социум испытывал потребность в расширении вторичных общественных структур. Эта тенденция реализовалась с расширением предметной формы мифологии, что дало предметную область объектов неопределенного пассивного класса, связанных с духовными существами (душами животных).

Наконец, в эпоху существования погребального культа появились условия для представлений о фетишах и людях, способных к потустороннему существованию, что было эквивалентно возникновению веры в самостоятельных духовных существ анимизма. Однако до цивилизованной эпохи духовные существа обычно сохраняли свою исходную зооморфную и фетишистскую природу.

Особенностью связей предметных форм первобытных верований является их количественный прогресс в ходе генезиса, что может

быть прямым следствием роста производительности труда и потребностей во вторичных общественных структурах. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Основы первобытных общественных структур распадаются на две группы. Одна из них имеет очевидные биологические предпосылки (язык, ритуал, нравственность, погребения), а другая — нет (мифология, магия, тотемизм, фетишизм, анимизм). Последняя группа вторичных общественных связей является исключительным достоянием гоминид, и представляется

правомерным связать ее генезис с другим исключительным достоянием гоминид — средствами коллективного производительного потребления. Как показано выше, предметную форму средств производства удастся сблизить логичными генетическими связями с предметными формами существования мифологии, магии, тотемизма и фетишизма. Гипотетические формы поведения, связанные с этими ранними верованиями, также выводимы из технологического поведения. Анималистическая мифология — это инсценировка охотничьих форм

поведения, реализующаяся в обрядах, мифологических повествованиях и т.п. Магия — инсценировка орудийного поведения. Превращение же производительных технологических форм поведения в непроизводительные социальные связи хорошо объясняется природой вторичных общественных структур и подтверждается сравнением формальных свойств предметной области технологии с предметными областями верований, отличающимися последовательной пассивизацией (непроизводительная функция) и расширением пропорционально росту свободного

времени гоминид. Таким образом, формальный анализ предметных форм ранних верований получает ясное социально–философское истолкование.

Все точно или гадательно датированные признаки вторичных общественных структур относят их ко времени существования представителей биологического рода “человек”. Если бы эти датировки подтвердились (т.е. не удревнились), можно было бы сделать небезынтересные выводы. Человек прямоходящий отличался от австралопитеков современным строением тела. Кроме того, у

человека прямоходящего отмечено первое несомненное проявление самодвижения средств коллективного производительного потребления — возникновение раннего ашеля и ашеллоидного развитого олдовая В. Самодвижение средств труда исключает гипотезу об инстинктивной природе труда у человека прямоходящего. Кроме того, этот гоминид уже уверенно перешагнул “мозговой рубикон” минимального объема головного мозга, необходимого для овладения вербальной речью (750 см^3 , объем мозга современного младенца к концу первого года жизни или

человека прямоходящего на седьмом году жизни). Самодвижение его средств производства должно было выразиться в подъеме производительности труда (возможно, первом событии такого рода в истории человечества), а возникшее в результате этого свободное время вызвало стихийное превращение некоторых биологических форм поведения (ритуал, альтруизм, погребение), а также технологических форм поведения в институционализированные вторичные общественные структуры (язык,

мифология, магия, тотемизм, фетишизм, анимизм).

Резюмируя сказанное в настоящей главе, мы можем сделать вывод, что в первобытном палеолитическом обществе, по-видимому, возникла социальная зависимость между демографическим состоянием социума и степенью сложности практикуемой им технологии. В свою очередь рост степени сложности технологии, сопровождавшийся ростом производительности труда и свободного активного времени создателей технологии, вызывал потребность в социализирующих это

свободное время вторичных общественных структурах, в роли которых выступили первобытные формы языка, религии, искусства, нравственности и других форм культуры. Указанные социально-философские закономерности, очевидно, продолжали действовать и в эпоху непосредственного становления цивилизованного общества.

Глава II

РАННЯЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

1. НАКАНУНЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Предмет настоящего исследования — первые классические цивилизации Старого Света, зародившиеся на Ближнем Востоке. Непосредственной предпосылкой их возникновения явились социальные последствия ближневосточной неолитической технологической революции, а непосредственной предпосылкой последней, согласно нашей демографо–технологической зависимости (гл. I, 2), послужил ближневосточный позднемезолитический демографический взрыв. Анализируя доисторические реалии Ближнего Востока, можно показать, что время

и место ближневосточной неолитической революции были далеко не случайны. Тем самым не случайны были время и место зарождения первых классических цивилизаций Старого Света.

Закономерное место возникновения производящего хозяйства и связанной с ним ближневосточной неолитической технологической революции обусловлено следующим. Основные палеоантропологические и технологические события первобытной истории происходили главным образом на Африканском континенте. Это обстоятельство имело вполне определенную основу.

Тропические условия Африки обеспечивают своим обитателям максимальную биопродуктивность среды [\[66\]](#), которая способствовала более быстрому демографическому росту африканских популяций гоминид. В силу предполагаемой нами зависимости между плотностями населения человеческих популяций и степенью сложности практикуемых ими технологий африканские популяции ранее других достигали нового уровня развития целого ряда культур. Это не означает, что в Евразии не происходило самобытных технологических событий. Однако в

целом на протяжении первобытной истории Африка неоднократно служила источником новых технологий и новых популяций, последней из которых была популяция ранних представителей человека современного вида. Это положение вещей детерминировалось экологическими причинами и было характерно для эпохи присваивающего хозяйства.

В эпоху производящего хозяйства центр генерации новых технологий должен был переместиться из тропиков в субтропики. Дело в том, что тропическая экосреда, действительно обладая высоким

уровнем биопродуктивности, характеризуется также высокими скоростями круговорота веществ в природе. Из-за последнего обстоятельства (нет значительных плодородных почв) тропическая экосреда не слишком благоприятна для земледелия и производящей экономики в целом. В умеренном поясе темпы круговорота веществ в природе невысоки (имеются плодородные почвы), однако уровень биопродуктивности среды также относительно не слишком высок, что неоптимально для генезиса земледелия. Напротив, субтропический пояс сочетает

средние темпы круговорота веществ в природе со средним уровнем биопродуктивности среды, что оптимально для генезиса земледелия (особенно в речных долинах). Очень благоприятными для производящей экономики становились природные условия в течение высокобиопродуктивных межледниковых периодов (в том числе современного голоценового) и во время теплых межстадиалов ледниковых периодов.

Указанные экологические предпосылки развития производящей экономики на протяжении человеческой доистории возникали

неоднократно, однако до современного межледникового периода цивилизация производящей экономики не была создана. Едва ли причина этого феномена заключалась в том, что создателем цивилизации мог быть только высокоинтеллектуальный, как обычно считается, человек современного типа. Дело в том, что представители нашего современного подвида гоминид (человек разумный разумный) существовали в ближневосточных субтропиках уже во времена более теплого, чем современное, межледникового Рисс/Вюрм, 134000–110000. Существовали

они там и во время теплых
интерстадиалов вюрмского
ледникового периода (например,
Брёрупа, 100000–92000, в Джебель
Кафзех, Израиль). Но никаких следов
производящей цивилизации
доголоценового времени мы не
знаем. Очевидно, помимо
экологических предпосылок
цивилизации, существовал еще один
решающий фактор, с которым и
следует связывать исходные причины
становления цивилизации. В рамках
нашей концепции таким фактором
можно считать изменение
демографического состояния
социума, в соответствии с которым

социум должен был изменить и свою технологию в сторону ее усложнения. Возникновение производящей экономики как раз и является революционным усложнением технологии добычи средств к существованию, и истоки этой технологической революции следует видеть в синхронном ей демографическом взрыве, который разворачивался на Ближнем Востоке с конца Вюрма, что соответствует примерной календарной дате незадолго до 11700 лет назад [\[67\]](#).

Закономерное время возникновения производящего хозяйства на Ближнем Востоке вытекает из возраста

имевшего там место
позднемезолитического
демографического взрыва.
Реальность и дата последнего
вытекают из обстоятельств
стремительного лингвистического
распада местных языков, явившихся
предками для большинства языков
Евразии, Северной Африки и
сопредельных территорий. Распад
языков в данном случае, несомненно,
свидетельствовал о
демографическом росте и экспансии,
а хронологические и географические
рамки последних выдают в них
подлинный демографический взрыв.
Лингвоархеологический анализ

показывает следующую картину его разворачивания.

Верхний палеолит Леванта (Израиль, Иордания, Ливан, Сирия) представлен индустрией ахмарской традиции и левантийским ориньяком. Ахмарская традиция (календарный возраст 53900–21800/радиоуглеродный 46950±19000) происходит от местного мустье, которое было связано с неандертальским человеком (пещера Эш–Шуббабик (Шовах), Зефат, Израиль, типичное мустье с 2 остриями Эмирех, характерными для ахмара, 1 моляр неандертальца). Однако среди носителей

левантийского мустье имелись и протокроманьонцы (см. гл. I). Левантийский ориньяк прошел три стадии развития: А (42500/36700–37000–32000 ¹⁴ С), В (36700–29900/32000–26000 ¹⁴ С) и С (атлтиан, 29900–21800/26000–19000 ¹⁴ С). Происхождение левантийского ориньяка неясно, но он, как и ахмар, был моложе европейского ориньяка (Бачо–Киро, Болгария, календарно 57400, более 49400; или 50000+9000, –4000, более 43000 ¹⁴ С). Ахмарская традиция и ориньяк С (атлтиан) характеризуются присутствием микролитов, обычно свойственных мезолитической эпохе, которая в

Леванте, таким образом, находит
местные корни.

Атлантиан, возможно, связан с
носителями пока сугубо
гипотетического синокавказско—
ностратического праязыка.

Эпипалеолит (мезолит) Леванта
представлен тремя основными
последовательными и родственными
культурами с микролитами.
Обладатели культуры кебары (21800—
16000/19000—13950 ¹⁴ С) были,
вероятно, носителями
ностратического праязыка,
распавшегося, по
глуттохронологическим данным, ок.

15000 лет назад. Археологические данные показывают прямую генетическую связь кебары с геометрической кебарой (Бержи, Ливан). Представители культуры геометрической кебары (16000–14300/13950–12450 ¹⁴ С), вероятнее всего, являлись носителями западноностратического праязыка. Последняя была прямо связана с натуфийской культурой (Эйн Гуэв IV, Кинерет, Израиль). Наконец, обладатели натуфа (14300/13700/12450–10200 ¹⁴ С) были носителями наиболее древнего из ностратических языков — праафразийского

(прасемитохамитского) [\[68\]](#), что подкрепляет отождествление лингвистической принадлежности более раннего мезолитического населения Леванта. Праафразийский распался 120001000 лет назад.

В конце своего существования кебара была распространена не только в Леванте, но и в Южной Турции (Бельбаси). Вероятно, из этого региона началось распространение синокавказцев по Анатолии и Северной Месопотамии. Ныне синокавказские языки (баскский, северокавказские, енисейские, синотибетские, на—дене) распространены отдельными

очагами от Испании до Калифорнии. Однако хронометраж раннего распада синокавказских языков изучен пока недостаточно, а дата распада синокавказского праязыка (100001000) должна рассматриваться как предварительная, поскольку учет материалов новых синокавказских языков (баскский, этрусский, бурушаски) способен внести коррективы в эту предварительную оценку.

Гораздо лучше известна история ностратов. Около 15000 лет назад ностратический праязык распался на западностратическую (афразийский,

картвельский, индоевропейский) и восточноностратическую (эламо-дравидский, урало-алтайский) группы. Носители

западноностратических языков остались в Леванте (афразийцы) и к северу от него (картвелы, индоевропейцы). Последнее обстоятельство вытекает из судьбы носителей картвельских и индоевропейских языков.

Пракартвелы отбыли из Леванта на Западный Кавказ, где много позже (50001000) их язык распался.

Весьма вероятно, что в авангарде у них индоевропейцы тем же путем

отправились в Северное Причерноморье.

Распространение индоевропейских языков в Европе отчасти было связано с экспансией археологических культур боевых топоров и шнуровой керамики, относящейся к III тыс. до н.э. (реальный календарный возраст может быть несколько древнее: 5680–4540 лет назад). Эти культуры охватили большую часть Европы, а потому трудно представить, что их носители говорили на каких-то неиндоевропейских языках. К кругу культур боевых топоров относились родственные культуры катакомбных и

ямных погребений (юг Восточной Европы, катакомбная — конца III тыс. до н.э., а ямная — несколько древнее). Среднехалколитическая ямная культура была генетически связана с древнехалколитической культурой Средний Стог (Украина, юго-запад России), которая датируется в пределах 4300–3500 до н.э.¹⁴ С, или в календарном исчислении 7180–6260 лет назад, т.е. глоттохронологическим возрастом распада индоевропейского праязыка (60001000). Из отмеченных культурных связей вытекает, что, если носители боевых топоров были индоевропейцами, то

среднестоговцев можно считать поздними праиндоевропейцами.

Скотоводство среднестоговской культуры на 75% базировалось на одомашненной лошади, и эта культура замечательна еще и тем, что ее носители впервые в истории освоили верховую езду на лошади: в среднестоговской культуре представлены роговые элементы конских удила, а недавние исследования [\[69\]](#) зубов среднестоговской лошади показали, что эти удила применялись по современному их назначению. Древнейшая верховая лошадь датирована ок. 6830 лет назад

(жеребец из Дереевки, Украина, ок. 4000 лет до н.э. по ¹⁴ С). Этнологические параллели показали, что освоение верховой езды должно было сопровождаться для среднестоговцев ростом демографического состояния и повышением мобильности, что объясняет распад праиндоевропейской культуры и широчайшее распространение ее производных по Евразии: конная ямная и другие культуры [\[70\]](#).

Источником среднестоговской культуры на Украине была неолитическая культура Днепр–Донец, в которой уже представлена

одомашненная лошадь (V–IV тыс. до н.э. некалиброванной шкалы), а еще раньше — неолитическая культура Сурск–Днепр (V тыс. до н.э. некалиброванной шкалы, или 7980–6830 календарных лет назад) со слабо развитым сельским хозяйством. На Украине они не имели местных корней и, значит, были принесены извне, однако халафская культура [\[71\]](#) (Северный Ирак, Сирия, Восточная Турция, 8670–7130/7550–6209 ¹⁴ С) едва ли послужила их источником (различия в керамике, хронологические и географические соображения и др.). Носителей халафской культуры скорее можно

сблизить с дошумерскими и досемитскими аборигенами Месопотамии, говорившими на “прототигридном” или “банановом” языке [\[72\]](#) преимущественно открытых слогов.

В натуфийскую эпоху в связи с распадом праафразийского языка от него отделился праегипетский, который в отличие от прочих афразийских не участвовал в лингвистических контактах с северокавказскими языками в регионе Южной Турции, где засвидетельствовано присутствие натуфийцев (Бельдиби; Бельбаси). Это приводит к выводу, что

отделившаяся от натуфа культура хариф (пустыня Негев в Юго-Западной Иордании и Северный Синай в Египте, 12000–11420/10450–9950) принадлежала носителям праегипетского языка [\[73\]](#).

Натуфийская культура в голоцене трансформировалась в древненеолитические культуры Леванта: протонеолит, докерамический неолит А (11700–10850/10200–9450) и докерамический неолит В (10850–9130/8450–7950), которые сменились керамическим неолитом типа сироккилийских культур Амур А (9130–8670/7950–7550) и Амур В (8670–

7980/7550–6950). Эти культуры были генетически связаны между собой и развивались, начиная со стадии докерамического неолита А, в условиях прогрессирующего производящего хозяйства. Первыми от натуфийских афразийцев отделились носители омотских и кушитских языков, чей путь в Восточную Африку пока неизвестен. Затем отделился праегипетский, носители которого позже создали в дельте Нила земледельческий поселок Меримде (древний керамический неолит, 8040/7230/7000–6300). И наконец, произошло разделение семитских и

берберо-чадских языков (8500/500),
отмеченных появлением
производящего хозяйства в оазисах
Ливийской пустыни (Юго–Западный
Египет, 8500–7500). Таким образом,
неолитическое население Леванта
принадлежало главным образом к
семитской языковой группе, которая
положила начало и языкам Аравии.
Экспансия неолитических семитов
видна из археологических данных.
Их культура среднего
докерамического неолита В
(10160/9820/8850–8550) продвинулась
в Юго–Восточную и Южную Турцию
(Чайеню Тепеси, 10560–9780/9200–
8520; Асикли–Хююк, 10280–

9890/8957–8611), что расчленило ареал местных синокавказских языков. Однако лингвистические следы семитов в этом регионе были уничтожены последующими миграциями. На стадии древнего керамического неолита носители семитских языков продвинулись в Северную Месопотамию, где они засвидетельствованы хассунской культурой (Северный Ирак, 9130–7980/7950–6950), содержащей в инструментарии остря Библос, известные в Леванте в докерамическом неолите В и в древнем керамическом неолите эпохи Амур А–В, синхронной

хассунской культуре. Носители родственной хассуне культуры самарра (в основном Северный–Центральный Ирак, 8690–7870/7570–6850) могли иметь аналогичную языковую принадлежность. Предположительный семитский язык хассунцев и самаррцев был замещен в том же регионе северосемитским аккадским (5300 лет назад). Семитские носители докерамического неолита А типа Иерихона (11830–10010/10300–8720) также мигрировали на Кипр, где аналогичная докерамическая культура засвидетельствована ок.

8600 лет назад (ок. 7500 ¹⁴ С: Кап Андреас Кастрос; Хирокития).

Восточно–ностратический праязык ориентировочно существовал 16000–14000 лет назад, и за это время его носители мигрировали из Леванта в Западный Иран, на территории которого восточноностратический распался на эламодравидский и урало–алтайский, что было вызвано смещением уралоалтайцев в Юго–Восточный Прикаспий и Южную Туркмению. Здесь урало–алтайцам могла принадлежать культура Бельт (Иран, 14090–13180/1227511480) и родственный ей поздний мезолит Дам Дам Чешме (Туркмения). Ок.

13000 лет назад урало-алтайский разделился на урало-юкагирский и алтайский праязыки, после чего носители урало-юкагирского начали движение к Уралу (распад их языка на Южном Урале датируется 5500-500 лет назад), а предки алтайцев мигрировали на Алтай, где их праязык 10500-1500 лет назад дал начало многочисленным языкам алтайской семьи. По глоттохронологическим данным, эти значительные миграции происходили в вюрмское время мезолитической эпохи.

Носители эламодравидского праязыка в Юго-Западном Иране

стали создателями группы земледельческих культур, начинающих с докерамической неолитической фазы Бус Мордех поселения Али-Кош (11370/9900200 ¹⁴ С), в которой представлен начальный этап развития земледелия (94,6% дикорастущих растений на 3,4% культурных: пшеница однозернянка и двузернянка (эммер), многорядный голозерный ячмень). Возможно, в этот период прадравиды отделились от предков эламитов и мигрировали на территорию Индостана в долину Инда, где с их приходом появился докерамический неолит с

полукультурным ячменем и отчасти одомашненной козой (Мергар, Пакистан, ок. 10000/начало VII тыс. до н.э. по радиоуглеродной шкале). Культурная последовательность Мергара продолжалась от начала VII до начала III тыс. до н.э. (ок. 10000–5700 по календарной шкале), от докерамической фазы неолита до стадии керамики стиля Кветта. Последней в Мергаре предшествует керамика стиля Кечи–Бег (между 6300 и 5700), традиции которой прослеживаются в керамическом стиле Кот Диджи (например, в Амри, Пакистан, 5570–5300/4850±4615). Керамика стиля Кот Диджи является

составной частью прехараппанской культуры, в которой появляются аналоги городской культуры Хараппы, например, цитадель и обводная стена в Кот Диджи (Пакистан, 5220–4650/4550–4050). Имеются данные, указывающие на культурную преемственность между прехараппанскими культурами (6150–4270/5356–3715) и хараппанской цивилизацией (4970–3660/4330–3190) ¹⁴ С) [\[74\]](#), что допускает этническое родство хараппанцев с прехараппанцами и мергарцами. Поскольку хараппанцы были, вероятнее всего, дравидами, можно думать, что создатели

культурной последовательности Мергара говорили на прадравидском языке. Его распад 5000 лет назад сигнализирует о местном демографическом взрыве, который следует считать причиной возникновения хараппанской цивилизации.

Будущие эламиты в Иране сформировали серию культур Али—Кош — Яхья (11370—6440/9900—5610), заключительная фаза которых непосредственно предшествовала появлению протоэламской письменности. Эта земледельческая группа археологически неоднородна, однако родственные культуры Али—

Кош — Чога Миш (Юго–Западный Иран, тот же возраст), вероятно, образуют непрерывную последовательность, ведущую к протоэламской цивилизации.

Последний язык ближневосточных цивилизаций — шумерский — засвидетельствован в протошумерской иероглифике начиная с археологического слоя IV В Урука (Варка, Ирак, позднеурукский период, IV A: 5470/476585¹⁴ С). Однако урукский период генетически связан с предшествующим убейдским периодом (8900–6430/7750–5600), что позволяет считать убейдцев шумерами. Убейдская культура была

распространена в Южной
Месопотамии в течение
археологических периодов Убейд 0—
IV. Шумеры с самого начала
появляются на стадии развития,
синхронной древнему
керамическому неолиту Леванта.

Основываясь на приведенных фактах,
можно наметить причинно—
следственные связи основных
социально—экономических событий,
предшествовавших на Ближнем
Востоке возникновению
цивилизации.

Верхнепалеолитический
демографический взрыв ок. 22000

лет назад вступил в Леванте в новую фазу, что, в соответствии с зависимостью между плотностью населения и сложностью практикуемой им технологии, вызвало переход от верхнепалеолитического ориньяка к мезолитической культуре кебары. Рост левантийского населения привел к значительной экспансии его из Леванта на запад Южной Турции (Бельбаси, Анталья) и, вероятно, еще большему распространению обитателей Леванта, вызвавшему отделение синокавказских языков от ностратических в начале кебары. Эти демографические причины

обусловили ок. 16000 лет назад трансформацию кебары в более прогрессивную культуру геометрической кебары и новую миграцию населения, выразившуюся в распаде ностратического языка 15000 лет назад. Усиление этих демографических тенденций сопровождалось новой трансформацией технологии, видной в появлении натурфийской культуры (14300–11700), и новым этапом распространения населения, начало которого отмечено выделением из натуфа протоегипетской культуры хариф (12000–11420) и общим

распадом праафразийского языка
12000 1000 лет назад.

Технологический прогресс натуфа сопровождался совершенствованием хозяйства. Появились такие орудия собирательства, как серпы (известны их костяные рукоятки, способные нести каменные лезвия–вкладыши). Специализировалась охота (натуфийцы практиковали, в частности, массовую охоту на джейранов, для которой, возможно, строили крупные загонные сооружения, называемые “пустынными змеями”; такая практика продолжалась и в неолите [\[75\]](#)). Есть основания говорить о

том, что с ростом населения в натуфе прогрессировала его технология и росла производительность труда. Последнее обстоятельство неизбежно вызвало расширение альтруистичных форм поведения человека (см. гл. I, 3), которые начали распространяться на некоторые виды животных и растений. В натуфе это была собака (одомашненный волк), а в докерамическом неолите - коза, овца, бык, пшеница, ячмень. Эти новые формы поведения имели прямое отношение к генезису производящего хозяйства.

С экологической точки зрения, возникновение производящего хозяйства означало, что демографический взрыв в первобытном обществе потребовал аналогичного популяционного взрыва в среде организмов, способных служить людям приемлемым источником пищи. Это позволяло демографически растущему социуму сохранять трофический (пищевой) энергобаланс с экосредой. В самом деле, земледелие и скотоводство — это, с экологической точки зрения, искусственный популяционный взрыв ряда съедобных для человека

растений и животных. Совершенно очевидно, что подобный популяционный взрыв может объясняться только предшествующим демографическим взрывом у человека. Как показано выше, признаки искомого демографического взрыва отчетливо прослеживаются в мезолитическую эпоху, непосредственно предшествующую производящей экономике.

Сравнение возрастов классических цивилизаций Ближнего Востока показывает их существенную близость: объединение Египта — 5340 (4650 ¹⁴ С), в Шумере I династия

Киша следовала за периодом
Джемдед Наср, 5200–4900, в Эламе I
династия Авана началась ок. 4500, в
долине Инда хараппанская
цивилизация возникла около 4970
лет назад, т.е. все эти
цивилизационные события лежат в
пределах 5400–4500 лет назад.
Складывается впечатление, что в
основе этих практически
синхронных событий лежал один и
тот же процесс, развивающийся
близкими темпами в экологически
сходных древнейших очагах
цивилизации (Месопотамия, долины
Нила и Инда). Как можно думать,
этот процесс носил

демографический характер и вполне закономерно начался на африканской территории Египта, где биопродуктивность среды была выше азиатской рассматриваемых регионов. Таким образом, с эмпирической точки зрения, возникновение цивилизации предполагает сочетание трех взаимосвязанных факторов: господство производящего хозяйства в высокобиопродуктивных регионах субтропиков, оптимальных для земледелия, (Месопотамия, долины Нила и Инда), при достижении местными локальными социумами значительного демографического

состояния (порядка 10000 человек) способно породить цивилизацию в ее классических вариантах (древний Египет, Шумер, Элам, Хараппа). В социумах, достигших указанной численности, начинает действовать статистический закон больших чисел. Социально-философское значение этого и других обстоятельств генезиса цивилизации будут рассмотрены далее (гл. II, 2, Гл. III, 3).

Мезолитический демографический взрыв в Передней Азии (Левант и его ближайшая периферия, 16000–11700), по закону соответствия демографического состояния

социума и степени сложности
практикуемой им технологии,
породил начала производящего
хозяйства, которое в ходе
демографического роста
ближневосточного населения было
10000–8000 лет назад
интродуцировано в Северную
Африку, Европу и, вероятно,
Индостан, где в связи с голоценовым
ростом биопродуктивности среды
надо предполагать соответствующее
увеличение местного населения, что
благоприятствовало усвоению им
производящей экономики. Последняя
не сразу стала доминирующей
формой хозяйства и сосуществовала

с развитыми формами охоты и собирательства. Довольно широко распространившееся производящее хозяйство само по себе еще не порождало цивилизацию, поскольку для этого требовались особые природные условия. Так, протоцивилизация Чатал-Хююк не стала подлинной цивилизацией, очевидно, потому, что природные условия равнины Конья (регион распространения культуры Чалал-Хююк в Турции) были не столь оптимальны для господствующего земледелия, как, например, долина Нила и т.п. Население Чатал-Хююк (4000-2000 человек) еще не

достигло цивилизованных плотностей (10000 человек).

Самыми оптимальными для уже возникшего сельского хозяйства на Ближнем—Среднем Востоке были субтропические долины крупных рек (Нил в Египте, Евфрат—Тигр в Шумере, Керхе—Диз—Карун в Эламе, Инд в хараппанском регионе). Рост населения и прогресс сельского хозяйства в этих регионах закономерно привели к формированию ставшего общества разделенного труда и возникновению цивилизаций, связанных с государственным устройством: древний Египет, Шумер, Элам.

Природа социальной организации
хараппанской цивилизации
дискуссионна: А.Я.Щетенко привел
доводы в пользу того, что
хараппанское общество еще не было
классовым [\[76\]](#). Это обстоятельство
не влияет на нашу концепцию
генезиса цивилизации, поскольку
государственность мы
рассматриваем как фактор,
вторичный к цивилизационному
процессу. Генезис цивилизации как
общества институционализованного
разделения труда является частным
случаем корреляции
демографического состояния
социума и степени сложности

практикуемой им технологии, поскольку разделение труда — это радикальный способ ее усложнения. Таким образом, происхождение цивилизации представляется закономерным эпизодом демографического и технологического развития человечества.

2. ПРИРОДА РАННЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

За первую половину голоцена (11700–5600 лет назад) развитие ближне-средневосточного общества ознаменовалось двумя важными достижениями. В оптимальных для

сельского хозяйства регионах (Нил, Месопотамия, Инд) производящее хозяйство стало господствующим в сфере производства продуктов питания, а демографическое состояние человеческих популяций в этих регионах вплотную подошло к созданию поселений, население которых в определенных случаях перешагнуло рубеж в 10000 человек. Оба обстоятельства послужили основой для институционализации общественного разделения труда, предпосылки которого созрели уже в предшествующую эпоху развития производящего хозяйства (Чатал-Хююк; Бейда).

Население многотысячного оседлого социума не может всем составом заниматься земледелием и скотоводством, поскольку жизненной необходимости в этом нет. Господствующее производящее хозяйство создает значительный избыточный продукт, а потому обеспечение всего микросоциума пищей, растительным и животным сырьем становится по силам части населения, что служит основой для выделения ее в профессиональную группу земледельцев—животноводов. Участие всего социума в эффективном сельскохозяйственном производстве могло бы только

привести к созданию ненужного прибавочного продукта и истощению биотопа, что было, конечно, неприемлемо. Между тем свободное от сельского хозяйства население должно было включаться в первичные общественные структуры, т.е. производить материальные блага несельскохозяйственной природы. Очевидно, таким образом обособилась профессиональная группа ремесленников, типичные занятия которых возникли еще в неолитическую эпоху (гончары, металлурги, оружейники, пекари, мясники, строители и т.д.) [\[77\]](#). Потребности обмена избыточным

продуктом с соседями вызвали к жизни выделение профессиональной группы купцов. Внешнеторговая деятельность широко представлена в эпоху ранних классических цивилизаций (третья хронологическая конъюнктура К.К.Ламберг–Карловски, ок. 4400) [\[78\]](#). Торговые связи охватили в это время древний Египет, Левант, Анатолию, Аравию, Месопотамию, Элам, хараппанскую цивилизацию и Среднюю Азию. Наконец, потребности регуляции социальной жизнедеятельности и религиозного культа обусловили выделение руководящей элиты, т.е.

действительное разделение труда, предполагающее отделение умственного труда от физического.

Определенные начальные признаки общественного разделения труда возникли, вероятно, одновременно в неолите, что затрудняет построение стадияльной схемы отпочковывания друг от друга отдельных подразделений труда. Ясно только, что они институционализировались в эпоху ранних цивилизаций. Природу этого процесса можно представить, проанализировав структурные особенности доцивилизованных и цивилизованных обществ, взятые с точки зрения демографической

статистики и истолкованные в некоторых прикладных понятиях теории вероятностей. Точнее, речь пойдет о статистическом законе больших чисел.

Смысл закона больших чисел в упрощенном изложении состоит в следующем. Допустим, мы производим какой-то опыт, исход которого может быть тем или другим: например, подбрасываем монету (может выпасть “орел” или “решка”), игральную кость (может выпасть одна из ее шести граней) или анализируем события, исход которых ограничен несколькими равновероятными вариантами.

Исходя из количества возможных равновероятных исходов опыта, мы можем предсказать, как часто будут происходить исходы опыта, если повторять его много раз. Так, монета в 50% случаев предположительно выпадет “орлом” и столько же “решкой”, а игральная кость примерно в 17% случаев выпадет одной из своих граней и т.д. Такие предсказуемые вероятные исходы опытов, предполагаемые заранее, являются математическим ожиданием исхода опытов. Согласно закону больших чисел реальный исход очень большого количества опытов (если их итог предсказуем с

точки зрения вероятности) будет мало отличаться от его математического ожидания. Теория вероятностей позволяет математически предсказывать и разнoverоятные исходы опытов, если их возможные варианты заранее известны. В частности, из закона больших чисел следует, что, если опыт повторять 10000 раз, то реальный исход будет отличаться от математического ожидания менее, чем в 1% случаев, что статистически составляет пренебрежимо малую величину. Иными словами, поведение какого-то вероятного события, если оно повторяется 10000

раз, становится практически предсказуемым, т.е. начинает подчиняться не статистической, а по существу динамической (однозначно предсказуемой) закономерности. Если повторять опыт больше 10000 раз, согласие его реального исхода с математическим ожиданием будет усиливаться, но на пренебрежимо малые доли процента, а если опыт повторять менее 10000 раз, расхождение его реального исхода с математическим ожиданием превысит один процент и будет тем сильнее, чем меньше опытов мы произведем. В теории вероятностей говорят не о должном согласии

исхода опытов с их математическим ожиданием, а лишь о вероятном, однако в данном случае это не существенно.

Для проявления закона больших чисел не обязательно производить один и тот же опыт диахронически (последовательно во времени). Если мы возьмем совокупность из 10000 объектов, варианты поведения которых статистически предсказуемы, то одновременное поведение этих объектов будет также предсказуемо. В частности, если рассмотреть популяцию из 10000 человек или более, зная заранее возможные стереотипы поведения

этих людей и частоты, с которыми варианты поведения проявляются, можно очень точно предсказать, как поведет себя эта популяция в каждый конкретный момент времени: поступки отдельных людей могут варьироваться, но популяция в целом будет вести себя вполне предсказуемо (здесь мы отвлекаемся от таких тонкостей, как количественный набор стереотипов поведения и т.д.). Соответственно, чем меньше будет человеческая популяция по сравнению с десятитысячной, тем хуже будет выполняться в ней закон больших чисел и менее предсказуемым станет

поведение ее членов. (Собственно, закон больших чисел будет выполняться по-старому, но расхождение между реальными исходами опытов и их математическим ожиданием станет усиливаться; говоря для краткости о “нарушениях закона больших чисел”, мы имеем в виду только последнее обстоятельство.) Таким образом, упрощенно говоря, статистическое различие между маленькой человеческой популяцией (заметно меньше 10000 человек) и крупной (в районе 10000 человек и больше) состоит в том, что поведение маленькой популяции не

предсказуемо точно, а поведение крупной фактически подчиняется динамическим закономерностям и может быть предсказано практически однозначно. Следовательно, предсказуемость или стереотипность поведения человеческих популяций имеет под собой демографические основы, важные для понимания предцивилизированной и цивилизованной эпох.

Население палеолитических и мезолитических общин не превышало полутысячи человек (например, Абу Хурейра, Сирия, мезолитическая культура позднего

натуфа, начиная с 12800 или 11150 ¹⁴ С, население — 25050 человек), а отличительной чертой таких общин была однородная социальная структура, лишенная признаков общественного разделения труда. Демографическое состояние общин палеолита—мезолита показывает, что поведение их населения не подчинялось действию закона больших чисел, т.е. теоретически было непредсказуемым (асоциальным), и оно действительно могло бы оказаться таким, если бы палеолитические и мезолитические социумы были лишены первичных и вторичных общественных структур.

Отсюда напрашивается вполне законный вывод. Однородная социальная структура была призвана “искусственно” согласовывать и нивелировать поведение своих первобытных носителей, поскольку без социальной структуры их общественное поведение не могло быть предсказуемым по статистическим причинам. Соответственно, однородная социальная структура первобытности исключала появление общественного разделения труда.

Население неолитических общин Ближнего Востока не выходило за пределы 5000 человек (Абу Хурейра,

докерамический неолит В, 10790–9190/9400–8000 ¹⁴ С, население — 2500500; Чатал–Хююк — 40002000 человек; и т.п.), а это значит, что поведение жителей таких общин также еще не подчинялось действию закона больших чисел, хотя уже приближалось к условиям его реализации в крупнейших социумах (Чатал–Хююк). Демографическая ситуация в неолитическом обществе при ее статистическом истолковании позволяет предполагать, что это общество в целом оставалось еще однородным, однако в нем уже не было первобытных препятствий для появления начал дифференциации,

выражающейся в выше отмеченных признаках зарождающегося разделения труда.

В цивилизованную эпоху появляются общества, городское население которых приближается к рубежу в 10000 человек и может даже превосходить это число (например, население Архаического Ура (Шумер, раннединастический период I, 2750–2615 до н.э., округа города Ура, ок. 90 км²) составляло ок. 6000 человек: 4000 в Уре, 2000 в городках Муру и Убайд, две сотни на хуторах; население округа Шуруппака, раннединастический период II, 2615–2500 до н.э., — не

менее 15000–20000 (число мужчин — 6580, 8970), причем более половины его было связано с храмом Шуруппака; Нгирсу, столица Лагаша (с населением в 100000 человек) в Шумере, раннединастический период III, время Энентарзи–Лугальанды, ок. 23402318 до н.э., 175002500 жителей; Мохенджо–Даро, 47104250, — 40000 жителей; Кносс и его гавань [(Крит, 17001580 до н.э.): население — 100000 человек; и т.п.] [\[79\]](#). Поведение представителей таких сообществ начинает полностью подчиняться действию закона больших чисел и становится существенно

предсказуемым и согласованным по статистическим причинам. Нужда в однородной социальной структуре в таких обществах исчезает, что создает основу для социальной дифференциации. Общий первобытный стереотип поведения оказывается здесь излишним и общество получает возможность к разделению на социальные группы. Природа последних предопределена спецификой основных отраслей господствующего производящего хозяйства. Поэтому в цивилизованной истории, по-видимому, никогда не существовало общественных подразделений труда

охотников и собирателей, что не исключало, конечно, существования соответствующих промыслов. Основу общественных подразделений труда цивилизованного общества составили профессиональные группы земледельцев—скотоводов, разного рода ремесленников, купцов, служителей культа и администраторов. Профессиональная дифференциация общества означала его внутреннюю специализацию, что резко повышало эффективность взаимодействия социума с окружающей природной и социальной средой. Оптимизацию взаимодействий с природой

осуществляли профессиональные группы земледельцев, скотоводов, рыбаков, ремесленников, с окружающими обществами — группы купцов, администраторов, но основной функцией последних (как и служителей культа) была задача регуляции взаимодействий между профессиональными группами внутри общества. На стадии цивилизации социум приобрел, таким образом, весьма дифференцированную структуру и должен был выработать средства ее интеграции.

Процесс общественного разделения труда, по определению, является для

социума центробежным, дезинтегративным. В самом деле, демографически крупный социум способен подчиняться действию закона больших чисел. Однако отдельные профессиональные группы, количественно уступая общей численности социума, по-видимому, уходят из-под действия закона больших чисел. Следовательно, в каждом подразделении труда должны были возникнуть нормативы поведения, делающие функционирование профессиональных групп предсказуемым. Иными словами, в каждом подразделении труда

развивались собственные стереотипы профессионального поведения со своими средствами и целями. Но в этом случае совместное существование подразделений труда нуждалось в определенных внешних интегративных началах.

Поскольку профессиональное разделение общества основывалось главным образом на дифференциации средств коллективного производительного потребления, нейтрализация социально—дезинтегративных последствий этого разделения должна была быть достигнута средствами коллективного, но

непроизводительного потребления. Основным средством коллективного непроизводительного потребления является поселение городского типа. Город представляет собой весьма стабильное материальное образование, в инфраструктуре которого объединены предметные формы существования отдельных подразделений труда [\[80\]](#). В раннем городе — это различные хранилища сельскохозяйственной продукции; мастерские ремесленников, места приготовления пищи (хлебопекарни и т.п.); рынки и лавки, опредмечивающие деятельность торговцев; культовые и

административные строения, являющиеся предметной формой функционирования деятелей умственного труда; наконец, жилища горожан, заключенные нередко в цепь фортификационных сооружений, также служат целям интеграции дифференцированного общества. Уже на ранних стадиях существования городов в их метаструктуру включены некоторые предметные формы сельскохозяйственной деятельности, находящиеся вне города, но тесно связанные с ним: это поселения сельского типа, ирригационные сооружения и т.п. Все эти

предметные конструкции не были изобретены в цивилизованную эпоху, поскольку их элементы развивались с неолитического времени.

С точки зрения здравого смысла, архитектурные и технические сооружения ранних городов и связанных с ними сел представляются средствами благоустройства жизни и деятельности селян и горожан, и генезис этих конструкций как будто не нуждается в специальном объяснении. В действительности же это далеко не так. В удобствах нуждались и люди палеолита и мезолита, однако городской культуры

у них не было. В неолите-энеолите появляются элементы городской культуры (Иерихон; Чатал-Хююк; Мерсин), однако целостной структуры городского типа не возникает. Сравнение демографического и социального состояния людей доцивилизированной и цивилизованной эпох заставляет искать социально-философские средства объяснения природы цивилизации, дефиниция которой сопряжена с рядом методологических трудностей [\[81\]](#).

На наш взгляд, цивилизация (город) представляет собой предметную форму структуры общества

разделенного труда, призванную жестко связать между собой жизненные условия весьма разнородных подразделений труда в едином городском конгломерате, что выполняло важнейшую социально-интегративную функцию для общества, расщепляемого разделением труда [\[82\]](#). Цивилизация (город) — это, по определению, средство коллективного непроизводительного потребления (если отвлечься от ряда производительных структур). Как таковое, город образовал своеобразную матрицу социального организма, диктующую своим

обитателям социально-интегративные формы существования. Важно еще раз подчеркнуть, что социально-дезинтегративное разделение труда основывалось на последствиях самодвижения средств коллективного производительного потребления. Поэтому закономерно, что нейтрализация этих социально-дезинтегративных последствий основывалась на городской цивилизации как средстве коллективного непроизводительного потребления, неспособном к самодвижению. В самом деле, структура города с протогородских

неолитических времен до наших дней, в сущности, совершенно не изменилась. Конечно, город вырос до размеров мегаполиса (в известных случаях) и его техническое оснащение качественно изменилось, однако истоки этого изменения лежат отнюдь не в самодвижении городской структуры, а в самодвижении средств коллективного производительного потребления, социально-дезинтегративные следствия которого (рост разделенности труда) успешно нейтрализовались матрицей городской цивилизации. Иными словами, внешне город, конечно,

всегда служил просто обиталищем цивилизованного социума, но его внутренняя сущность диктовалась свойственной ему природой средств коллективного непроизводительного потребления, в чем город был сродни вторичным общественным структурам, также основанным на различных средствах коллективного непроизводительного потребления, что объясняет известное родство природы цивилизации (городской культуры) и культуры вообще (вторичных общественных структур).

Материальные средства внутренней социальной интеграции цивилизации распадаются на две

основные группы явлений, состоящих в генетической связи. Первая группа интегративных феноменов связана с предметной формой структуры цивилизованного общества, которая воплощена в материальных образованиях поселения городского типа. Как выше отмечалось, инфра- и метаструктура города является прямым предметным воплощением структуры цивилизованного общества разделенного труда. Это предметное воплощение призвано поддерживать целостность социума, а потому отличается известной консервативностью. Такой

социально-консервативной функции
хорошо отвечают материальные
средства коллективного
непроизводительного потребления,
представленные человеческими
жилищами, производственными,
торговыми, культовыми,
административными и
фортификационными сооружениями.
Общество, обитающее в рамках
подобной предметной структуры,
должно было испытать вполне
определенные организационные
трансформации.

Дело в том, что древнее человеческое
общество сохраняло
организационные структуры,

генетически связанные с универсальными формами организации сообществ высших приматов (см. гл. I, 2). Так, у нас нет оснований отрицать, что основные формы кровно-родственных отношений первобытных людей (эндогамия и экзогамия, матрилинейность и патрилинейность) сохраняли преемственность с соответствующими аналогами, известными у высших приматов. Отметим также, что в ранних цивилизованных обществах имелись пережитки первобытных кровно-родственных отношений. В древнем

Египте практиковались
внутридинастические браки
фараонов на своих сестрах (система
просуществовала до конца греческой
династии Птолемеев), что
справедливо рассматривается как
пережиток эндогамии (браки внутри
родственной популяции). Такие же
пережитки были характерны для
царских семей Элама [\[83\]](#). Это
позволяет предполагать, что в
предцивилизованную эпоху
человеческие общины могли
обладать определенным набором
вариантов кровно-родственных
отношений, истоки которых уходили
в питекоидную эпоху, т.е. во времена

наших обезьяноподобных предков (австралопитек афарский). Такое положение вещей было достаточно закономерным.

Палеолитические и мезолитические общины основывались на потребляющей форме хозяйства, а в неолитическую эпоху элементы потребляющей экономики (охота и собирательство) образовывали значительную составляющую в хозяйственном укладе, содержащем уже признаки земледелия и скотоводства. Сообщества охотников и собирателей находились в экологическом равновесии со средой, а локальный уровень ее

биопродуктивности
благоприятствовал какому-то
определенному варианту кровно—
родственных отношений,
свойственных приматам
(матрилинейный эндогамный
промискуитет, матрилинейная
экзогамия, патрилинейная
иерархическая эндогамия и
некоторые другие варианты, включая
парную семью и пр.). Не исключено,
что ближневосточные обитатели
субтропиков с их значительной
биопродуктивностью могли обладать
матрилинейными кровно—
родственными структурами, в то
время как их соседи в менее

продуктивных регионах (например, праегиптяне в пустыне Негев) имели скорее склонность к патрилинейной иерархической эндогамии (с тенденцией к организации гаремов), послужившей архетипом организации, вероятно, традиционных семейных отношений египетских фараонов (патриархальная гаремная семья с элементами эндогамии). Центрально-семитские племена, переселившиеся из Леванта в пустынные районы Аравии, где низкая биопродуктивность благоприятствовала патрилинейной гаремной структуре кровно-

родственных отношений, усвоили именно такую организацию, доставшуюся в наследство историческим арабским племенам. Протоэламиты, обитавшие в субтропиках Восточной Месопотамии, имели дело с относительно высокобиопродуктивной экосредой, благоприятной для матрилинейной эндогамии. Кровно–родственные традиции в царских семьях Элама (браки на сестрах и левират, т.е. женитьба на вдове брата, что одновременно свидетельствует об эндогамии и матрилинейности) сохраняли преемственность с

вероятными кровно-родственными обычаями протоэламитов. Шумеры доцивилизованной эпохи уже имели, возможно, патриархальный уклад жизни [\[84\]](#), который должен был развиваться в регионе с меньшей биопродуктивностью среды, чем та, что была свойственна Южной Месопотамии, где шумеры без признаков местного развития появились уже на стадии древнего керамического неолита. В Южной Месопотамии шумерам предшествовал народ “прототигридского” или “бананового” языка, послужившего субстратом для языка шумеров,

откуда следует, что шумеры не были аборигенами Южного Двуречья.

С установлением господства сельского хозяйства в экономике экологическая зависимость цивилизующихся общин от окружающей экосреды сокращалась. В этих условиях сохранение прежнего разнообразия кровно-родственных отношений было невозможно, и в принципе ранние цивилизованные общества, обладающие сходно производительным хозяйством, должны были прийти к похожим кровно-родственным отношениям и общественным структурам в целом.

Носители ранних цивилизаций жили в стационарных городах, структура которых служила средством регламентации их жизни. Оседлые городские сообщества отличаются от первобытных сельских общин резким ограничением своего выбора образа действия: он практически целиком декретируется структурой городского образа жизни. От склонных к миграциям первобытных общинников ранние носители цивилизации отличались, таким образом, тем, что их городской образ жизни в чем-то напоминал обитание в неволе (собственно, в условиях ограничения свободы выбора образа

действия: привязка к местности, однообразные занятия, снижение роли стереотипа поведения, связанного с естественной добычей пищи (типа охоты или собирательства). Из наблюдений над приматами в неволе известно, что ограничение своей свободы, абсолютно независимо от наличия пищи, они воспринимают как попадание в малопродуктивный пустынный биотоп и ведут себя в соответствии с законом Дж.Крука (см. гл. I, 2), т.е. начинают конкурировать из-за пищи (несмотря на то, что ее хватает) и организуют патрилинейные иерархические

структуры сообщества. Приматы в данном случае реагируют на отсутствие постоянного свободного доступа к источникам корма, что действительно эквивалентно условиям малопродуктивного биотопа или биотопа, в котором доступ к пище ограничивают хищники (ситуация с павианами в открытой саванне).

Человеческое поведение при переходе к жизни в ранних городах столкнулось с аналогичной проблемой и можно было бы ожидать, что типичными кровно-родственными отношениями в городской цивилизации станут

патрилинейные, а общегородская социальная структура приобретет иерархические черты. Именно так и произошло в условиях ранних цивилизаций. В обыденной жизни Египта, Шумера и Элама матрилинейность была элиминирована (если допускать, конечно, ее существование ранее — например, в Эламе). Добавим, что в истории вообще не известно ни одной матриархальной цивилизации. Кроме того, социальная организация цивилизованных обществ стала вполне иерархичной и ориентированной на перерастание в классовое общество.

На первый взгляд может показаться, что иерархическое устройство раннецивилизированного общества было удачным изобретением для регуляции экономических и общесоциальных взаимоотношений подразделений труда. Такая функция иерархической общественной структуры действительно существовала, однако объяснение генезиса социальной иерархии из этих нужд представляется неисторичным. В самом деле, нет никаких оснований утверждать, что иерархия в социальной организации является новацией цивилизованной эпохи, поскольку элементарные

аналоги иерархического устройства сообщества известны у приматов в малобиопродуктивных биотопах, в биотопах, где добыча пищи осложнена присутствием хищников (что эквивалентно малопродуктивности — упоминавшаяся ситуация в открытой саванне), а также в неволе (типологический аналог городских условий с вышеприведенными оговорками). Следовательно, у первобытных людей в соответствующих экологических условиях начала иерархической организации вполне могли присутствовать еще до цивилизации.

Кроме того, теоретически вероятные взаимоотношения между подразделениями труда в принципе должны были бы быть отнюдь не иерархическими. Так, К.Маркс логично предполагал, что отношения между подразделениями труда базируются на обмене опредмеченной деятельностью [\[85\]](#), способном стать основой экономических и социальных отношений. Если бы такая модель реализовалась, мы имели бы раннюю цивилизацию с развитым внутренним обменом. В действительности же сколь-нибудь значительный товарообмен в

Шумере отсутствовал [\[86\]](#), а экономические отношения между подразделениями труда, как и в Египте, носили распределительный централизованный характер. Следовательно, иерархия общественных групп была не только древнее разделения труда, но и наложилась на последнее несколько искусственно. Вероятно, социальная иерархия возникла в цивилизации по вышеуказанным поведенческим причинам независимо от генезиса разделения труда и наложилась на него в целях социальной интеграции, поскольку делала взаимоотношения профессиональных групп

централизованными (имеются довольно подробные сведения о централизованной регламентации поведения представителей различных отраслей производства и других родов деятельности в Лагаше, Шумер, времени Энентарзи и Лугальанды, ок. 2340–2318 до н.э. [\[87\]](#)_____, где существовала патриархально ориентированная общественная структура).

Социально–интегративная природа цивилизации объясняет не только сущность ее предметной городской структуры, но и социально–экономическое использование патриархальной иерархической

организации, имеющей
неэкономическое происхождение. По
форме эта организация имела
древнее этологическое (естественное
поведенческое) происхождение.
Однако в условиях цивилизованного
общества, потенциально
дезинтегрируемого специализацией
труда, иерархическая патриархальная
структура стала функционировать за
рамками кровно—родственных
отношений и обусловила конкретный
централизованно—
распределительный характер
экономических связей
подразделений труда. В данном
случае в объяснении нуждается не

сам генезис иерархической структуры, а ее социально-экономическое приложение, причина реализации которого видна в пригодности иерархической структуры для социально-интегративных функций.

Будучи социально-консолидирующим феноменом и реализуя свои интегративные свойства стихийно, конкретная цивилизация должна была вовлекать в сферу своей активности и окружающие социумы, поскольку основным свойством цивилизации была тенденция объединения людей тем или иным способом. В этой

связи немалый интерес представляет торговая активность ранних цивилизаций.

Совершенно аналогично объясняется и другая форма внешней активности, которую с поправкой на отдаленность эпохи можно назвать внешнеполитической. Потенциально ранние цивилизации Египта, Шумера, Элама и Хараппы были вполне автаркичны, поскольку все жизненно необходимое с избытком производили на месте. Так что, с рациональной точки зрения, внешнеторговая и внешнеполитическая деятельность для них была практически не

обязательна (единственное исключение составлял импорт меди, олова и леса, однако нет основания утверждать, что благосостояние ранних цивилизаций было немыслимо без этих товаров). В действительности все происходило не в соответствии с рациональными установками, и древний Египет, Шумер и Элам не только вели обширную внешнюю торговлю, но очень рано предпринимали акции военно-внешнеполитического свойства. Подчеркнем, что ни грабеж чужих богатств, ни территориальные притязания нельзя, с точки зрения здравого смысла, объяснять

удовлетворением жизненно важных
нужд ранних цивилизаций.

Таким образом, ранняя цивилизация,
получив в наследство от
первобытного общества начала
производящего хозяйства, ремесла,
торговли, архитектуры и
предпосылки иерархической
организации общества, поместила
все эти общественные достижения в
определенную социально—
интегративную матрицу, что
обусловило возможность их
дальнейшей специализации и
развития без ущерба для целостности
социума. Исходным проводником
социальной интеграции для

цивилизации послужили средства коллективного непроизводительного потребления, выступающие в форме поселения городского типа. Принципиальная схема планировки города, содержание его инфраструктуры и метаструктуры были заложены в эпоху ранней цивилизации и существуют по сей день (административные, культовые, культурные, производственные, торговые сооружения, объединенные фортификационными конструкциями и дополненные различного рода предметными формами сельского хозяйства). Генезис городской структуры

объясняется ее природой, понимаемой как предметная форма общества разделенного труда. Будучи социально—интегративным фактором, ранняя цивилизация закономерно направляла свою консолидирующую активность вовне, что вело к формированию целостных государств различной степени сложности. Образование государственных организмов, выходящих далеко за пределы отдельных городов, таким образом, является прямым следствием реализации потенций цивилизации, понимаемой как городское образование. В этой связи нет

оснований отказываться от принятой нами дефиниции ранней цивилизации, поскольку существование цивилизованных государств является прямым следствием возникновения локальных городских цивилизаций и объясняется из особенностей их социально—интегративной природы.

3. ДИНАМИКА РАННЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Классические цивилизации типа древнего Египта и Шумера не исчерпывают вариантов реализации общества производящего хозяйства. Некоторые связанные с ним социумы

не создали подлинных городских цивилизаций, но породили значительные предметные формы, обнаруживающие существенные социально-интегративные аналоги с ранними цивилизациями городского типа (мегалитическая культура Западной Европы).

В материковой Европе городские цивилизации появляются позже, чем на Ближнем Востоке. Причина европейского отставания в развитии по сравнению с Передней Азией имеет, вероятно, демографическое и социально—экономическое объяснение. Ближневосточный демографический взрыв происходил

В условиях относительно высокобиопродуктивной среды, что создавало предпосылки для производящего хозяйства и цивилизованного общества. В менее биопродуктивной Европе демографические процессы шли медленнее, а производящее хозяйство было, вероятно, интродуцировано из Азии. Местные европейские природные условия давали почву только для его весьма медленного развития.

Одним из древнейших протогородов на европейском континенте была Лерна III (Пелопоннес, Греция, древнеэлладский период II, ок. 5000—

4770 лет назад). Это поселение и целый ряд других, родственных ему, были разрушены в результате вторжения носителей более примитивной культуры (древнеэлладской III, около 4770–4540/4150–3950), как полагают [\[88\]](#), говоривших на индоевропейском языке анатолийской группы (хетто–лувийские). В историческое время достоверно известным хетто–лувийским народом в Греции были карийцы [\[89\]](#), поэтому не исключено, что древнеэлладская культура III принадлежала именно им. Два века спустя Греция пережила еще одно вторжение, разрушившее

остатки протоцивилизации типа Лерна III. В Лерне новое население появилось незадолго до даты 4480 (3898 $\pm$ 117 14 C) лет назад и принесло среднеэлладскую культуру средней бронзы, не слишком отличающуюся от культуры древней бронзы предположительных карийцев. В лингвистическом отношении среднеэлладское население, возможно, было уже греческим.

В эпоху среднеэлладского периода III — позднеэлладского периода I–II (1700–1400 до н.э.) греки создали начала своей микенской цивилизации, которая пережила расцвет в позднеэлладский период III

(1400–1100 до н.э.). Между микенской цивилизацией и протоцивилизацией Лерны III, Тиринфа (древнеэлладский II) и др. прямой исторической связи не существовало. Однако, поселившись на территории, обладающей древними культурными традициями, и став соседями цивилизаций Крита и Хеттского царства (в Малой Азии), греки подверглись определенному влиянию. У догреческого населения они позаимствовали планировку здания в форме мегарона. Художественное решение Львиных ворот Микен (1250 до н.э.) было подсказано оформлением ворот

хеттской столицы Хаттусас, которую ахейцы (микенские греки) посещали. Свое линейное письмо В ахейцы получили от минойцев (критян), приспособив их линейное письмо А к нуждам греческого языка (1400–1200 до н.э.). Микенское искусство в определенных чертах продолжало критские традиции [\[90\]](#).

Сравнительно поздний возраст микенской цивилизации и ее культурные связи с более древними очагами средиземноморских цивилизаций как будто подсказывают мысль о производном характере цивилизационного процесса в микенской Греции.

Однако социально–исторические факты (в том числе и поздний возраст микенской цивилизации) при их социально-философском истолковании не подтверждают мысль о вторичности цивилизации ахейцев.

Если бы греки были простыми потребителями древней средиземноморской культуры, они бы начали организацию собственной цивилизации по средиземноморскому образцу непосредственно по прибытии на территорию Греции, где определенные традиции ранней цивилизации (или

протоцивилизации) уже сложились (Лерна III, Тиринф). Между тем в течение 800 лет (с учетом калиброванной радиоуглеродной даты прибытия греков) средиземноморские предпосылки цивилизации оставались не востребованными предками ахейцев. И дело здесь, конечно, не в психологической несовместимости первобытных греков с раннецивилизированными средиземноморскими влияниями. Эти восемь веков потребовались грекам для достижения того демографического и социального состояния, которое нуждалось в

средствах общественной интеграции
непервобытного характера. О самых
первых этапах микенской
протогородской культуры (1700–1400
до н.э.) прямых сведений нет, но
данные о микенской цивилизации
(1400–1200) довольно красноречивы.

В хеттских документах из Хаттусаса
времен царей от Суппилулиумаса I до
Арнувандаса IV (ок. 1380–1190)
постоянно упоминается царство
Аххиява, которое было тождественно
государству ахейцев (микенская
Греция или ее восточные колонии),
однако эпиграфические и эпические
данные не дают оснований
предполагать существование единого

общеахейского государства. Архивы Кносса и Пилоса позволяют воссоздать в общих чертах структуру микенского общества [\[91\]](#). Она состояла из представителей различных отраслей сельского хозяйства (земледельцы, пастухи) и ремесла (целый ряд профессий); имелись рабы, служители культа, представители административно-бюрократического аппарата (писцы); во главе государства стояли царь (лин. В ванака, греч. анакс), полководец (лавагета), руководители отдельных поселений (басилевсы) и другие должностные лица; существовали вооруженные силы и

флот. По археологическим данным, была развита обширная внешняя торговля; колонизация охватила Средиземноморье от Южной Италии до западного побережья Малой Азии, Крита и Кипра.

Таким образом, в микенской Греции развилось общество разделенного труда, бюрократические черты организации которого напоминают ранние ближневосточные цивилизации (Шумер, Египет). Это общество, как и раннешумерское, состояло из городов-государств (Микены, Пилос, Кносс на Крите и целый ряд других, известных Гомеру и классической греческой

исторической традиции). Как и между шумерскими округами, между микенскими городами велась вооруженная борьба (эпические данные, подтверждаемые отчасти археологически). В конце своей эпохи микенцы образовали военно-политический союз во главе с Агамемноном (царь Микен) для борьбы с Троянским царством, что указывает на интегративные процессы междугородного характера. По хеттским источникам, цари Аххиявы предпринимали внешнеполитические и военные действия в Малой Азии и на Кипре.

Совокупность приведенных признаков стандартна для ранней цивилизации: общественное разделение труда и патриархальная иерархическая организация общества; внешнеторговая и колониционная активность, а также признаки внешней политики; внутривнутриполитическая борьба, направленная, вероятно, к интеграции страны (антитроянский союз); управленческий бюрократический аппарат (Кносс, Пилос, Фивы). Эти социальные реалии показывают, что микенская цивилизация была аналогична раннешумерской и, по косвенным

признакам, раннеегипетской додинастической номовой эпохи. Можно предполагать поэтому, что причины возникновения названных цивилизаций были подобными. Следовательно, нет нужды привлекать для объяснения пусковых механизмов цивилизационного процесса какие-то частные обстоятельства бытия конкретных обществ: например, ирригацию в Шумере или крито-малоазийские влияния в Греции. Эти частности отразились на внешней форме цивилизационных событий, отнюдь не определяя их сущности.

Осевшие около 4540 лет назад в Греции ахейцы, развивая свою производящую экономику, пришли в течение среднеэлладского периода III (1700—1550 до н.э.) к началам общественного разделения труда и первым фортифицированным поселениям городского типа (крепость с прилегающим поселением: Микены, Тиринф). В позднеэлладский период III A—B (1400—1200 до н.э.) их общество достигло довольно разветвленного состояния разделения труда. Эти дифференциальные процессы вызвали потребность интеграции микенских обществ, выразившуюся в

совершенствовании предметной
формы социальной структуры
(перестройка дворцов, расширение
фортификационных сооружений,
прогресс рядовых жилищ,
окружающих дворцы) и развитии ее
иерархической организации.
Пришедшие в движение социально—
интегративные процессы породили
военно—политическую борьбу
микенских центров (объясняющую
непосредственное назначение
фортификации), их внешнеторговую,
а затем и внешнеполитическую
активность. Эти события
укладываются в рамки стандартной
социально—интегративной динамики

ранней цивилизации, социально-философский анализ которой мы предприняли в предыдущем параграфе. Микенская цивилизация как вариант ранней цивилизации не обнаруживает принципиальных отличий от ближневосточных обществ того же типа.

Раннее по сравнению с другими областями Европы возникновение греческой цивилизации мы объясняем не столько цивилизующими культурными влияниями с Востока, сколько близостью Греции к переднеазиатскому центру демографического роста и развития

производящего хозяйства. По нашим представлениям (см. предыдущий параграф) для институционализации общественного разделения труда и возникновения цивилизации социуму требуется определенное демографическое состояние. О населенности микенской Греции в конце XIII в. до н.э. можно судить по “Перечню кораблей”, описанному в “Илиаде” (песнь вторая, 494–759) [\[92\]](#). Считается, что этот “Перечень” является тем пассажем “Илиады”, который может восходить к микенским временам [\[93\]](#). Структура же самого “Перечня” напоминает учетные таблички

линейного письма В. Согласно этому документу, Агамемнон привел под Трою флот из 1186 кораблей, укомплектованный экипажами из 29 греческих областей. Суда из 23 областей (1007 кораблей) имели команду из 120 человек, а 6 областей направили 179 кораблей с экипажами по 50 человек. В итоге войско Агамемнона составило 129790 человек, что предполагает население участвовавших в войне регионов не менее, чем из 519160 человек. В войске были представлены отряды из нескольких населенных пунктов каждой области, а потому о населении отдельных

пунктов трудно что-либо сказать определенно. Сам Агамемнон возглавлял войско из 12000 человек (100 кораблей) из Микен, Коринфа, Клеон, Орнии, Арефиреи, Сикиона, Гипересии, Гоноессы, Пеллены, Эгиона, Гелики. Войско Менесфея из Афин насчитывало 6000 человек (50 кораблей). Если это не поздняя конъюнктура, то население города достигало не менее 24000 человек. Наверное, население Микен, Пилоса, Аргоса и Кносса было не меньше (100, 90 и 80 судов по 120 человек). Надо учитывать и неполноту оценки (в Греции во время Троянской войны оставалось немало боееспособного

населения, как видно из событий на Итаке), и можно думать, что некоторые ахейские города перешагнули “демографический рубикон” (10000 человек), необходимый для устройства институционализованного социума общественного разделения труда. В более мелкие поселения стереотипная структура общества могла иррадиироваться, сформировавшись в крупных центрах.

Цивилизационный процесс для ранних цивилизаций наметился таким образом, что его ядром выступали предметные формы

вторичной идеологической
структуры общества, воплощенные в
культовых сооружениях: от
европейских мегалитических
святилищ-обсерваторий до
шумерских храмов. При всем
различии архитектуры и культов,
связанных с этими предметными
формами, их социально-
интегративные функции были
абсолютно идентичны. Возможно,
здесь имеет место своеобразный
“храмовый путь” цивилизационного
процесса. Роль культовых
сооружений в нем не может
удивлять, поскольку из всех
возможных средств коллективного

непроизводительного потребления, необходимых для образования предметной формы цивилизации (см. гл. II, 2), именно культовые сооружения отличались максимальной коллективностью и минимальной производительностью: в храмах ничего не производилось, а рассчитаны они были на всех членов сообщества (эзотерические храмы — позднее явление). Жилые здания были слишком индивидуализированы и, вдобавок, использовались для некоторых производственных нужд, а административные сооружения (резиденции правителей и т.п.) были слишком элитарны. Культовые

сооружения, помимо прочего, являются очень древними образованиями (ср. возраст франко-кантабрийских пещерных святилищ верхнего палеолита, гл. I, 3) и существуют к начальному моменту цивилизационного процесса. Древность, непроизводительность и коллективность делают их наилучшим ядром, вокруг которого могла бы вырасти цивилизация.

Многие “храмовые” протоцивилизации отличаются одной особенностью: отсутствием фортификационных сооружений в момент генезиса. Даже города цивилизации Хараппы имели стены

не фортификационного, а вполне гражданского назначения: они защищали поселения от наводнений [94]. На стадии ранней цивилизации многие города “храмового” типа обзаводятся фортификационными постройками в связи с военно—политической активностью (см. гл. II, 2). Однако это достижение не имеет отношения к генезису цивилизации.

Между тем фортификационные сооружения, как и культовые, являются наиболее оптимальными для образования предметной формы цивилизации средствами коллективного непроизводительного

потребления. Фортификация не имеет никакого производственного назначения и в то же время отвечает нуждам всех членов создавшего ее социума.

Нулевая производительность и максимальная коллективность, с точки зрения социально—интегративных возможностей, полностью уподобляют фортификацию культовым сооружениям: при всем различии их внешних повседневных функций их внутренняя общественная сущность, с социально—философской точки зрения, идентична для интегративных нужд цивилизации.

Фортификационные сооружения
появляются в начале
докерамического неолита (Иерихон).
Древность, непроизводительность и
коллективность делают их
оптимальным ядром, внутри и вокруг
которого могла бы вырасти
цивилизация. В этой связи можно
постулировать второй
“фортификационный” путь
цивилизационного процесса, при
котором формообразующим
элементом цивилизации выступает
не святилище, а укрепление. Этот
постулат сопряжен с
методологическими трудностями.
Если легко представить себе

поселение, лишенное укрепления, то трудно допустить существование поселений, движущихся к цивилизации, но лишенных предметных форм культа. Дело, однако, не идет о таком крайнем случае. Предметные формы культа могут быть портативными (термин А.Леруа—Гурана), рассеянным в социуме и мало пригодными для формообразования цивилизованной предметной структуры, в то время как фортификация всегда стремится к монументальности, а монументальность как основа стабильности сооружения хорошо

отвечает социально–интегративным задачам.

Древнейшее фортификационное сооружение известно из докерамического неолита А Иерихона (Иордания, 11830–10010/10300–8720 ¹⁴ С), где имелась высокая (7,75 м) каменная башня, фланкированная высокой (5,75 м) каменной стеной. Укрепление было связано с полузарытыми в землю круглыми домами из сырцового кирпича, обычно однокомнатными. Этот ансамбль, конечно, нельзя считать цивилизацией, поскольку никаких признаков общественного разделения труда там не

представлено. Однако поселение такого типа могло бы стать со временем эмбрионом цивилизации. В начале голоцена в Леванте шли демографические процессы, обусловившие распространение производящего хозяйства в Африку (см. гл. II, 1). Демографический рост мог породить конфликты популяций и вызвать нужду в укреплениях.

Из ранних цивилизаций, связанных с фортификацией, помимо упоминавшейся микенской, можно назвать ханаанейскую цивилизацию Иордании (например, Иерихон) и Израиля (например, Мегиддо), существовавшую 4900–4600 лет

назад и еще 4600–4250 после
вторжения на ее территорию
носителей культуры Хирбет Керак.

Неолитические и халколитические
поселения во многих случаях были
лишены фортификации, и
складывается впечатление, что ее
возникновение в конкретных случаях
было обусловлено передвижением
агрессивного населения, вызванным
демографическими, экологическими
и другими причинами. В эпоху
ранних цивилизаций
распространение фортификации
становится значительным, что может
объясняться причинами военно-
политического характера.

Цивилизация, огражденная от вторжения извне в силу своего географического положения, могла обходиться без фортификационных сооружений. Такой была минойская цивилизация Крита, которая обходилась без укреплений даже в эпоху своей внешнеполитической активности (минойская талассократия, т.е. власть над морем, 1700–1400 до н.э.).

Однако не вызывает сомнений то обстоятельство, что фортификация, помимо своего стратегического назначения, играла важную социально–интегративную роль. Для городского общества, находящегося

под угрозой потенциальной агрессии, городские укрепления выступали мощным консолидирующим фактором. Из этого, конечно, не следует, что цивилизованное общество в интересах своей интеграции должно было стихийно искать внешнего врага, чтобы в результате обзавестись фортификацией. Хотя, если подойти к вопросу не предвзято, единственным объективным достижением, например, египетских фараонов нулевой династии было удовлетворение интегративных потребностей своего социального организма, и существуют большие

сомнения в том, что это достижение отвечало интересам людей, взятых по отдельности. В результате создания общегипетского национального государства (самый древний случай в истории) самобытное развитие отдельных регионов страны было искусственно прекращено. Это тоже произошло не случайно, поскольку социум как сверхорганизм всегда противодействует самостоятельности своих частей.

Теоретически, сакральная и фортификационная консолидация цивилизованного общества опиралась на предметные формы с очень близкими социально-

интегративными свойствами (святилище и крепость), однако вторая больше зависела от исторически переменных факторов (демографическое состояние общества, конкуренция человеческих популяций на социально-экономической почве и т.д.). Поэтому вероятность генезиса предметной формы цивилизации на основе фортификационных образований для самых ранних цивилизаций была невелика. Вообще в суждениях о генезисе цивилизации следует избегать апелляций к ближним доходчивым целям создания цивилизации, так как, с

социально—философской точки зрения, движение общества к цивилизации во многом объяснялось глубинно действующими в обществе факторами, которые далеко не всегда лежали в сфере обыденных интересов людей.

Социальная динамика, т.е. движение общества под действием приложенных к нему сил, применительно к эпохе становления цивилизации может быть представлена как цепь причинно—следственных событий, которые под влиянием демографических и социально—экономических факторов закономерно перевели некоторые

довольно древние общества Ближнего Востока и сопряженных регионов из первобытного состояния в цивилизованное. Основное социальное различие этих состояний связано с наличием общественного разделения труда, т.е. профессиональных групп, подчиняющихся собственным, не общесоциальным законам типа зависимости между расширением посевных площадей и сокращением подразделения сельскохозяйственного труда и т.п.

В основе цивилизационного развития тех ранних обществ, которым неоткуда было заимствовать

технологические новшества, лежали, вероятно, демографические процессы. Естественный рост населения в мезолите привел к закономерному усложнению применяемой обществом технологии, что выразилось на рубеже голоцена в появлении начал производящего хозяйства (Левант, Загрос), которые сперва играли подчиненную роль по отношению к преобладающим традиционным промыслам (охота, собирательство). Производящее хозяйство является необходимым, но не достаточным условием возникновения общественного разделения труда. В

неолитическом мире и в более поздние эпохи существовало немало обществ с производящей экономикой разных уровней развития, которые не могут быть отнесены к цивилизованным. Так, относительно эффективное производство примитивных земледельцев и скотоводов Новой Гвинеи (папуасов; время, необходимое для производства пищи, может составлять у них всего 10% активного времени, см. гл. I, 2) является достоянием еще вполне первобытного общества.

Возникновение общественного разделения труда можно рассматривать как важный момент

усложнения свойственной социуму технологии путем ее дифференциации. Такое усложнение технологии было следствием достижения обществом значительного демографического состояния. Это вытекает из постулируемой нами зависимости между численностью конкретного социума и степенью сложности практикуемой им технологии. По нашим представлениям, “демографический рубликон”, разделяющий структурно однородное первобытное общество и цивилизованное общество, состоящее из профессиональных

групп, теоретически отвечал
десятитысячной численности
человеческой популяции, образцы
которой появляются на ранней
стадии развития классических
цивилизаций. Популяция, достигшая
такой численности, начинает
подчиняться действию
статистического закона больших
чисел, и ее дальнейший рост уже не
сказывается на ее статистических
свойствах. Поведение маленькой
популяции статистически плохо
предсказуемо и для ее социализации
общество развило технологию
соответствующей степени
сложности. Когда численность

социума переваливает
“демографический рубикон”, его
поведение становится существенно
предсказуемым, и при дальнейшем
демографическом росте ситуация
уже не меняется. Следовательно, для
социализации популяции из 10000,
из 100000 и т.д. человек достаточно
технология одной и той же степени
сложности (здесь наш закон
корреляции демографии и
технологии в первобытном его
выражении — неразделенный труд
— перестает выполняться). Излишне
говорить, что технология,
достаточная для поддержания жизни
десятитысячного населения, едва ли

будет оптимальна для стотысячного. Следовательно, для общества, подошедшего к “демографическому рубикону”, единственная возможность совершенствования своей технологии состояла в следующем.

Общество должно было разбиться на социальные группы с численностью менее 10000 человек. Внутри этих групп закон больших чисел не действовал, и в них закон соответствия демографии и технологии продолжал выполняться без всяких ограничений. Такие группы стали основой профессиональных групп общества

разделенного труда. При общем демографическом росте социума росли и его профессиональные группы, и усложнялась степень сложности их технологий. Если профессиональная группа сама приближалась к демографическому рубикону, в ней происходило разделение на подгруппы с численностью ниже демографического рубикона; по этим подгруппам происходила дальнейшая специализация производства, а при росте этих подгрупп усложнялась и свойственная им специализированная технология, причем внутри этих подгрупп по—

прежнему продолжал выполняться закон соответствия демографии и технологии. Этот процесс демографической и технологической дифференциации социума теоретически был неограничен. В дифференцированном обществе, таким образом, закон соответствия демографического состояния популяции и степени сложности практикуемой ею технологии продолжал действовать в новом качественном варианте, когда технологии перестают быть общеупотребительными в социуме. В реальности это положение вещей

отвечало институционализации общественного разделения труда.

Отдельное действие закона соответствия демографии и технологии внутри подразделений труда, обуславливая их самостоятельное поведение, угрожало целостности социума. Для преодоления этого социально-дезинтегративного явления общество пришло к новому образу жизни, при котором социальная структура была опредмечена в инфра- и метаструктуре раннего города (отношения город-деревня, разделение города на кварталы по профессиональной принадлежности

и т.д.). Угроза дезинтеграции для цивилизованного общества исходила от самодвижущихся средств коллективного производительного потребления, технологии которых стали самостоятельными в подразделениях труда. Поэтому нейтрализация социально—дезинтегративных последствий дифференциации средств коллективного производительного потребления исходила от консервативных средств коллективного непроизводительного потребления, господствующая предметная форма которых эквивалентна комплексу городских

построек. Теоретически, ядром, объединяющим последние, закономерно должны были стать средства предельно коллективного и непроизводительного назначения. К их числу относились коллективные святилища и коллективные укрепления. Поэтому представляется неслучайным, что ядром формирования цивилизованного города становились храмы (Шумер) и фортификации (Микены).

Стереотипы поведения первобытного человека были таковы, что на переход к жизни в стационарных условиях ограниченного города человеческие популяции

закономерно отреагировали преобразованием своей социальной организации по патриархально-иерархическому образцу, который универсален для цивилизаций (известен в Шумере и повсеместно в других цивилизациях). Этот образец организации был оптимален для интеграции цивилизованного общества, однако, поскольку с той же задачей вполне могла бы справиться и матриархальная иерархия, конкретную патриархальную форму организации цивилизованного общества нельзя объяснять только потребностями социальной регуляции. Нельзя предполагать

также и рождение патриархальной организации цивилизованного общества только на почве военных интересов этого общества. Есть основания считать, что в шумерских округах эпохи Джемдет Наср (3200–2900 до н.э.) и даже несколько раньше основы социальной структуры шумерского общества были уже достигнуты [\[95\]](#), но произошло это еще в отсутствии военизированной царской власти.

Точно датировать возникновение цивилизации трудно, поскольку в первобытном неолитическом обществе все основные черты цивилизованной жизни были

представлены. Ближе всего к цивилизации подошло неолитическое общество Чатал-Хююка, однако полной информации об этом обществе нет (в поздней фазе раскопан главным образом “квартал жрецов”). Чатал-Хююк заметно опередил и современные себе, и более поздние ближневосточные социумы неолита-халколита. Судьба Чатал-Хююка (протогород был заброшен, но не в результате военных действий) показывает, что этот социум не был рассчитан на местные экологические условия. Вероятно, непрерывный генезис ранней цивилизации начался

в долине Нила в эпоху создания Нижнеегипетского царства, признаки существования которого можно усматривать в изображении нижнеегипетской короны на сосуде амратской эпохи Нагада I.

Таким образом, период становления цивилизации надо датировать временем от появления первого протогорода (Чатал-Хююк, 9420–8440/8200–7350 ¹⁴ С) до появления признаков существования Нижнеегипетского царства (Нагада I, 6600–6400/5744300–5577300 ¹⁴ С), т.е. в пределах 8440–6400 календарных лет назад. В то же время следует учесть, что

предположительная столица Верхнеегипетского царства в Энхабе амратского периода имела еще признаки протоцивилизации, однако ее прямые связи с более поздней египетской цивилизацией не вызывают сомнений (прямоугольный дом в Энхабе относился к числу точных прообразов египетского иероглифа “дом”). По регионам эпоха становления цивилизации может иметь менее высокие даты.

Глава III

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА РАННЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ

В предшествующем изложении, упоминая о различных технологических и культурных достижениях первобытности и ранней цивилизации, мы избегали суждений об их сознательном изобретении людьми, предпочитая искать для этих достижений объективные основы материальной жизни общества. Такой подход объясняется вовсе не приверженностью к упрощенно материалистическому пониманию истории. Дело состоит совсем в другом. Сознательные изобретения технологических и культурных новшеств у современного человека

тесно связаны со структурой его психологии, которая обладает явными признаками самосознания или способности к саморефлексии (в широком, не только философском смысле слова). Самосознание основывается у человека на способности полушарий его головного мозга обмениваться понятийной информацией. Не будет чрезвычайным упрощением сказать, что человеческая способность к самосознанию базируется на практике собеседования мозговых полушарий между собой. Оба полушария способны слышать и понимать как внешнюю, так и

внутреннюю речь. Однако разговаривать умеет только левое полушарие (у правшей) [\[96\]](#). Осуществляемая таким образом внутренняя речь создает у человека субъективное впечатление присутствия в его сознании “второго Я”. Целенаправленная мозговая деятельность, необходимая для сознательных изобретений, тесно связана с человеческой способностью к внутренней речи и самосознанию. Между тем внутренняя речь — очень позднее достояние человека современного типа. Это видно из того обстоятельства, что у современного

человека при внутренней речи неслышно колеблются голосовые связки, откуда следует, что внутренняя речь представляет собой всего лишь беззвучный вариант внешней. Поскольку пережитки внешней речи при внутренней речи (самосознании, в психологическом смысле слова) у современного человека не изжиты, внутреннюю речь надо считать очень поздним образованием. Не вызывает сомнений, что древние люди современного типа еще не обладали навыками внутренней речи и самосознания, и вопрос состоит в

датировке развития самосознания у современного человека.

Предметная форма самосознания — письменность (см. далее) присутствует уже в эпоху ранней цивилизации, и поэтому начала самосознания следует датировать не позже раннецивилизированной эпохи. С другой стороны, в раннецивилизированную эпоху существовали и признаки отсутствия самосознания, а потому его появление нельзя датировать ранее цивилизованной эпохи, с которой, вероятно, и связано зарождение самосознания. Этот вывод опирается на социально—психологические

исследования Дж.Джейнса [\[97\]](#).
Объективный анализ отношения
раннецивилизованных людей (в том
числе шумеров) [\[98\]](#) к своим богам,
а точнее, к их идолам и храмам,
привел Дж.Джейнса к выводу, что в
раннецивилизованную эпоху у людей
не существовало современного
абстрактного понятия бога. Эта
абстракция, свидетельствующая о
самосознании, относится к числу
немногих, поддающихся
обнаружению по древним косвенным
материальным признакам. Шумеры,
относившиеся к своим идолам, как к
реальным богам, этой абстракции
явно были лишены. Анализируя текст

“Илиады” [\[99\]](#), Дж.Джейнс пришел к выводу, что в кульминационные моменты Троянской войны ее участники руководствовались галлюцинациями, воспринимаемыми как голоса богов, а не доводами самосознания (на наш взгляд, по тексту “Илиады” действительно получается так). Мезолитические люди (натуфийцы) относятся к представителям несамосознательного общества [\[100\]](#).

Принимая в целом концепцию Дж.Джейнса [\[101\]](#), мы должны отметить, что ее детали нуждаются в уточнении. В частности, “Илиада” в

ее законченном выражении была, строго говоря, созданием не микенских, а дорийских греков (нецивилизованных преемников микенских ахейцев в Греции). Так что несамосознательными были, вероятно, ранние дорийцы. Правда, по лингвистическим данным, гомеровский эпос восходил, возможно, к микенской эпической традиции [\[102\]](#), однако части “Илиады”, предположительно мало изменившиеся с микенской эпохи (например, упоминавшийся “Каталог кораблей”), не содержат информации по духовной жизни микенского общества. Положение Дж.Джейнса о

том, что досамосознательные люди управлялись слуховыми галлюцинациями, представляется несколько избыточным. Из текста “Илиады” видно только, что ее герои не руководствовались самосознательными мотивами современного типа, а Гомер объяснял перемену линии их поведения вмешательством богов, похожим на слуховые галлюцинации. Однако распространять такую форму управления на поведение человека в целом, по-видимому, нет оснований (в частности, самоуправляющиеся животные, очевидно, обходятся без галлюцинаций, так что нет

оснований приписывать последние человеку). Совсем

неудовлетворительной

представляется

гипотеза

Дж.Джейнса о движущих силах генезиса самосознания. Дж.Джейнс

на этот счет выступил с

неокатастрофической концепцией,

согласно которой стихийные

бедствия (вроде извержения вулкана

Санторин на о.Фера в 1470 г. до н.э.),

рассеивая традиционные общества,

заставляли их представителей—изгоев

в новой социально—культурной среде

приспосабливаться к ней путем

обретения самосознания [\[103\]](#).

Подобный наивный ход рассуждений

не выдерживает критики хотя бы потому, что в этом случае самосознание должно бы было быть таким же древним, как и стихийные бедствия или социально—культурные катастрофы. Однако подмеченные Дж.Джейнсом факты и его идея о несамосознательности доцивилизованных людей должны быть учтены.

На наш взгляд, генезис индивидуального самосознания в раннецивилизированную эпоху был связан со структурными преобразованиями первобытного общества, которое, перейдя в цивилизованную стадию, перестало

быть однородным образованием, в связи с распадом на профессиональные группы. Внутри основных профессиональных групп, связанных с сельским хозяйством, ремеслом и торговлей вполне достаточными оставались первобытные формы общественного сознания. Однако в профессиональной группе умственного труда, осуществляющей координацию деятельности других профессиональных групп, ситуация изменилась. Хозяйственная администрация шумерских храмов, храмовых и дворцовых хозяйств древнего Египта, хозяйств Элама,

дворцовых хозяйств Крита и микенской Греции и т.д. осуществляла распределительные и производственно–регулятивные функции по отношению к представителям других профессиональных групп.

Начала социальной регуляции исходили из подразделения умственного труда и в его собственном случае должны были на нем же замыкаться. Проще говоря, подразделение умственного труда, освоив методы социальной регуляции других профессиональных групп, должно было распространить эти принципы и на само себя. Таким

образом подразделение умственного труда в одно и то же время становилось и социально-регулирующим, и регулируемым образованием, а применительно к конкретной обстановке — саморегулируемым. Подразделение умственного труда было единственной общественной группой, существование которой регламентировалось методами саморегуляции. Контролируемые группы выполняли производственные и распределительные директивы, исходящие извне: от хозяйственной администрации, связанной с

сакральной, торговой, судебной и военной деятельностью. Контролирующая группа выполняла, очевидно, свои собственные директивы; иными словами, ее жизнедеятельность в определенной степени основывалась на методах самоконтроля.

Индивидуализация подразделения умственного труда в общественной структуре первоначально была, конечно, групповой. Однако ее развитие в перспективе ориентировалось на переход методов самоконтроля на индивидуальный уровень. Всякое развитие представляет собой

дифференциацию. Следовательно, развитие групповой функции самоконтроля в подразделении умственного труда должно было выразиться в ее дифференциации, т.е. в появлении в этом подразделении самоконтролирующихся индивидов, что одновременно выражало тенденцию дальнейшей дифференциации индивидуализации подразделения умственного труда в структуре общества. Но индивидуальные методы самоконтроля, становящиеся достоянием отдельных людей весьма близки по своей природе феномену

самосознания. На обыденном уровне индивидуальный самоконтроль у человека предполагает развитие у него навыков внутренней речи, самооценки, умения отличать собственные интересы от коллективных. Представляется вероятным, что навыки индивидуального самосознания возникли у деятелей умственного труда именно таким путем. Факты из истории ранней цивилизации подтверждают такое предположение, поскольку именно у подразделения умственного труда раннего цивилизованного общества возникла

предметная форма индивидуального самосознания — письмо.

Истоки ближневосточной письменности восходят к началу голоцена. С этого времени на Ближнем Востоке появляются глиняные фигурки (жетоны, фишки), которые, в конце концов, распространяются по территории от Малой Азии до Инда и от Судана до юга Средней Азии. Для этих объектов предполагалось счетное назначение [\[104\]](#). Затем Д.Шмандт-Бессера сравнила жетоны с протошумерскими иероглифами, воспроизводящими контуры жетонов. Выяснилось, что жетоны

символизировали товары (конус с ободком — кувшин масла, диск с крестом — овца, диск с крестом и чертой-радиусом в одном из секторов — овцематка, широкоугольный треугольник со штриховкой — пруток серебра, остроугольный треугольник с пунктуациями — рабыня и т.д.), а также учитывающие их числительные (веретенообразный жетон — единица, шарик — десятка и т.д.). Накануне возникновения шумерской иероглифики жетоны стали помещать в пустотелые глиняные шары — булы, на поверхности которых стали затем

оттискивать сами жетоны. Монолитные булы с оттисками жетонов превратились в прообразы древнейших глиняных табличек с протошумерскими иероглифами, воспроизводящими жетоны. Булы с жетонами служили накладными, сопровождающими партии товаров, символизируемых жетонами. Широкое распространение жетонов подсказывает существование глиняного предметного письма — своего рода неолитического эсперанто, по-видимому, понятного своим носителям независимо от их языковой принадлежности.

Жетонное предметное письмо отличалось крайней узостью своего репертуара (товары и цифры) и потому, конечно, не может рассматриваться как предметная форма самосознания. Тематика протошумерских иероглифических текстов (позднеурукский период и период Джемдет Насра, письменные памятники слоя IV В Урука появляются чуть раньше слоя IV А, датируемого 5470/476585¹⁴ С) несколько богаче, хотя по-прежнему ограничивается разными хозяйственными операциями [\[105\]](#). Шумерская клинопись, выросшая из иероглифики, датируется временем

двадцать второго (предпоследнего) царя I династии Киша Эн-Менбарагеси (ок. 2615 до н.э.; к концу того же II раннединастического периода относится архив из Шуруппака, Фара, Ирак, конца I династии Урука, 2600–2500 до н.э., в котором, наряду с хозяйственными, имеются тексты социально-политического значения) [\[106\]](#). Египетская иероглифика имеет возраст, сопоставимый с протошумерской письменностью (нулевая династия Египта, ок. 5340–5110/4650–4450 ¹⁴ С), однако генезис египетской письменности известен хуже, чем шумерской. От нулевой

династии Египта дошли надписи

хозяйственного и военно-политического содержания [\[107\]](#).

Шумерская, а затем аккадская клинопись, также как египетская иероглифика, были системами письма, способными в полном объеме выражать современные им языковые явления. Правда, формальные особенности этих письменностей делали передачу языка, по современным представлениям, несовершенной, но это обстоятельство не имело отношения к тематике передаваемых сообщений. Между тем содержание шумерских и раннеегипетских памятников оставалось

хозяйственным, культовым или военно-политическим, что ясно указывает социальный источник происхождения ранней письменности: это была профессиональная группа умственного труда. О том же свидетельствует не только авторство ранних текстов, созданных писцами, представляющими группу умственного труда, но и содержание этих текстов, отражающих интересы этой группы.

Возникновение самосознания знаменовало собой первый этап дифференциации подразделения умственного труда, поскольку

самосознание, являясь достоянием отдельных индивидов, показывало распад единого общественного сознания группы умственного труда. Между тем, как отмечалось выше (см. гл. II, 2), цивилизация являлась социально—интегративным феноменом и на все проявления общественной дифференциации, — будь то материальная или духовная дифференциация, — реагировала порождением интеграционных предметных или идеальных форм, способных нейтрализовать последствия общественной дифференциации, угрожающей целостности социума. Можно было

бы ожидать, что цивилизация
выработает предметную форму и для
самосознания,
отдифференцировавшегося от
единого общественного сознания и
стремящегося к дальнейшей еще
большей дифференциации на
подгрупповом (наука, история,
литература и пр.) и индивидуальном
уровне.

Поскольку самосознание связано с
навыками внутренней речи,
владеющий ею человек впервые в
истории стал обладателем формы
сознания, способной
функционировать вне
непосредственных контактов

индивидов. Все типы вторичных общественных структур и связанных с ними вариантов общественного сознания (анализированных в гл. I,3) рассчитаны на непосредственные контакты индивидов: жестовая и звуковая речь — на слушателей, ритуал — на соучастников и т.д. Можно думать, что до появления индивидуального самосознания ни форм вторичных структур, ни форм общественного сознания индивидуального назначения не существовало. С возникновением индивидуального самосознания такая форма появилась. Самосознание человека может

функционировать как при его контакте с другими индивидами, так и вне этих контактов. В интересах сохранения целостности своего подразделения умственного труда социум должен был найти возможность сделать второй вариант функционирования индивидуального сознания достоянием всех членов подразделения умственного труда. Для этого индивидуальному сознанию требовалась предметная форма, способная стать посредником обмена проявлениями индивидуального самосознания у людей. На наш взгляд, в интересах обмена проявлениями самосознания

была использована протошумерская предметная письменность, которая в цивилизованную эпоху прошла стремительную эволюцию в клинописное письмо. Обычно считается, что письменные регистрации являлись записями для памяти. Но записи для памяти нужны лишь той форме сознания, которая способна функционировать вне непосредственных контактов индивидов. С социально-философской точки зрения, эти записи для памяти были важны не только по прямому назначению (хозяйственный учет и т.д.), но и для того, чтобы сделать проявления

индивидуального самосознания
общественным достоянием, т.е.
социальноинтегрировать носителя
индивидуального самосознания.

Таким образом, письменность можно
рассматривать как предметную
форму индивидуального
самосознания, призванную сделать
его проявления достоянием других
членов социума и тем самым
обеспечить интеграцию
интеллектуальной деятельности
носителей индивидуального
самосознания в рамках
соответствующего подразделения
вторичной идеологической
структуры общества. Как можно

думать, формы проявления индивидуального самосознания были специфичны для подразделения умственного труда и существовали в окружении традиционных форм общественного сознания, унаследованных цивилизацией от предшествующих эпох. Эту культурную преемственность нельзя объяснять только инертностью идеологических представлений общества, поскольку она сама нуждается в объяснении.

Цивилизованное общество разделенного труда отличалось от предшествующего общественного состояния важными признаками

количественного и качественного характера. Прежде всего, общество разделенного труда располагало формами общественного производства, более эффективными, чем те, что были присущи первобытному обществу. О том свидетельствует сам факт появления институционализированных отраслей несельскохозяйственного производства, представленных различными формами ремесла, зодчества, горного дела и т.д., а также функционирование профессиональных групп, занятых в основном распределением произведенных материальных благ,

— купцов и управленческой администрации. Надо сказать, что четкой грани между подразделениями труда поначалу не существовало, поскольку, например, в Шумере ремесленники получали за работу, помимо натуральных выдач, также и земельные наделы [\[108\]](#), которые, впрочем, необязательно обрабатывали сами. Это обстоятельство объяснялось слабой развитостью товарно—денежных отношений. Однако значительное количество шумерских несельскохозяйственных профессий показывает, что достигнутый уровень сельскохозяйственного производства

способен был обеспечивать существование определенных групп лиц, постоянно не связанных с сельским хозяйством. Для общества в целом это означало наличие значительного количества времени, свободного от добычи средств к существованию. Социум распорядился этим временем двояко. Во-первых, часть людей была изъята из сельскохозяйственного производства, что повысило в нем занятость; освобожденные от постоянных сельхозработ лица нашли применение в сфере ремесла и прочих несельскохозяйственных занятий: в общем, сложилась

типичная картина общества разделенного труда. Во-вторых, цивилизованный социум занимал остающееся свободным время своих членов различными коллективными мероприятиями из области вторичных общественных структур. В этом отношении цивилизованное общество продолжало практику первобытного общества, в котором свободное время в интересах его социализации заполнялось различными формами общения непроизводственного характера. В цивилизованном обществе этого времени в принципе могло быть

больше, в связи с чем требовались более емкие вторичные структуры.

Кроме того, цивилизованное общество не было однородным, а потому его вторичные структуры должны были, помимо социализации свободного времени, способствовать консолидации профессиональных групп, что могло вызвать к жизни некоторые элементы вторичных общественных структур, неизвестных в первобытности. Однако во всех случаях для социума были предпочтительнее вторичные структуры традиционного характера. Проще сказать, вторичные структуры цивилизованного общества должны

были быть частью культурного генеалогического древа, уходящего корнями в первобытность. Попробуем объяснить необходимость этого обстоятельства.

Представим себе, что дифференциация первичных структур общества, основанная на специализации технологий, разделении труда и т.д., будет сопровождаться дифференциацией и вторичных общественных структур, что выглядит в общем—то логично. Но в этом случае специализированные вторичные структуры, очевидно, начнут утрачивать способность

осуществлять общесоциальную интеграцию, поскольку области их приложения станут более частными, специализированными. Этот ход событий не отвечал социально-интегративным потребностям социума. Следовательно, для вторичных общественных структур оптимальным было сохранение по возможности своего прошлого менее дифференцированного состояния, отвечающего задачам общесоциальной интеграции. Таким образом инертность вторичных общественных структур, их связь со своим прошлым недифференцированным состоянием

получает социально–философское объяснение.

Как нам известно из примеров с культово–астрономическими центрами мегалитического общества, с храмовыми центрами убейдского Шумера, вторичные структуры имели тенденцию к централизации в подобных центрах, а не к дифференциации сообразно потребностям локальных общин. Можно было бы ожидать, что в цивилизованном обществе разделенного труда социум будет сохранять вторичные общественные структуры древнего происхождения, рассчитанные на менее

дифференцированное состояние общества, а потому способные успешно осуществлять общесоциальную интеграцию более дифференцированного общества, в данном случае — общества разделенного труда. Этот случай близко связан с природой сохранения социальной связи в истории (см. гл. III, 2).

При наследовании цивилизацией вторичных общественных структур первобытности наблюдались два основных принципа этого наследия. Во-первых, цивилизованное общество, располагая относительно высокой производительностью труда

и сообразным ему свободным
временем, подлежащим
социализации, способно было
ассимилировать весь арсенал
вторичных общественных структур,
который был присущ первобытности.
Во всяком случае, нам неизвестно
таких форм общественного сознания
первобытности, которые бы не были
унаследованы ранним
цивилизованным обществом в
полной мере или в виде пережитков.
Диахронические и синхронические
общечеловеческие черты
цивилизации находят объяснение
именно здесь. Во-вторых,
цивилизованное общество,

унаследовав от первобытности
вторичные структуры, было
заинтересованно в сохранении ими
архаичного недифференцированного
состояния, рассчитанного на
соответствующее менее
дифференцированное состояние
общества, а потому оптимально
пригодного для социальной
интеграции общества разделенного
труда. Существенно, что появление
новых форм общественного
сознания, происходящих от древних
архетипов, не сопровождалось
вытеснением новыми формами
родственных древних архетипов.
Напротив, они продолжали

совместное параллельное
сосуществование, умножая тем
самым объем вторичных
общественных структур, в чем была
заинтересована цивилизация.

Социально-интегративная матрица
цивилизации должна была
охватывать любые проявления
общественного и индивидуального
самосознания. Цивилизация без
особых усилий унаследовала от
первобытности древние формы
общественного сознания,
взаимоинтегрированные еще в
незапамятные времена: язык, ритуал,
календарь, мифология,
нравственность, пережитки

тотемизма и магии, погребальный культ, художественное творчество, пережитки фетишизма и анимизма (нашедшие новую жизнь в цивилизованную эпоху в рамках религии), музыкальное и танцевальное творчество (см. гл. I, 3). В эпоху цивилизации к этим формам проявления вторичных общественных структур добавились некоторые новации, отмеченные печатью социально—интегративных потребностей цивилизации.

Изобразительное искусство было по происхождению сакральным (во всяком случае мифологическим), и появление светского искусства в

раннецивилизированное время представляло собой своего рода дубликацию (удвоение) архетипа изобразительного искусства в виде религиозного и светского. Сходная дубликация привела к отпочкованию драматического искусства от архетипов религиозных мистерий и т.д. Нравственные формы поведения, регламентируя взаимосогласованные и предсказуемые поступки членов общества, способствовали его интеграции. В первобытном социуме нравственные нормы были одинаковы для всех его представителей, что отвечало структурной однородности

первобытного общества. В эпоху разделения труда положение, интересы и имущественные возможности представителей различных профессиональных групп стали различаться, что не учитывалось системой общеупотребительных нравственных норм, которые, как известно из истории классового общества, испытали даже дивергенцию внутри различных социальных классов. В таких условиях нравственные формы регуляции человеческих отношений становились недостаточны для успешной интеграции общества в целом. В этой связи нравственные

нормы, понимаемые лишь как способ взаимного согласования поведения индивидов, испытали своего рода дубликацию, породив очень близкие себе по задачам правовые нормы поведения, которые имеют большое сходство с запретительной (но также и с рекомендательной) составляющей нравственных нормативов. Правовые нормы поведения не апеллируют к общеупотребительной морали и представляют собой стереотипы общественных реакций на поведение индивидов, отклоняющееся от общепринятых норм (обычное право) и норм, зафиксированных в

кодифицированных законах (законодательное право). Правовые нормы, конечно, не являются эквивалентом нравственных норм, однако социально–регулятивные задачи тех и других идентичны. С социально-философской точки зрения, нравственные и правовые нормы преследуют цели обеспечить целостность социума, выражающуюся в однотипности и предсказуемости поведения его членов. Поэтому в рамках вторичной общественной структуры правовые нормы должны рассматриваться как генетически связанные с нравственными нормами.

Цивилизованный социум, заинтересованный в умножении разновидностей своих вторичных структур, никогда не отменял их варианты, ставшие почему-либо недостаточными. Напротив, из старого варианта выводился более современный новый, который затем продолжал существовать наряду со старым. По-видимому, с начала ранней цивилизации параллельно с нравственностью существовало обычное право, которое затем в актуализированной форме было кодифицировано. Наиболее ранние образцы законодательного права происходят из Шумера. Имеются

изложения модернизированных законов Энметены (2360–2340 до н.э.) и Уруинимгины (2318–2312 до н.э.; пятый и девятый цари I династии Лагаша), а также своды законов Ур–Намму (2112–2094/93 до н.э.) и Шульгира (2093–2046 до н.э.; первый и второй цари III династии Ура), которые являются древнейшими памятниками писаного права [\[109\]](#). Судебник Ур–Намму в отдельных положениях выходит за рамки обычных шумерских норм, что может сигнализировать о проявлении признаков правового самосознания.

Своеобразным ответвлением того же стереотипа поведения в эпоху ранней

цивилизации явились проявления политической активности. Если мораль и право регламентировали взаимоотношения индивидов, то стереотипные проявления политической активности в известной мере регламентировали взаимоотношения целых социальных образований — государств. Применительно к ранней цивилизации речь не может еще идти об институционализированной дипломатии и, тем более, о нормах международного права. Однако то и другое имело древние предпосылки в отношениях государств, сложившихся еще в эпоху раннединастического

Шумера. Начиная с I династии Киша (ок. 2750–2615 до н.э.) в Шумере сложилась система последовательного доминирования отдельных городов–государств (округ Киша, Урука и т.д.), хотя общешумерская царская титулатура появляется лишь при II династии Урука и Ура (“лугаль Страны, эн Шумера”, 2425–2336 до н.э.). Эта система складывалась стихийно, но поведение шумерских округ в ее рамках выглядит достаточно стереотипно. Крупномасштабная политическая история древнего Египта и, вероятно, Шумера подчинялась определенной

политической закономерности. Отсюда следует, что навыки своей политики египтяне и шумеры не изобрели: основные направления их политической активности были подсказаны им естественно-историческим течением событий. Шумеры отражали свою политическую историю, о чем свидетельствует надпись “Конуса Энметены” (2360–2340 до н.э.), рассказывающая о взаимоотношениях между городами Лагаш и Умма в период ок. 2400–2360 до н.э., а также “Царский список”, составленный при Ур-Намму (2112–2094/93 до н.э.) и

вкратце освещающий основные
военно–политические события
периода 2900–2112 до н.э.
(впоследствии список был
продолжен). В связи с событиями
политической истории у шумеров
обнаружились редкие признаки
национального самосознания,
направленного против
господствовавшего в стране племени
кутиев (ок. 2200–2109 до н.э.), о чем
свидетельствует надпись–поэма
Утухенгаля (2116/2111–2109/2104 до
н.э., V династия Урука) [\[110\]](#).
Выступление шумеров против кутиев
было приурочено к смене у них
правителей, что говорит о

способности вести политический расчет, а прием эламских послов — о каких-то началах дипломатии. Социальное значение политической активности было двояким: с одной стороны, всякая внешняя активность консолидировала социум, явившийся ее источником, а с другой — внешняя активность социума была проявлением его общественно-интегративных свойств, направленных на консолидацию вокруг него окружающей социальной среды. Последнее обстоятельство отразилось в политической идеологии Месопотамии в “имперском” понятии “Царства

четырёх стран света” (Нарам–Суэн, 2236–2200 до н.э., четвертый царь династии Аккаде).

Как можно видеть, основные типы вторичных общественных структур и соответствующих им форм общественного сознания ранней цивилизации, строго говоря, не были изобретениями цивилизации. Они явились прямыми продолжениями вторичных общественных структур, присущих первобытному обществу. При этом надо учитывать следующее обстоятельство. Первобытные архетипы вторичных общественных структур и соответствующих им форм сознания в эпоху ранней

цивилизации были дублированы (удвоены). Древний вариант архетипа продолжал существование, сохраняя тесную преемственность со своим первобытным состоянием. Новое ответвление архетипа сохраняло с ним лишь общетипологическую связь и обретало в цивилизованных условиях конкретные новые свойства. Так образовалась целая серия парных линий родственных вторичных общественных структур, к которым из числа перечисленных можно отнести следующие: общественное сознание в целом и индивидуальное самосознание, обычный звуковой язык и

дублирующий его письменный язык, сакральное изобразительное искусство и параллельный ему светский вариант, мистерии религиозного культа и светский театр, нравственные нормы поведения и нормы поведения правового и, может быть, политического свойства. В дальнейших разделах будут рассмотрены исторические и научные формы сознания, которые могут пополнить этот список.

Цивилизация использовала первобытные архетипы вторичных общественных структур, образовывала от них новые и

сохраняла старые наряду с новыми, конечно, не случайно. Такое применение вторичных общественных структур обеспечивало их значительный объем, который отвечал объему свободного времени, имеющегося у людей высокопроизводительного общества разделенного труда. Кроме того, все вторичные структуры цивилизованного общества уходят генеалогическими корнями в первобытность, и это тоже не случайно. Первобытные вторичные структуры социализировали общество неразделенного труда и являлись общеупотребительными. Их

древние общепринятые свойства еще больше подходили для общества разделенного труда, нуждающегося как раз в общеупотребительных формах общественного сознания и соответствующих вторичных структурах. Поэтому отпрыски их первобытных архетипов, наряду с ними самими, нашли широчайшее применение в цивилизованном обществе разделенного труда. Этот принцип применения социумом древних социальных связей для самоинтеграции в новых условиях означает, что социум имел тенденцию использовать свое старое

менее дифференцированное состояние для интеграции своего нового более дифференцированного состояния. Природу образующихся таким образом социальных связей в истории мы рассмотрим в следующем разделе.

2. ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Проблема социальных связей в истории, близкая проблематике философии истории, имеет две области приложения. С одной стороны, социальная преемственность имела место в сфере материальной жизни

общества, а с другой стороны, аналогичная социальная преемственность наблюдалась и в сфере духовной жизни общества. На наш взгляд, оба варианта сохранения социальной связи в истории имели идентичную природу, характер которой можно усмотреть в стремлении социума использовать основы своей жизнедеятельности, заложенные на стадии его относительно меньшей дифференциации, для интеграции своего более дифференцированного состояния.

Наиболее важные этапы исторического развития общества

были связаны с его дифференциацией. Согласно нашей гипотезе, изложенной в гл. I, 2, между демографическим состоянием общества и степенью сложности практикуемой им технологии существует определенное соответствие. В истории известно два относительно кратковременных периода значительного изменения демографического состояния общества. На рубеже плейстоцена и голоцена (11700/10200 ¹⁴ С) на Ближнем Востоке имел место первый значительный демографический взрыв, который закономерно (по нашей гипотезе)

вызвал неолитическую технологическую революцию, сопровождавшуюся общественным разделением труда. Другой значительный демографический взрыв начался в Западной Европе около XI — середины XVI в. нашей эры. Это демографическое событие закономерно вызвало промышленную технологическую революцию и появление массового производства.

В исторические периоды, предшествовавшие этим демографо—технологическим событиям, состояние дифференциации общества менялось относительно

мало. На самом деле, конечно, детальный анализ показывает, что дифференциация общества постепенно по ряду признаков нарастала и в промежуточные периоды (см. гл. I–II), однако революционные изменения общественной дифференциации действительно имели место только дважды в истории.

До плейстоцен–голоценового демографического взрыва производительные силы первобытного общества отвечали состоянию неразделенного труда, который оставался общественно неспециализированным, несмотря на

определенные изменения
технологии, следовавшие за
постепенным демографическим
ростом социума. Общественные
отношения первобытности
основывались на однородной
социальной структуре, локальная
специфика которой определялась
характером кровно—родственных
отношений: в первобытности они,
по—видимому, подчинялись закону
Дж.Крука (см. гл. I, 2). Вторичная
структура первобытного общества
предполагала существование только
общественных форм сознания (язык
внешней речи, анималистическая
мифология, нравственность,

разновидности первобытных
верований, сакральное
изобразительное искусство).

В ходе голоценового
демографического взрыва
производительные силы испытали
дифференциацию по
подразделениям труда. В сфере
общественных отношений также
произошла дифференциация,
вызвавшая отделение
производственных отношений от
кровно—родственных. В
цивилизованных условиях кровно—
родственные отношения перестали
подчиняться закону Дж.Крука и
ограничились патрилинейным

вариантом, который именно по этой причине Л.Г.Морган считает финальным, хотя в действительности патрилинейность как вариант кровно—родственных отношений в подходящей экосреде существовала у человека со времен обезьяньих предков. Производственные отношения перестали отвечать однородной общественной структуре и стали классовыми. Вторичная структура цивилизованного общества отмечена серией дифференциаций первобытных архетипов, к которым добавились такие формы, как индивидуальное самосознание, внутренняя речь и письменный язык,

антропоморфная мифология, этикет, право, политика, светское изобразительное искусство, театр, наука (см. гл. III, 3).

Это состояние общества просуществовало до начала современного демографического взрыва: производительные силы, малопригодные для массового производства; типологически близкие производственные отношения рабовладения и феодализма; вторичные общественные структуры, основные формы которых были заложены уже в античности. В ходе современного демографического взрыва появились

технологии, рассчитанные на массовое производство и разделение труда на уровне технологических операций, изменилась классовая структура общества (стал типичен массовый наемный труд); в области вторичных общественных структур возникли элементы массовой культуры (книгопечатание, газеты и многое другое), неизвестные ранее. Массовое производство, массовый наемный труд и массовая культура хорошо отвечают современной демографической обстановке.

Если рассматривать общество в указанной долгопериодичной исторической перспективе, то оно

представится как довольно консервативное образование. В самом деле, исходя из здравого смысла и из гипотезы (несостоятельной), что технологические, общественные и духовные новшества обязаны происхождением удачному изобретению себя человеком, окажется совершенно непонятным, почему пики этих изобретений приходились на демографические взрывы, а в промежутках между ними в значительной степени сохранялось достигнутое положение вещей. Этот парадокс объясняется тем обстоятельством, что успешное

самосохранение социума
обеспечивалось его способностью к
консервации своего состояния,
обеспечиваемой существованием во
времени социальных связей людей.

Консолидация самого раннего
первобытного социума
обеспечивалась соответствием его
демографического состояния и
степени сложности его технологии.
Эта архаическая социально—
интегративная зависимость была
затем пронесена социумом через всю
его историю, несмотря на растущую
в обществе дифференциацию,
углубление которой особенно ярко
проявилось во время голоценового и

современного демографических
взрывов. Указанная демографо-
технологическая зависимость была
рождена в совершенно
недифференцированном обществе.
Следовательно, эта зависимость
действует на всякий подчиняющийся
ей социум так, словно он лишен
внутренней дифференциации, и тем
самым интегрирует его независимо
от существующей технологической
специализации. В этом случае
социуму удастся использовать свое
древнее недифференцированное
состояние (демографо-
технологическую зависимость,
рожденную древнейшим

недифференцированным обществом) для интеграции всякого нового своего более дифференцированного состояния (действие демографо-технологической зависимости в технологически специализированном обществе). Эта основанная на приемственности демографо-технологической зависимости социальная связь непрерывно длится уже около 2,6 млн. лет (2,630,5/2,580,23).

Зависимость, позволяющая более крупному коллективу располагать более эффективной технологией, очевидно, предполагала равновесие социума с естественной экосредой

как предметом труда. Если же сообщество находится в равновесии с экосредой, в нем действует закон Дж.Крука, предписывающий сообществу определенный вариант кровно-родственных отношений, предусмотренный уровнем биопродуктивности наличной экосреды. Следовательно, весь первобытный период действия демографо-технологической зависимости общество использовало для своей интеграции варианты кровно-родственных отношений, учитываемых законом Дж.Крука. В данном случае общество использовало для своей интеграции

структуру сообщества, не
меняющуюся во времени. В
цивилизованных обществах из всех
вариантов реализации закона
Дж.Крука получил распространение
иерархически патрилинейный
вариант, который определил формы
организации кровно-родственных
отношений и отношений
подразделений труда. Здесь социум
использовал для интеграции своего
нового более дифференцированного
состояния общественную структуру,
рожденную его прежним
недифференцированным
состоянием.

В цивилизованную эпоху структура общества разделенного труда была опредмечена в форме поселения городского типа. Это новое средство социальной интеграции оказалось исключительно устойчивым и пережило все общественные дифференциации, испытанные цивилизацией. В известном смысле можно сказать, что современное весьма дифференцированное городское население интегрируется предметной структурой, возникшей еще в бронзовом веке и рассчитанной на гораздо менее дифференцированное общество, нежели современное. Этот пример

показывает еще один факт использования социумом своего менее дифференцированного состояния (древнее городское общество) для консолидации современного состояния, много более дифференцированного.

Начиная с первобытной эпохи социум социализировал свободное время своих членов при помощи непроеизводственных форм общения, образующих вторичную структуру общества. История вторичной общественной структуры представляет собой сложную проблему (см. гл. I, 3), однако некоторые ее элементы датируются

достаточно надежно. В частности, анималистическая франко-кантабрийская мифология существовала неизменной на протяжении всего верхнего палеолита и, возможно, восходила к мустьерским и даже верхнеашельским временам. Возраст счетно-календарной знаковой системы составлял не менее 350000–300000 лет и, вероятно, достигал 730000 лет. Другие элементы вторичной общественной структуры (ритуал, нравственность), по косвенным признакам, имели сопоставимую древность. Поэтому складывается впечатление, что

социум очень давно использовал для своей интеграции человеческие отношения, предполагающие существование общественного сознания. Цивилизованное общество не только унаследовало первобытные вторичные структуры, но и значительно расширило их состав. Использование цивилизованным обществом вторичных структур первобытного происхождения показывает важный пример применения социумом формы своей малодифференцированной организации (первобытные вторичные структуры) для интеграции своего гораздо более

дифференцированного состояния,
свойственного цивилизованному
обществу разделенного труда.

Последний случай позволяет по-
новому взглянуть на общественную
природу той социальной связи в
истории, которая представлена в
сфере исторического самосознания
цивилизованного человека и
выражена в письменных памятниках
исторического содержания. Эта
проблема представляется довольно
сложной, поскольку назначение
наблюдений, издавна
осуществляемых цивилизованными
людьми над своей историей,

остается загадочным, а его понимание — интуитивным.

Первые памятники исторического содержания появляются во время нулевой династии Египта (3390–3160 до н.э.), однако они еще лишены датировок. От фараона Хора Ухи (Скорпиона) [\[111\]](#) дошла “палетка городов”, из пиктографии которой следует, что этот фараон разрушил в Ливии семь городов–крепостей с указанием их названий. По-видимому, это — древнейшее в истории сообщение военно-политического свойства. Палетка Хора Нара (Сома) Мера сообщает о поражении, нанесенном этим

фараоном Нижнему Египту (вероятно, восставшему), а булава того же царя — о захвате (вероятно, в Нижнем Египте) 400000 быков, 1422000 голов мелкого скота и 120000 пленников. В период I династии Египта (3160–2930 до н.э.), начиная с Хора Ахи (Бойца) Мины (3160–3098 до н.э.), появляются памятники, датированные погодно. Древнейшая египетская летопись была составлена во время V династии (2563–2423 до н.э.), возможно, при ее третьем царе Нефериркаре Какаи (Наф–ар–ку–Риа Кукуйа), и дошла в копии XXV династии (715–664 до н.э.),

называемой Палермский камень (с этим памятником связан и ряд фрагментов). Летоисчисление при первых династиях велось по знаменательным событиям каждого года, а наименования годов заносились в особые списки, где под записями каждого года указывался уровень разлива Нила. Такая летопись составила содержание Палермского камня и была дополнена еще указаниями фараонов, предшествующих I династии (нулевая династия, нижнеегипетская и, предположительно, верхнеегипетская династии) [\[112\]](#).

Концепция памятника (если она была) состоит в демонстрации непрерывности царской власти в Египте.

В Шумере своеобразная летопись, именуемая “Царский список”, была составлена при Ур–Намму (2112–2094/93 до н.э., основатель III династии Ура) и доведена до династии Иссина (2017–1794 до н.э.). Этот памятник основывался на ряде царских списков местного значения, на датировочных формулах, аналогичных египетским (с 2500 до н.э. или раньше), на эпическом и литературном материале. “Царский список” излагает краткую историю

того, как “царственность” (связанная отчасти с гегемонией конкретной округи в Шумере) переходила из города в город, пока не попала к Ур-Намму. Цели подобного изложения привели к тому, что некоторые отчасти синхронные династии оказались размещенными в “Царском списке” в диахроническом порядке [\[113\]](#). Иными словами, шумерский “Царский список” представляет определенную концепцию истории общешумерской царской власти, а не истории отдельных округ Шумера, представленных в “Царском списке”. Стремление показать непрерывность общешумерской царской власти,

которая в раннединастический период возникала лишь спорадически и в известной мере, привело составителя “Списка” к искажению истории. Это показывает, что “Царский список” не является механической комбинацией сведений, имевшихся в распоряжении автора, но отражал определенную форму исторического самосознания.

Шумерский “Царский список” отчасти напоминают древнеегипетские памятники: Туринский царский список (XVIII династия, 1554–1306 до н.э., по хронологии Ю.фон Беккерата),

Абидосский царский список (при втором царе XIX династии Сети I, или Сутайа, 1305–1295 до н.э.) и Саккарский царский список (Рамсес II, Риа–масэ–са, 1295–1229 до н.э.), концепция построения которых аналогична летописи Палермского камня. Более поздние месопотамские источники (“Хроника ранних царей”, Агум III, между 1450 и 1415 до н.э.; “Династическая хроника”, Эриб–Мардук, ок. 770 до н.э.; и др.) продолжают традицию шумерского “Царского списка”.

Ранние исторические памятники (Палермский камень, некоторые

источники шумерского “Царского списка”) составлялись в качестве сводов погодных записей, привязанных к правлениям царей. Такой генезис первой историографии близко напоминает практику составления древних хозяйственных документов. Шумерские хозяйственные записи раннединастической эпохи датировались [\[114\]](#), причем эта практика восходила еще к документам протошумерской иероглифики эпохи Джемдет Наср (3200–2900 до н.э.) [\[115\]](#). Из практики хозяйственного делопроизводства Пилосского

царства (ок. 1200 до н.э.) известно, что отдельные хозяйственные записи сводили в более обширные регистрационные тексты (что показано на примере родства некоторых серий мелких и крупных табличек линейного письма В) [\[116\]](#). Подобная практика, вероятно, была типична для древнего делопроизводства и, учитывая его древность, могла послужить прямым образцом для составления списков погодных записей.

Складывается следующая картина генезиса древней историографии. Первые писцы позднеурукской эпохи (3520/281585 ¹⁴ С до н.э.) и эпохи

нулевой династии (3390–3160 до н.э.), по-видимому, еще не обладали индивидуальным самосознанием. Они вели хозяйственные записи и, может быть, сводили их в обобщенные регистрации. С появлением датированных текстов исторического содержания (I династия Египта, 3160–2930 до н.э.) практика сведения отдельных хозяйственных записей воедино была перенесена и на исторические регистрации, накопление которых совершенно стихийно привело к возникновению прототипа летописи. Хотелось бы подчеркнуть, что возникновение древнейшей

историографии в этом случае возможно объяснить без привлечения гипотезы о сознательном изобретении письменной истории, поскольку время ее зарождения отвечает всего лишь самым первым проявлениям индивидуального самосознания вообще.

В самом деле, логичнее считать, что поначалу возникла предметная форма, способная стать содержанием исторического самосознания, т.е. ранняя историография, а затем работа с этой предметной формой позволила представителям подразделения умственного труда открыть в ней воплощение

социальной связи в истории. Прямым доказательством этой нашей гипотезе служит характер периодизации египтянами своей истории. В распоряжении создателей Палермских анналов были недатированные списки додинастических верхнеегипетских (предположительно), нижнеегипетских правителей и общеегипетских фараонов нулевой династии, а также датированные списки правителей I–IV династий. Критически мыслящий самосознательный историк современного типа, очевидно, начал бы историю единого Египта с

нулевой династии, представители которой, по Палермскому камню, уже владели обоими венцами двух египетских царств, хотя и не были датированы. Однако египетские историографы пошли совсем иным путем. За основателя общеегипетского государства был признан первый датированный фараон списков, послуживших основой для Палермской летописи, — Хор Аха Мина, который выступил основателем I династии манефоновской традиции [\[117\]](#). Следовательно, историческая концепция древнейших египетских историографов явилась

механическим отражением стихийно сложившихся до них царских списков, а не результатом критических самосознательных усилий по осмыслению своей истории. Отсюда следует единственный возможный вывод: сперва появилась стихийно сложившаяся писаная история, а затем историческое самосознание, которое, слепо интериоризировав стихийно сложившийся исторический материал, в дальнейшем исходило из него как из данности. Содержание исторического самосознания появилось, таким образом, ранее

него (в писаной истории), а затем стало отправной точкой генезиса исторической самосознательной способности человека. Как можно видеть, обстоятельства ранней египетской историографии хорошо согласуются с концепцией Дж.Джейнса о позднем генезисе человеческого самосознания.

В шумерской историографии исходными были памятники, в принципе близкие египетским: списки правителей, датировочные формулы, эпический материал. “Царский список” состоит из последовательности местных династий: легендарных

“допотопных” и в основном исторических из городов Киш, Урук, Ур, Акшак, Умма, Аккаде и др., дополненных династией кутиев. Заканчивался “Список” поначалу III династией Ура, возглавлявшей государство Шумера и Аккада (общемесопотамская монархия). Став основой исторического сознания шумерских историографов, этот материал внушил им определенную историческую концепцию, существо которой состояло в том, что династии “Царского списка” были последовательны и обладали сходным государственным статусом.

Конкретнее, эта концепция привела к представлению, что общешумерская царственность, аналогичная статусу III династии Ура, последовательно переходила из города в город, от одной династии к другой. Как и в египетском случае, выросшее из содержания механически скомпонованного “Царского списка” историческое сознание, точно отражая “Список”, неточно отразило историческую реальность. Причем составителям “Царского списка”, наверное, был известен синхронизм двадцать третьего царя I династии Киша (Аги) и пятого царя I династии Урука (Гильгамеша), вытекающий из

эпоса. Синхронизм означал, что названные династии не могли быть одинаково последовательными и общешумерскими. Отсюда следует, что создатели “Царского списка” не обладали критическим историческим самосознанием и слепо интериоризировали в качестве его основы подготовительный материал для “Царского списка”. В этом случае можно видеть параллель генезису исторического самосознания в Египте: наличное состояние писаной истории формировало начало ее осознания. Сказанное касается фактологической стороны проблемы. Кроме нее, с

ранней историографией связана своя социально—философская проблематика.

Стержнем ранних исторических памятников, как правило, выступал перечень правителей. Независимо от своего конкретного происхождения подобный перечень представлял собой зримое воплощение социальной связи, которая через вереницу посредников объединяла самых ранних правителей с позднейшими своими наследниками. Конечными пунктами названных памятников были династии крупных единых государств (общеегипетское государство, царство Шумера и

Аккада III династии Ура), однако истоки царственности этих династий восходят к правителям более скромных государственных образований: в Египте это — нижнеегипетское и, вероятно, верхнеегипетское царства, а в Шумере — царства отдельных округ.

В ранних исторических памятниках речь идет, таким образом, о том, что средства социальной интеграции, применявшиеся в малодифференцированном обществе (например, нижнеегипетском царстве или округе Киша), являются важнейшим наследием и достоянием, которые более

дифференцированное общество (общеегипетское государство и царство Шумера и Аккада) сохранило для своей собственной интеграции. Подобная фактическая концепция раннеисторических памятников отвечает нашим представлениям о природе наследования социальной связи в истории.

Среди сочинений, посвященных человеческой истории, можно выделить два основных методологических типа. С одной стороны, начиная с эпохи ранней цивилизации возникают и получают распространение исторические

сочинения преимущественно описательной направленности. Объяснительная составляющая таких трудов никогда не выявляет собственно исторических закономерностей и ограничивается (там, где она есть) исключительно феноменологическим уровнем: сакральное происхождение царской власти (начиная с шумерского “Царского списка”), личность как двигатель исторических событий (мотив появляется в Египте, широко представлен у Геродота и др.).

Другая группа сочинений исторической направленности, напротив, посвящена главным

образом объяснению природы исторического процесса и отличается целенаправленным поиском исторических закономерностей. Речь идет о сочинениях философско-исторической традиции, среди создателей которой можно назвать Н.Макиавелли (1469–1527), Ж.Бодена (1530–1596), Ф.Бэкона (1561–1626), Дж.Вико (1668–1744), Ж.А.Кондорсэ (1743–1794), И.Г.Гердера (1744–1803), Г.В.Ф.Гегеля (1770–1831) и др.

Последовательное появление этих двух стадий развития исторической мысли не представляется случайным

при сравнении социально-исторических обстоятельств их возникновения. В эпоху раннецивилизованных государств социум поэтапно испытывал нарастание своей социальной дифференциации. В Египте исторический процесс сопровождался очевидным нарастанием социальной дифференциации следовавших друг за другом государственных образований. Он начался с создания двух царств — верхнеегипетского и нижнеегипетского, которые объединяли локальные социумы основного течения Нила и его

дельты. Это были образования определенной степени социальной сложности, которая, однако, уступала степени сложности грядущего общегипетского государства. Последнее, объединив Верховье и Низовье, стало гораздо более дифференцированным социальным организмом, состоящим из хозяйственно обособленных социумов Верховья и Низовья, специфика которых получила многочисленные отражения в структуре древнеегипетского общества и его идеологии.

В Шумере наблюдалась довольно близкая картина. В

раннединастический период (2900/2750–2315 до н.э.) страна была разделена на округа, в каждой из которых имелись свои институты управления. Ранняя царская власть в Шумере отвечала социальным образованиям слабой степени дифференцированности. Начиная с династии Аккаде (2316–2137 до н.э., на определенном этапе — Царство четырех стран света) и III династии Ура (2112–2003 до н.э., царство Шумера и Аккада) появляются образцы единого месопотамского государства, несравнимо более дифференцированного по сравнению

с раннединастическими шумерскими округами.

Общество на каждом новом этапе своей дифференциации, внешне проявляющейся в новых способах его интеграции (два египетских царства — общеегипетское государство, государства округ Шумера — царства четырех стран света и Шумера и Аккада, например), переставало быть тождественным самому себе, с точки зрения внутренней структуры. В этих условиях члены общества (главным образом, представители подразделения умственного труда) вставали перед проблемой: что представляет собой их социум,

является ли он органичным продолжением своего менее дифференцированного и, значит, более социализированного состояния, или он представляет некий новый общественный организм, адекватность которого человеческому существу зримо отличается от состояния предшествующей эпохи. Судя по характеру ранних исторических памятников, их составители видели органичную связь прошлого менее дифференцированного состояния общества с современным себе более дифференцированным общественным состоянием.

Следовательно, пусть бессознательно, первые историки отражали то обстоятельство, что архетип организации прошлой мало дифференцированной жизни по-прежнему применяется для интеграции нового более дифференцированного общественного состояния. Эти несколько отвлеченные суждения, неизбежные при социально-философском анализе, находят вполне конкретные исторические приложения.

Царская власть в двух великих ближневосточных обществах (Египет и Шумер) отнюдь не была

достижением их
высокодифференцированных и,
соответственно, интегрированных
стадий развития в эпоху
общенациональных государств.
Строго говоря, у нас нет никакой
уверенности, что царская власть
была органично связана со
структурой общенациональных
государств. Их систематические
распады (как в Египте, так и в
Шумере) показывают, что дело
обстояло именно так. В самом деле,
царская власть в указанных странах
была органичным достижением
локальных, а не общенациональных
государств: она появилась в

Нижнеегипетском царстве и в отдельных округах Шумера (где титулатура далеко не всегда была собственно царской, что в данном случае не существенно) и изначально не рассчитывалась на более крупные социальные образования. Тем не менее, общеегипетское и общешумерские государства использовали древние институты царской власти, рассчитанные на микросоциумы. Следовательно, египетские и шумерские макросоциумы использовали для своей интеграции государственные институты, рожденные предшествующими им

микросоциумами. Это, собственно, и означает, что социум использовал для интеграции своего нового дифференцированного состояния средства интеграции, рассчитанные на менее дифференцированное состояние. Как отмечалось выше, всякие более древние институты социальной интеграции были общеупотребительными в своих малодифференцированных социумах. Именно это их свойство общеупотребительности и позволяло им функционировать в более дифференцированных обществах, опередивших в развитии те условия, которые породили архетипы их

интеграции (в данном случае, царскую власть).

Можно заметить, что средства интеграции, применяемые социумом, нередко бывали древнее того дифференцированного состояния, которое они были призваны интегрировать. Так, предметная форма цивилизации (город — средство коллективного непроизводительного потребления сакрального, административного, жилищного и фортификационного типа) было древнее опредмечивающегося ею общества разделенного труда (примеры см. гл. II, 2–3), а царская власть

общенациональных государств Египта и Шумера была древнее этих социальных образований. Причина такого положения вещей заключалась в том, что архетипы, порожденные менее дифференцированным обществом, имели более выраженный интегративный характер, что объясняет их живучесть на более дифференцированной стадии социума.

Ранние историографы, проводя линию родства между современной себе царской властью и царственностью более древних эпох, не только отражали реальную социальную связь в истории, но и,

ограничиваясь этой социальной связью, интегрировали осознание своей социальной реальности при помощи древнего архетипа. Если царственность (во всяком случае, централизованное правление) была органичным средством отражения целостности локального общества типа шумерских округ, то применительно к общенациональному государству это было далеко не так. Царственность общенационального государства (и Египта, и Шумера) не являлась его порождением, а наследовалась им из прошлого (отдельная область навязывала свою царственность всей

стране). Следовательно, отражение общенационального социума через призму царственности (типичный метод первых историографов) означало использование понятия прошлого менее дифференцированного состояния (отдельной округи или нома) для интеграции представлений о новом более дифференцированном состоянии общества (общенациональном). Здесь наблюдается, таким образом, типичная социальная связь в истории, перенесенная из сферы материальной жизни в сферу идеологии. Поскольку такая

идеологическая направленность является типичной для ранней историографии, можно сделать вывод о ее генезисе. В генезисе историография, на наш взгляд, представляла собой использование средств, адекватных прошлому менее дифференцированному состоянию общества, для отражения его нового более дифференцированного состояния. Отсюда проистекал шумерский тезис о том, что царственность, сошедшая с небес в раннединастическую эпоху (или “до потопа”), закономерно поступила в конце концов в распоряжение царства Шумера и Аккада. Проще

сказать, шумерская историография отражала царство Шумера и Аккада так, словно это была округа, вроде Киша, а понятие царской власти, которая была там и там, служило средством мотивации такого отождествления. Реальные существенные отличия названных социальных образований при этом игнорировались (или не были известны историографам, что далеко не обязательно, см. выше).

Генезис другой более поздней формы исторического самосознания — философии истории — может быть связан с похожими социально-историческими условиями.

Хронологически начала современной светской философии истории (см. выше) совпадают с концом первого этапа современного демографического взрыва в Западной Европе (XI — середина XVI в.). Это демографическое событие, по нашей гипотезе, послужило предпосылкой промышленной революции и очередного этапа общественного разделения труда, в результате которого западноевропейское общество претерпело значительную социальную дифференциацию. Начало этого процесса (появление наемных рабочих и буржуа в Италии) в общем синхронно появлению очень

ранних начал философии истории, которые, следуя за распространением капиталистических отношений [\[118\]](#), последовательно проявляются в Италии, Франции, Англии и Германии. В этой связи возникает вопрос: почему дифференциация западноевропейского общества сопровождалась появлением новой западноевропейской формы осмысления истории?

Если мы сравним два последовательных состояния западноевропейского общества — позднефеодального и раннекапиталистического, то, при социально-философском взгляде на

них, первым делом бросаются в глаза их различные формы социальной дифференциации, выражающиеся в измененной классовой структуре, в новых экономических отношениях между подразделениями труда, в новациях групповых интересов общественных групп и т.д. Наблюдая эти исторические новшества, социально-исторически ориентированный мыслитель интуитивно должен был чувствовать перемены в течение исторического процесса, произошедшие на рубеже феодализма и капитализма.

Наблюдатель этих исторических перемен вставал перед проблемой

исторической преемственности феодального и буржуазного общества. Наряду с определенными внешними признаками такой преемственности (многочисленные пережитки феодализма) имелись не менее весомые признаки того, что между феодальным и буржуазным обществами существовал разрыв. Связь этих двух стадий развития общества совершенно не поддавалась описанию средствами традиционной военно-политической историографии.

В этой связи перед основателями философии истории стояла задача найти связь между старым

малодифференцированным
феодальным обществом и новым
высокодифференцированным
капиталистическим. С этой задачей
они в полной мере, по-видимому, не
справились, однако направление их
поисков можно было бы предсказать.
Два объекта разной степени
дифференциации (феодализм и
капитализм) на уровне явлений
имеют между собой мало общего.
Следовательно, их общие черты
могут быть обнаружены лишь на
уровне сущностей, сходство которых
указывает на присутствие их
закономерной связи в истории.
Таким образом, первые философы

истории в поисках общности своих объектов наблюдения (феодализма и капитализма) неизбежно должны были прийти к попыткам установления общеисторических закономерностей очень высокого уровня абстракции. Как известно, поиски стержневых закономерностей течения исторического процесса являются отличительной чертой философии истории, по крайней мере, начиная с Дж.Вико.

Философ истории, постулируя закономерную историческую связь двух обществ разной степени дифференциации, фактически отождествляет их сущности (это

выражается в убеждении в существовании общеисторических закономерностей). Но отождествляя их сущности, он использует прежнее менее дифференцированное состояние социума (в котором сущность всегда выражена явнее) для описания и понимания более дифференцированного состояния социума (в котором сущность теряется среди своих многообразных проявлений). Следовательно, теоретическая деятельность философа истории, абсолютно независимо от его субъективных намерений, в первую очередь идеологически отражает

классическую социальную связь в истории. В этом отношении философы истории на новом уровне повторили путь первых историографов.

3. СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ

Апофеозом развития вторичной структуры раннецивилизированного общества стало возникновение научного сознания. При объяснении начал научного знания необходимо иметь в виду то обстоятельство, что сущности, лежащие в основе древнейших наук, судя по всему (и вопреки ожиданию), возникли

независимо. Это видно, во-первых, из очень раннего сосуществования различных отраслей научного знания и, во-вторых, из невозможности построить генеалогическое древо дифференцирующихся наук: складывается впечатление, что они возникали бессистемно и зачастую вне видимой связи друг с другом. В этой связи представляется целесообразным предпослать обзору состояния раннего научного знания некоторые общепhilosophические соображения относительно генезиса отправных пунктов научного мировоззрения.

В основе функционирования всякого научного знания лежит способность открывать и предсказывать сущности. Сущности представляют собой устойчивые черты явлений и в этом отношении сближаются с понятием закономерности, отражающей устойчиво повторяющиеся связи вещей. Всякое явление обладает, помимо существенных черт, целым набором неповторимых случайных особенностей, которые количественно преобладают. На этом фоне существенные черты явлений теряются и фактически становятся эмпирически ненаблюдаемыми.

Более того, характерные сущностные черты явлений могут встречаться в составе довольно разнородных явлений, что приводит к формированию представлений о сущностях весьма глубокого порядка, лежащих в основе широкого круга явлений и их отдельных свойств. Если различия между сущностями одной и той же глубины носят содержательный (качественный) характер, то различия сущностей разной глубины из одной предметной области носят преимущественно количественный характер при условии, что можно построить иерархическую систему этих

сущностей.

Строго говоря, тезис о ненаблюдаемости сущностей является философской абстракцией, и проблема эмпирической ненаблюдаемости сущностей еще ждет конкретнаучного разрешения. Возможные поиски в этом направлении представляются нам следующими. Для понимания особенностей восприятия человеком действительности большое значение имеют приложения количественной теории информации К.Э.Шеннона, основы которой мы излагали выше (гл. I, 2). На наш взгляд, важнейшим выводом из этой теории является тот,

из которого следует, что человек воспринимает как информативное только сообщение, содержащее новые сведения. Этот вывод с полным основанием можно использовать для объяснения проблематики наблюдения сущностей.

Между сущностями различного уровня из одной предметной области существуют главным образом количественные различия. Все более глубокие сущности имеют все меньшее представительство в явлениях все более широкого круга. Например, понятие вещественности представлено свойством осязательности

в массе объектов материального мира. Более частные понятия твердости, мягкости и т.п. богаче представлены в мире явлений, но уже в ограниченных их областях. И так далее. Эта филиация сущностей отражена в известной обратной зависимости между объемом и содержанием понятий. Для нас же важно, что сущности разной степени глубины (объема) различаются количественно, и, следовательно, проблематику их наблюдаемости можно исследовать на примерах сущностей ограниченного объема и минимальной глубины. Предположим, что между этими

сущностями и представляющими их явлениями никаких различий, кроме метафизических, нет. При этом допущении можно конкретизировать различные возможности наблюдения сущностей и явлений.

В составе явлений одного класса имеется ограниченный набор повторяющихся свойств, отражающих сущность, лежащую в основе данного предметного класса, а также неограниченный набор неповторимых случайных свойств, не имеющих прямого отношения к отражению рассматриваемой сущности. Единичный наблюдатель, подчиняющийся принципам теории

информации, при регистрации явлений данного класса окажется в своеобразном положении. Существенные повторяющиеся черты явлений он зафиксирует как единичную констатацию, поскольку, по теории информации, группа повторяющихся сообщений, отражающих существенные черты явлений, может быть представлена только одним информативным сообщением. Их дубли, с точки зрения теории информации, не будут содержать информации, поскольку информативными являются только новые сведения. Напротив, многочисленные случайные

проявления сущности наблюдатель каждый раз регистрирует как отдельные самостоятельные информативные события именно потому, что они неповторимы (и, следовательно, не отражают сущности). В итоге наблюдатель получит длинную серию регистраций явлений данного класса, но лишь одна из этой серии регистрация будет непосредственно отражать сущность этих явлений. В результате существенная регистрация (отражающая сущность) совершенно потонет в массе неповторимых регистраций, которые не будут отражать сущность. В приведенном

примере совершенно очевидно, что, в силу особенностей теории информации, сущность явлений данного класса окажется практически ненаблюдаемой, причем причины этого обстоятельства будут носить не абстрактно метафизический, а конкретно научный характер.

Эти информационные трудности наблюдения сущностей имели место в древности и продолжают существовать и сейчас, только в современной науке и философии появились методы, позволяющие обходить информационные ограничения наблюдений сущности.

Однако из истории философии и науки определенно известно, что эти методы сложились уже на стадии формирования довольно развитого теоретического знания (греческие философия, математика, астрономия, география, физика и др.). Следовательно, первые сущности ранних наук, по-видимому, возникли стихийно, в отсутствие целенаправленной методологии своего обнаружения. В этой связи возникает закономерный вопрос: каким образом социум обошел информационные трудности обнаружения сущностей и выявил тот начальный их набор, который

стал основой функционирования ранней системы научного знания. Для ответа на этот вопрос нам придется вспомнить несколько неожиданное обстоятельство, а именно: демографическое состояние, достигнутое ранней цивилизацией.

Ранние цивилизованные общества вплотную приблизились к “демографическому рубикону”, предполагающему десятитысячное население локального социума. Поведение членов такого демографически значительного социума, как отмечалось выше (гл. II, 2), начало подчиняться действию

статистического закона больших чисел. Если первобытные общины были малопредсказуемыми статистическими объектами, то цивилизованный социум, подчинившись закону больших чисел, фактически стал следовать динамическим закономерностям. Динамические закономерности предполагают полную предсказуемость поведения подчиняющихся им объектов. Напротив, статистические закономерности дают лишь вероятность типичных линий поведения отвечающих им совокупностей объектов. Когда

совокупность объектов начинает подчиняться действию закона больших чисел, все варианты ее вероятных линий поведения становятся практически однозначно предсказуемыми. Хотя, строго говоря, поведение таких крупных совокупностей объектов по-прежнему отвечает статистическим закономерностям, в том числе закону больших чисел, фактическое отличие этого статистического поведения от поведения, описываемого динамическими закономерностями, становится несущественным. Учитывая эти оговорки, можно в известном смысле утверждать, что

десятитысячный цивилизованный социум стал практически динамическим объектом, чем начал радикально отличаться от любых малочисленных первобытных сообществ, являющихся целиком статистическими объектами.

Десятитысячный цивилизованный социум приобрел ряд свойств, имеющих прямое отношение к его способности выявлять и предсказывать сущности. В условиях действия закона больших чисел становилось предсказуемым не только поведение членов цивилизованного общества, но и характер информации, находящейся в

их распоряжении. Цивилизованный социум превратился в своего рода “живой компьютер”, и принципы его действия в общем виде выглядят так.

При наблюдении некоего класса явлений единичный наблюдатель имеет большое число шансов получить информацию об их несущественных случайных чертах и лишь один шанс непосредственно отразить лежащую в основе этих явлений сущность. Эта зависимость несколько необычна для здравого смысла, поскольку на соответствующем ему уровне рассуждений кажется, что как раз основу регистраций наблюдателя в

нашем случае должны составить наблюдения сущности, поскольку они, в отличие от регистраций случайных черт явлений, повторяются. Действительно, все это так. Однако повторяющиеся регистрации сущности сливаются для наблюдателя в единое регистрационное событие (как следует из теории информации, см. выше), в то время как регистрации случайных черт явления остаются независимыми и количественно полностью подавляют регистрацию сущности, в результате чего наблюдатель попросту воспринимает ее как самую рядовую. Подчеркнем,

что мы обсуждаем поведение наблюдателя, лишенного классических методик выявления сущностей, т.е. наблюдателя, отвечающего самому начальному состоянию науки.

Если мы перейдем от случая с единичным наблюдателем к случаю с двумя или более наблюдателями, регистрирующими одну и ту же предметную область, мы обнаружим, что судьба регистрации сущностей начинает изменяться. В арсенале множественных наблюдателей по-прежнему будет много неповторимых случайных регистраций явлений, но одновременно и серия идентичных

регистраций сущности. Общая информация этих множественных наблюдателей распадется на пласт анархических случайных сведений и серию идентичных наблюдений сущности.

Если перейти теперь к информационно-связанному социуму, перешагнувшему “демографический рубикон”, и представить этот социум как вариант множественного коллективного наблюдателя, то обнаружится следующая картина наблюдения этим социумом какой-либо предметной области. Часть наблюдений этой области составят регистрации

неповторимых и непредсказуемых случайных черт явлений, а другую часть составит практически однозначно предсказуемая серия идентичных регистраций сущности, лежащей в основе этих явлений. Иными словами, в этом мысленном эксперименте мы пришли к демографически крупному социуму, подчиняющемуся закону больших чисел, а потому получающему предсказуемые идентичные наблюдения сущности (если социум повторит опыт наблюдений, он получит статистически тот же результат). Таким образом, мы пришли к социуму, способному

выявлять и предсказывать сущности, и эта его особенность связана со статистическими свойствами социума, обусловленными его подчинением действию закона больших чисел. Конечно, этот мысленный эксперимент надо принимать условно. Однако, информационно связанный цивилизованный социум, стихийно наблюдающий действительность, вполне мог время от времени стихийно выявлять в ней сущности и даже предсказывать их.

Мы предполагаем, что раннецивилизованный социум, приблизившись к

“демографическому рубикону”,
действительно уподобился “живому
компьютеру”, способному
накапливать информацию о
сущностях, выражающих
определенные позитивные знания о
природе и обществе. Дальнейшая
судьба этих сущностей зависела уже
от средств хранения информации,
которые в раннецивилизованном
обществе уже существовали
(письменность). Знания, получаемые
социумом таким автоматическим
путем, должны были отражать все
сферы действительности, знакомые
социуму. При этом сама система
знаний представляла собой

конгломерат, во многом независимо полученных сведений, а сами сведения носили отчасти прагматический, но нередко и непрагматический характер. Именно такой и была система ранних научных знаний в Египте и Месопотамии (см. далее). Наиболее вероятной формой фиксации полученных таким образом знаний должны были быть списки выявленных сущностей, и именно в такой форме мы находим научные письменные памятники в Месопотамии. Автоматически накапливающий знания социум действовал без идеологических

ограничений, что обусловило светский характер множества зарегистрированных им сущностей. Их, в соответствии с современными представлениями, относят к собственно научным. Однако в раннецивилизированном обществе не проводилось четкого разграничения между светским и религиозным знанием, и в стандартные месопотамские списки сущностей вносились, наряду со светскими, религиозные и гадательные (связанные с гаданием) сущности. Последние в действительности имели не метафизическую, а социальную природу, так что их

эмпирический генезис вполне представим.

Как можно видеть, появление научных знаний в раннецивилизированном обществе вполне объяснимо. При этом следует помнить, что упрощенно материалистическое, прагматическое объяснение генезиса раннецивилизированной науки совершенно не отвечает ее известному состоянию, во многом отнюдь не прагматическому. В частности, упрощенно материалистическая концепция генезиса наук предполагает, очевидно, что первыми формами

наук должны были оказаться сельскохозяйственные науки, технические области знаний, связанные с ремеслом, зодчеством, горным делом, навигацией и т.д. В действительности в шумеро-египетских корпусах научных знаний эти сферы представлены более чем скромно, и складывается вполне определенное впечатление, что ранние науки во многом, но, конечно, не всегда, были оторваны от практики. Это обстоятельство легко объясняется нашей гипотезой генезиса науки как следствия автоматической деятельности социума по фиксации сущностей без

различения прагматических и
непрагматических их источников.
Генезис науки, по нашей гипотезе,
был, конечно, следствием вполне
материальной деятельности социума,
но эта деятельность была достаточно
далека от ее наивно прагматического
понимания.

Собственно
прагматические знания
существовали в
раннецивилизованном обществе так
же, как они существовали в
первобытном обществе и как они
имеются, по существу, и у животных.
Однако эти прагматические навыки
общения с действительностью явно

не были первоисточником своеобразной ранней науки.

Генезис ранней науки был, в конечном счете, следствием мезолит—неолитического демографического взрыва, породившего “живой компьютер” ранней цивилизации. По аналогичным же причинам первый этап современного демографического взрыва (XI — середина XVI в.) вызвал в Западной Европе научную революцию Нового времени, на деталях которой мы не можем здесь останавливаться.

В открытии архетипа сущности вещей участвовал, конечно, не социум в целом (как мы постулировали для простоты изложения выше). Реальность его открытия была, видимо, сложнее. В рассмотренной выше схеме эвристической деятельности социума — “живого компьютера” общество представлено нами как бесструктурный демографический конгломерат, которого в действительности никогда не существовало. Члены этого абстрактного социума в равной мере должны бы были заниматься сельским хозяйством, ремеслом,

торговлей и умственным трудом. Такой социум действительно открывал бы сущности согласно вышеописанной схеме. В действительности цивилизованное общество было разделено на профессиональные группы с соответствующей специализацией деятельности. Умственный труд стал достоянием соответствующего подразделения труда, и есть все основания считать, что в этом подразделении умственный труд был концентрированно представлен в той пропорции, которая была бы свойственна социуму в целом, не будь он разделен на

профессиональные группы. Это
вытекает из того обстоятельства, что
объем умственного труда общества
пропорционален уровню
производительности труда социума и
объему высвобождаемого благодаря
этому уровню нерабочего времени.
Часть этого общесоциального
нерабочего времени могла быть
употреблена обществом для
стихийной эвристической
деятельности по отысканию
сущностей сообразно нашей
вышеприведенной схеме
рассуждений. В действительности
эта часть нерабочего времени, по-
видимому, полностью стала

достоянием подразделения умственного труда, члены которого были освобождены от материально—производственных забот. Тем самым все статистические эвристические свойства социума были делегированы им в подразделение умственного труда, которое стало полноценным представительством эвристических свойств социума, приблизившегося к “демографическому рубикону”. Абстрактный десяти тысячный социум мог бы открыть какую—нибудь сущность в результате одноактного наблюдения (разумеется, мы говорим условно).

Подразделение умственного труда могло справиться с той же задачей в результате многократных наблюдений одной и той же предметной области (может быть, разными поколениями наблюдателей). Как представляется, открытие математических сущностей в Шумере и Египте произошло именно таким путем. Количественная статистическая сторона специализированной эвристической деятельности мало известна. Поэтому мы ограничимся предположением, что подразделения умственного труда раннецивилизированных обществ

способны были имитировать статистическую эвристическую деятельность десятитысячного социума. В частности, составляя из дня в день и из поколения в поколение количественные хозяйственные таблички и наследуя в письменной форме результаты и методы своих расчетов, шумерские (и, вероятно, египетские) писцы вполне могли получить статистический материал, эквивалентный эвристическому опыту десятитысячного социума. Открытие первых научных сущностей опиралось, таким образом, на специализированный

умственный труд и письменную
форму наследования его результатов,
эквивалентных статистическому
эвристическому опыту
десятитысячного социума наших
выше